МОСКОВСКИЙ ДОМ
Современная поэзия и проза

НЕСКОЛЬКО СТРОК НА ПЕСЧАНОМ ПЛЯЖЕ

МОССАЛИТ
2015

УДК 82-3.161.1
ББК 84 (2Рус)6
М52

ISSN 2078-0230

Издательский проект «Московский Дом»
Московского Салона Литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru

Составитель сборника
Ольга Грушевская

Предисловие
Всеволод Круж

© Московский Салон Литераторов, 2015
© Авторы сборника, 2015

Вместо предисловия

Однажды собралась семья за обеденным столом, и зашел разговор о том, что же такое счастье.

Дед сказал, что это здоровье, и при этом поморщился от боли, выпил лекарство и потер ноющую поясницу.

А бабушка посчитала, что главное – это достаток в семье, и грустно посмотрела на скромно уставленный стол.

Отец, глава семьи, вздохнул, пожаловавшись на сокращения и задержку зарплаты, и сказал, что счастье – это успех, карьерный рост, победы.

Мама проворчала, что нет его, этого счастья. А если и есть, то это только миг, который невозможно удержать...

Они так редко собирались всей семьёй. За окном светило солнце, пели птицы. Маленькая девочка, всеобщая любимица, радостно прыгала вокруг стола.

— Счастье – это... — и она подняла вверх руки, а потом развела их в стороны, показывая что-то огромное.

— Счастье – это... — и она закружилась на месте.

— Счастье – это... — и она звонко засмеялась.

И глядя на нее, заулыбались все члены семьи, забыв о всех болезнях и проблемах. Потому что это и было счастье! А что – это? Никто словами сказать и не мог.

Наши авторы – мастера слова, и они умеют рассказать о том, что же такое счастье. Оно у всех разное. И оно не бывает постоянным. Оно может быть выстрадано тяжелым трудом и лишениями, а может прилететь внезапно и ниоткуда.

Ах, эта Птица-Счастье!

Именно так – «Птица-Счастье» – назывался конкурс, который прошел на литературном портале «Что хочет автор» в конце 2014 – начале 2015 года. Произведения победителей этого конкурса также вошли в наш сборник.

Наш дорогой читатель! Желаю тебе получить удовольствие от чтения этой книги. И конечно же, найти свое счастье!

Всеволод Круж

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Игорь Лукшт 6

Мария Панфилова 16

Зинаида Кокорина 27

Елена Ларина 38

ПРОЗА

Мари Веглинская 42
Настройщик 43
Ожидание 62

Игорь Бурдонов 66
Трое в лодке, не считая собаки,
или Правдивейшее жизнеописание путешествия
по реке Дубне 67

Микаел Абаджянц 79
Диван 80
Записки старого человека 84
Собаки 90
Все золото мира 100
Наваждение 102

Ольга Грушевская 104
Дракон, поиски счастья
(главы из повести) 105

Алёна Чубарова 131
При чём тут Золотухин 132
Неправильный Маяковский 133
Happy end для принцессы,
или Можно ли подправить Андерсена 134
Восток – дело тонкое,
или Чудо номер раз, два, три 137
Метаморфозы названий 141
На правах лирики 142
Второй сезон Дамы без собачки 146

Анна Народицкая 149
Фарфоровые мечты 150
Бесконечная серенада 153
Затянувшийся сон 156

Мария Сидлер 164
Один счастливый день, или Иллюзии 165
Бумеранг 169
Короткие сказки о счастье 173
Записки Тяпы 178

Олег Велесов 186
Счастье с другой стороны 187

ПОЭЗИЯ

Игорь Лукшт

Что для меня счастье? Мое интуитивное понимание: день осмыслен и наполнен трудом, приносящим радость, любовью и заботой о близких.

Родился в Баку в 1950 г. Окончил школу в 1967 г., Московский авиационный институт – в 1973 г., Московское высшее художественно-промышленное училище им. Строганова – в 1985 г.

Скульптор (http://picasaweb.google.com/igor.lucsht). Преподаю рисунок в МГХПА им. Строганова и школе-студии МХАТ, член Московского и Российского союзов художников.

Первые стихи датированы восьмидесятыми годами, первые публикации в сети – 2004 г.

Стихи опубликованы в журналах «Октябрь», «Лауреат» (издательство «Новый Современник»), поэтических сборниках «Загадки души» (Библиотека современной поэзии), «Самое время» (издательский центр «Вентана-Граф», Москва), «Серебряный стрелец. Поэзия–2009» и др.

Финалист Волошинского международного конкурса 2005, 2006, 2008 гг. (портал poezia.ru), Первого чемпионата Балтии по русской поэзии 2012 г., Первого чемпионата мира по русской поэзии 2013 г. (портал stihi.lv) и др.

Лауреат международных конкурсов «Поэзия–2006», интернет-конкурса Грушинского фестиваля – 2011, 2012 гг., «Вся королевская рать» – 2006, 2007, 2009, 2013 гг. (портал litkonkurs.ru), «Серебряный стрелец. Большая премия» – 2009, 2010, 2011 гг. (портал argentium-book.ru), Второго чемпионата Балтии по русской поэзии – 2013 г. (портал stihi.lv) и др.

Наплывом из детства [1]

...Старый «Forster» сыплет на паркет
бусы нот, негромок и возвышен.
Я лежу калачиком, как мышка,
в детской на скрипучем сундуке...
С солнечным лучом накоротке,
на окне пионовый букет
розово-лиловой негой дышит.

Помышляя явно о свободе,
«Дзэннь – и – дзэннь», — пчела стеклом звенит,
азиатский ветер шевелит
тюль крахмальный в жаркий летний полдень,
на пузатом мамином комоде
слоники нефритовые бродят,
и трюмо пространством ворожит.

Пахнет пылью сонных тополей,
трав и смол настоем. На мгновенье,
тонкий дух вишнёвого варенья
наплывает нежный, как ручей.
Там, в проёме кухонных дверей,
таз бормочет, бронзовых кровей,
розовое пеноизверженье.

Надо мной колышется, как море,
странный мир – неведомый, живой...
Бесконечна жизнь. Само собой,
всё получится. И в радости, и в горе –
будем вместе все. «MEMENTO MORI...»
Не умрёт никто. И в сером взоре
необъятный солнечный покой...

---

[1] *В представленных стихах сохранена авторская пунктуация. – Примеч. ред.*

Утро

Начинается свист в репродукторе, гимном чреватый,
в сером сумраке комнаты ходиков медленный бег.
Ветер тронул крыло занавески. Диванчик дощатый
заскрипел и вздохнул, полный снов и предутренних нег.

Рассыпается дробь – хлебовозы считают поддоны,
юный хлеб из пекарен ночных во дворе задышал.
Вечный уличный страж, дворник машет метлой под балконом,
прах столетий метёт, по асфальту соломой шурша.

В сонном омуте крыш голубь горло зарёю полощет,
липа старая смотрит в открытое настежь окно,
чуть качается лист с золотистой прожилкой и ропщет
на угрюмость ночей, на прохладу и сумерки, но

проливается свет. Чиркнет спичка, эмаль в синих перьях,
заворчит незлобиво кофейник на смуглой плите,
запах гренок струит. Как ребёнок, под сводами кельи
спит с улыбкой пиит – в пустоте, в наготе, в чистоте.

Мама латку кладёт на лохмушки потёртых х/б.
Над тетрадью стихов, отрясая лиловые кисти,
наклоняется ветка сирени в немой ворожбе,
из хрустальной воды вынимает зелёные листья.

На раскрытой странице в игре преломлённых лучей
слово «Утро» начертано тонкой чернильною ниткой…

«Утро

Начинается свист за крылом уходящего ветра,
обрывается дух над кромешной густой синевой,
занимается даль – Лучник плавит горнильные недра,
припасая перуны косые в колчан золотой.

Рассыпается дробь под копытами медленноногих,
теплогубых коров, пролагающих жертвенный путь.
И кричат по степи пастухи заунывно и строго,
и бичами кроят в лоскуты предрассветную муть.

Ты над миром сквозишь:над волною, над камнем, над древом,
с кровли лба Твоего нистекает свет утренних звёзд,
пробуди своих чад глуходремлющих древним напевом,
окропи их чела нежным холодом утренних рос.

Проливается свет сквозь туманно-прозрачные груды,
на серебряный лист – ледяная капель бубенцов,
заскрипит карусель: щебет-шорохи-вспорохи-гуды,
лёгкий морок, улыбка и грусть ускользающих снов.

Истончается нить в грубых пальцах судьбы, но прорухи
всё не видно конца: ни кола, ни дворца, ни венца.
Только робкий смычок, только вещий намёк от Старухи,
только утра глоток, да любви острие у лица»...

Встрепенулся будильник – картавый петух городской,
начинается день нежной пенкой молочного утра.

Башня

Суровость грубосложенной стены
из охристого камня Инкермана
на фоне гор... Старуха-несмеяна
явилась, долгожданная, как манна,
и показала башню. Суждены
нам были две неполные луны
цыганского лихого забытья
от дел и треволнений бытия
в обители ветров и тишины,
сдаваемой в сезон за треть цены.

Под сводом полыхающих небес
стояла недостроенная башня.
В проёмы тёмных окон бесшабашно
сквозняк входил на ярусы, где шашни
коты вершили, старенький отвес
свисал с каркаса струганных древес
разъятой кровли. Шаткие мостки
вели с соседней крыши воровски
под этот фантастический навес...
Но я молчал, улыбчивый, как Крез,

подаренный немыслимой казной,
и понимал, что нищая свобода,
и царственность сквозного обихода –
родня нам, что с заката до восхода
они нас принимают на постой...
И вот в ночи небесною ладьёй
в созвездьях, словно в лилиях речных,
плывёт ковчег. Двух чудиков босых,
мерцающих молочной наготой,
качает в колыбели расписной.

Ручей студёный в зарослях звенит
осоки сонной, спящей ежевики,
листвы склонённой зябнущие лики
кропит водою. Плющ приемлет блики
луны и львиной гривой шелестит
под хор цикад... Но утренний москит
из Марса цедит кровь – и тот поблёк,
Кассиопея, Рыбы, Козерог –
погасли на кругах своих орбит
в спиралях галактических улит.

И мимо окон в предрассветной мгле
по направленью к утреннему морю
скользнула чайка, жалуясь и вторя
своим подругам, в сумрачном просторе
печаль неся на выгнутом крыле
туда, где полог тёмный просветлел,
но ни воды, ни неба – лишь туман,
дремотно дышит хмурый океан
Соляриса в клубящемся стекле,
в серебряно-воздушном киселе...

Мы растворялись в море, где прибой
по гальке шаркал, словно перестарок,
и волны с грациозностью кухарок
скоблили смоляные днища барок,
и свет сходил на плечи, боже мой,
ликующие в бездне голубой...
А к вечеру, как добрая монашка,
звала нас привязавшаяся башня
домой. Лаванда, мята, зверобой
шуршали под стропилиной сухой,

шаманил шмель – шелковицы алкал,
листы стихов, рисунки шелестели,
качалась в придыханиях свирельных
тарань на тонких вязочках кудели,
закат гляделся в стёклышки зеркал...

Когда глаза закроет пелена,
мне эту башню крымскую яви,
прибежище свободы и любви,
где ветер пел, и август прорицал,
сквозь кровлю звёзды белые ронял.

Ковчег

Паутина мерцает,
полусумрак и шорохи, ворохи сена.
Как созвездья, пылины пылают в лучах,
проникающих в чрево сенного сарая
сквозь щербатые щели неструганных плах.
И звенит тишина здесь и нощно и денно
на окраине рая.

В захолустье великом
лишь гудение ос под стропилами кровли...
Смоляные янтарные капли соча,
сохнут доски на балках. И горней музыкой
проливается древний напев скрипача –
на камнях, на былинах, поленницах дров ли –
вольно гимны пиликать.

Пой в краю глухоманном,
где в охапках примятых подсохшие травы
колко память хранят драгоценных ночей –
лепет губ и прохладные пальцы Татьяны.
И надкушенный плод, щёк зардевших красней,
всё мерещится в космах зелёной отавы,
в белой зыбке тумана...

Днесь в ковчеге дощатом
пахнет сеном нагретым, сосною и летом.
Дверь распахнута, и веткой вишни шуршит
пробегающий ветер – шаманит, крылатый,
шевелит облаков снеговые ковши.
Степь колышет соцветья. И в осыпях света –
нежный щебет касаток...

Июль. Купальщица

На ряби
озёрной, где зыбок узор
и розов, как зяблик,
качается Солнце.
То влево, то вправо – придумал забаву
божок в балахонце.
В одёжке
пурпурной, багрит балагур,
округлый, как грошик,
вечерние воды,
где плещет карасик. И в золото красит
шатёр небосвода.
На ветер
пушины! Влачат камыши,
метёлки соцветий
в шуршании сонном,
в закатных лучах бархоточный прах
роняют на лоно.
Насыщен,
как соты, медовый песок,
где ветер нас ищет...
Тамбовской мадонны
плечо бронзовеет под лаской Борея
и лоб окроплённый.
Вся – притча
о Солнце, чёй огненный чёлн,
как мир, архаичен.
Лучи заплетая
в намокшие пряди, как в древнем обряде,
пылает нагая.
И капли
мерцают, и тень плавунца,
и лёт серой цапли...
Июльская нега,
стрекозьи просторы – ни чиха мотора,
ни скрипа телеги...

Студенецкие пруды

Скажи, звёздный странник, Итакой рождённый Улисс,
что гонит потомков твоих в каждодневный круиз
по миру, по свету, по гатям родимой земли?..

В тенистых аллеях, в бездонные дни благоденствий
с мадонной моею, чреватой прелестным младенцем,
одежды овеем, сандалий тесьму припылим...
Слиянье голландских традиций и русских трудов –
окружья мостов над каналами старых прудов,
где пресненский парк, амальгамой седой полонён,
дрожит миражом в отраженьях фарфорово-хрупких,
и светятся скупо его озарённые купы...
А с тихого ль неба, с вечерних ли меркнущих крон
ссыпается варварский грай молодых воронят,
на врановом вече вещающих скорый закат.
Но солнце ещё не погасло в осоках полян,
и, пуха пухлей, золотистые лохмы соломы
мерцают сквозь травы в волокнах прохладной истомы,
и флоксовы шапки сочат сладко-сонный дурман.
Там, в звонах и гудах, в печали – о чём ли? о ком? –
прощальная ходка шмеля над дремотным вьюном.
Летун басовитый ажурные петли плетёт,
льёт сумерек росы в развёрстые зевы сосудов –
нефритово-розовых, палевых, трепетно-грудых,
прилежен и важен в плену неотложных забот.

Окликнешь ли Время – покатится медленный зов
по глади, по грусти, по неге старинных прудов,
и взгляд твой отметит проплешину мёртвых ветвей,
устало плывущие капли листов пожелтелых,
зацветшие воды, щербатых мостов обомшелость,
извивы расщелин и ржавую оспу камней.
Поведай, Улисс, отчего неизбывна тоска,
и льдисты свирели великой Косой? Но пока...

пушинка, малёк, водомерка, стрекозье крыло,
лампада кувшинки, крушины шумок наговорный –
неяркого летнего дня драгоценные зёрна,
и время неспешно, и вязы вздыхают светло.
И время не властно над алым скользящим лучом
и локоном светлым, и худеньким нежным плечом...
Ковчежец небесный в зерцале каналов плывёт –
в зелёном и розовом золоте ряски вечерней
И, словно над влагой багряною грек-виночерпий,
Склоняются ветви над флегмою гаснущих вод.

Мария Панфилова

Летучая рыба Счастье!.. Как бы это без лишнего пафоса…

Щастье… Так иногда «говорят» на интернет-сленге.

Штука странная, труднообъяснимая, совершенно неконтролируемая. Щ-щ-щ! – о нём можно только сбивчиво, нервно, не слишком и очень серьёзно… пытаясь ухватить за плавник, получая хлёстко хвостом по щеке, «по мордасам»! Уф!

Привет! Я – Маша Панфилова. Ищу счастье…[2]

[2] *В представленных стихах сохранена авторская пунктуация. – Примеч. ред.*

* * *

Ща-ща-ща! — всегда откликается щастье
Ставит на память зарубки на каждом запястье
Пальцы щепотью – щепочкой начирикай
Несколько строк на песчаном пляже для чаек Итаки.

Летите, милые, расскажите уже Одиссею
Как я тут плету на коклюшках саван,
хлебушек сею,
А вырастает всё чаще чертополох
Не так уж и плох,
Но... «не хватает Тебя, всё-таки возвращайся
Завязываю.
На память узел.
Шелковый платок на груди
Завязываю писать.
Приходи...»

* * *

Безобразная Эльза
В платьице из крапивы,
Чуть молчаливей сороки,
Чуть умнее коровы,
А туда же, туда же –
Воровка.
Плачут по ней Вера, Надежда, верёвка...

Колышек в поле,
Бывший когда-то берёзкой,
Ждет её –
Он пуп земли, подобие друга, земная кора,
земная кара,
Точка отсчёта, ориентир...
Мира модель, весь мир.
А длина верёвки – радиус
Хочешь – круга,
А можешь –
Шара.

* * *

Эта – словно живая – мгла
Навалилась лиловой тушей
На ростки ледяного стекла
Под ногами по краю лужи.

Острие моего копья
Заржавелое и тупое...
С безнаказанностью соловья
Я пою, воротясь из боя.

* * *

Я – права,
А ты – лев.
Я – шутов,
А ты – королев
Знаем суть...
За-будь.

* * *

Мы с тобою вместе испытали
Наслажденье наивысшей пробы:
Медленными мерили шагами
Сад почти растаявших сугробов...

* * *

Негромко музыка бубнила.
Чадила старая плита.
Ночь кофту чёрную чинила, –
Неубрана, незавита́...

И месяц горечью миндальной
Переполняясь, – сам не свой,
Подсвечивал щекою сальной
Своей подруге вековой...

* * *

У полыньи, у края парка,
Ловлю на варежку свою
Зеленогрудую русалку
Ловлю и песенку пою.

Великолепна и уныла,
Переливаясь надо мной,
Луна – белеющий обмылок
Или осколок слюдяной.

* * *

Замызганный мольберт в углу.
Незавершённая марина.
Жара и нега. На полу
Таинственный зрачок тигриный

Мне чудится в игре теней…
И голос: «Здравствуй, мол, товарка!»
Чащоба. Запахи сильней.
Там, за границей лесопарка,

В сыром болоте тишина
Ловушки хитрые расставит.
И жизни суть обнажена.
Нагайна. Рики-Тики-Тави.

* * *

Жар из-под синих век.
Глины лоснится шёлк.
Молча последний снег
Шляпу взял и ушёл.

* * *

Тяжёлые мысли удобно в большом чемодане
Хранить и повсюду, повсюду с собою носить.

А лёгкие мысли прекрасно на ниточках тонких,
Подпрыгивая и взлетая чуть-чуть с каждым шагом,
Как стайку воздушных шаров увлекать за собой.

Весёлые мысли так просто в компаньи хорошей
Приходят и, даже без пива, тебя утешают.

А грустные, пошлые, скучные, грубые мысли
Родит суета и с плохими людьми сообщенье.

* * *

Доверяя чутью,
Без дороги, без всякой тропинки
По сухому ручью перекатывая песчинки,
Там, где мальчик играл
И барашки под дудочку плыли,
Ветер к дому шагал,
Волоча по земле крылья...

* * *

В обычных лужицах
Живут жемчужницы.
Антенна кажется
Струной эоловой.
А в небе – голуби
Привычно кружатся.
Октябрь плещется:
Лазурь и олово.

* * *

Доброе утро:
Кашу варю на двоих...
Жизнь не напрасна.

* * *

Прислушайся и приглядись:
Вон там – как будто бы поклёвка!
Застиранных небес батист,
Берёзы редкая марлёвка...

Калина в кружевном белье, –
Шмелём обмётана прошивка.
Стрекочет в божьем ателье
Цикады швейная машинка...

* * *

Из водяных капель состоят облака?
Так я вам и поверил! Ишь, нашли дурака!
Не из каких не из капель, –
Видите – в небе сухо –
Делают их из пуха
Белых и серых цапель.
И, для пущего шику,
Лебедь скинет пушинку.
Да ещё – одуванчик.
Да ещё – воробей,
Тополь, ива, ракита...
И пацанчик Никита
Жалует рыжее пёрышко
Из подушки своей!

Мысли за трапезой

* * *

Пред величием Вселенной
Я стою, растерян:
Бесконечна, многомерна...
Даже блин трёхмерен!

* * *

Встретились однажды
на полях тетрадки

Мона Лиза и задняя
часть носорога,

Оставаясь, однако,
так, для порядку,

Каждый по свою
сторону монолога.

* * *

Девка красится,
Наряжается,
Обнажается
Чтобы нравиться
Хлебушка не ест
И не ест мясца –
Лишь пустою брюквой
Питается
Для мило́го молодца
При-хо-ра-ши-ва-ец-Ца!
А молодчик ея, –
Золотой урюк,
Обладатель «трешки»,
Носитель брюк,
И «с дитем берет», –

В общем, всем хорош...
Да застрелен намедни
За медный грош.

* * *

Падают груши, –
Подбородками, лбами
Бьются о землю.

* * *

Грустно девице без суженого...
Погрустит, и купит мороженого.

* * *

Нет, не ходи, не ходи Ты со мной в разведку:
Будут пытать – предам, а убьют – жалко.
Мысли сырые, – вот и чадят едко.
Губы горят, как на воре шапка.

Никакой маскировки, ядрён корень!
Заведу ероплан, – да к едренефене:
Ждать алый парус где-то на Мёртвом море.
Грей «собака» Яндекс. Пароль – «на сене».

* * *

Глядит, почти невидимый с Земли,
Сквозь этот сумрак, кем-то населённый:
Ветла во тьме когтями шевелит,
За облаком ругаются вороны...
И голый лёд. И дождь. И ни души...

* * *

В такое вот утро печалиться,
Сдаваться унынию – грех.
Такому вот утру случается
Июлем прийти в ноябре.

Пляши на макушке у августа,
Заглядывай марту в глаза,
Но только… ни слова, пожалуйста,
Что видел ты там, в небесах.

* * *

Часы драгоценные тают.
И те отданы́ суете…
Зачем человек не летает?
А если и хочет взлететь, –

Известная в физике тема
Напомнит парящей душе:
Про массу нахального тела,
Про «эф» и треклятое «же»…

Пусть разум талдычит своё нам.
От мыслей тесно́ в голове…
Над спящим в потёмках районом,
В количестве двух человек,

Друг в дружку влюблённые очень
Поднялись, кружа́т высоко…
Им ангелы машут, хохочут
И птичее пьют молоко.

* * *

В омуте полуденной Москвы
Тупички, проулки и «рогатки»…
Из моей садовой головы
Разума последние остатки
Выманит ленивая река…
Тают облака в растворе мыльном.
В этом мареве кофейно-пыльном
Жизнь так удивительно сладка!

* * *

Томились в небе облака
Ломтями нежного бекона, –
И тут же ливень клокотал,
И град обгладывал балконы...

Нельзя сказать: «Стоял июнь», –
Он время и пространство рушил!
Пустую песенку мою
Он наполнял вином из лужи.

Могу сказать: «Пишу стишки».
Смешно! Да и неблагодарно.
Стрижи на проводах – флажки
На нитях в воздухе янтарном...

Лимерики

* * *

Многомудрый кондитер Ашот
Тихо-мирно в Лозанне живёт,
И на каждом пирожном
Кремом, всё как положено,
Ставит надпись: «И это пройдёт».

* * *

Говорят, Анджелина Джоли́
Никогда не любила Дали
А любила Шагала
И по жизни шагала
По возду́хам аки́ по земли́.

* * *

Аспирантка одна из Пердью
Получила в наследство бадью
Полную Совершенств,
Ништяков и Блаженств...
Затянулась разок, – и адью!

* * *

Супермена из города Тир
Утомил и достал этот мир.
И такой утомлённый
Красно-сине-зелёный
Пьёт морковку и курит кефир.

Зинаида Кокорина

Мне б окунуться в счастье с головой!
Мне б захлебнуться счастьем – но не на смерть...
Я поделилась счастьем бы с тобой,
Когда бы знала, что такое счастье.

Наверно, счастье, – если счастлив ты,
Когда смеются рядом с нами дети,
Сбываются заветные мечты...
Что может быть прекраснее на свете?!

Живу в городе Королёве. По образованию инженер-энергетик. Поэт, публицист и с 1996 г. пишу для детей. Писать начала с детских лет. Печатаюсь в газете «Калининградская правда» (с 1998 г.), во многих журналах и альманахах: «Золотая строфа» (2009), «Парадоксы чувств» (2009.), «Автограф»; детских журналах «Либерия», «Свирельки» и др. С 2006 г. являюсь автором в альманахе «Москва поэтическая», где шесть раз была победителем в различных номинациях. Мои стихи вошли в альманах Королёва «Болшевский Парнас»-2010. Являюсь пауреатом премии городского конкурса имени С. Я. Дурылина (г. Королёв) по детским произведениям «Королёв-2010». На этом же конкурсе отмечена благодарственным письмом книга «Птица вольная» (2011).

Издано три книги с поэзией и прозой, восемь книжек для детей.

Имею грамоты и дипломы за заслуги в творчестве, в том числе диплом в номинации «Поэт» за участие во Всероссийском заочном конкурсе «Гринландия-2014», в 2014 г. награждена дипломом им. М. Ю. Лермонтова «Недаром помнит вся Россия» и медалью «М. Ю. Лермонтов 1814-1841».

Член ЛИТО им. А. С. Новикова-Прибоя, Московского городского отделения Союза писателей и переводчиков России, Международного Союза писателей «Новый Современник», Московского Салона Литераторов (МОССАЛИТ), редсовета журнала «Московский BAZAR».

«The Blue Cafe...»

Голубое кафе

Ты – серебро не только на висках;
Ты в наших детях, в прожитых годах...

Вот и закончился нешумный вечер –
Фуршет молодожёнов для друзей.
Наш первый драгоценный юбилей
Серебряными кольцами повенчан!

Последний гость покинул синий зал...
Усталости – как не бывало.
Искрятся наши губы и глаза,
Искрятся серебром бокалы;
Задорно в прядях серебро искрит...
Взаимен в этот вечер наш каприз:
«The Blue Cafe...»
— опять поёт Крис Ри, —
«The Blue Cafe...»
— для нас двоих на бис!
Мы в глубине зрачков взаимно тонем,
И нам теперь совсем никто не нужен...
«Признайся, помнишь тот наш вечер?» —
«Помню.
И этот, думаю, не будет хуже...»

Под бликами на дымчатом шарфе
Неуловимо напряженье рук...
Сжимается спиралью танца круг.
«The Blue Cafe»,
«The Blue Cafe»...

После дождя
на проспекте Мира

Дождик проливной сегодня кстати:
Водопад прибил жару и смог...
Может быть, я конченый романтик,
Что люблю потоки вдоль дорог.

Вот раскрытый зонт уже не нужен –
В Подмосковье держит путь гроза,
Оставляя капли с крыш и лужи...
Нет, не лужи, а дорог глаза.

Как в зрачках красавиц чернооких,
В них сиянье радужных огней:
Томность вспышек фонарей высоких,
Блики от неоновых свечей...

В их зеркально-влажном отраженьи
Утопает мягкий свет витрин,
Ярких фар снующее движенье,
Отблеск лакированных машин...

Пусть, пока озоном дышит вечер,
Город представляет свето-шоу!..
Прочь усталость, расправляю плечи –
Мне сегодня жутко хорошо!

Счастье – это жизнь!

Приходит *счастье* к каждому порогу:
К кому-то робко, а к кому –
ворвётся!
Не упусти заветный этот миг...
Один потребует от жизни много;
Другой, тем как сложилось,
обойдётся;
А третий, потеряв надежду, сник.

Не для того по жилам кровь бежит,
Чтоб ограничиваться
крайней мерой...
Борись за миг, за все земные блага...
Преодолев подъёмы, виражи
С Любовью, Твёрдостью,
Надеждой, Верой...
Твори! Назад не отступай ни шага!

Как винтовая лестница, кругами
Ведёт нас за собой стезя –
Судьба,
То вверх спеша, то, вдруг
срываясь вниз,
Ступеньками пружиня под ногами...
Так замкнут этот круг:
судьба – борьба...
И это: наше *счастье* –
наша *жизнь*!

Ностальгия

Знакомый дворик, дом, трава,
Речушка по соседству...
Какие старые слова –
От них дохнуло детством.

В большой печи трещат дрова,
Дымок уходит в небо...
Какие старые слова –
От них пахнуло хлебом.

Мелькают спицы в кружевах,
Котёнок сладко дремлет...
Какие старые слова –
От них уютом веет.

Прозрачной ночи синева
И тихий стон прибоя...
Какие старые слова,
А сколько в них покоя.

В них что-то есть от старины,
Чуть-чуть от ностальгии...
И так бывают нам нужны
Порой слова такие.

Там было детство…

Вглядываясь в тусклое мерцание
Плавленой свечи – судьбы моей,
В розовато-сумрачном сиянии
Поброжу по тропкам детских дней.

Там я от сибирского морозца
По лыжне протоптанной лечу;
Встряхивая тонкие берёзки,
Под лавиной снежной хохочу!

На искристо-белом покрывале
Над метровой толщей льда реки,
Возле лунок чудаки рыбалят:
Точечки… горошки… бугорки…
Сжав ладони рупором горячим,
Рыбакам кричу:
«Ухи навари-и-м?!»
Только эхо голосом звенящим
Из лесу ответит:
«…Ва-а-рим… ри-и-и-м…»

А потом – на печку! Что за нега –
С сёстрами, деля тепло углов,
Наслаждаться ароматом хлеба,
В ожидании вкусных пирогов.
Мама их из печки доставала,
Пышные, с картошкой да с калиной…
И – совсем не зло – на нас ворчала:
«Посидели б дома в холод зимний…»

Там я – шаловливая девчонка,
По росе рассветной босоножу...
В мокром подоле сырой юбчонки
Принесу грибы и крошку ёжу.

Лесом по настилу деревянному
Мчусь до берега Оби-реки,
Чтобы на утёсе утром ранним
Встретить пароходные гудки.
Что им стоит, мимо проплывая,
На своём загадочном борту
В дальние края чужого рая
Девичью перенести мечту...

Ближе к ночи, в тихий летний вечер
Мы любили выйти на крыльцо.
Мамины ладони грели плечи,
Лунный зайчик серебрил лицо...
Ночь в наряде бархатном до пят,
В бликах звёзд и в точечках огней,
Выдыхала сладкий аромат
Свежести реки, хлебов с полей...
Перекликнутся в тиши цикады,
Теплоходов проходящих вздохи,
Звуки музыки с весёлых палуб,
Взрывы-сполохи зарниц далёких...

Мама тихо что-то запевала,
Девичьи вливались голоса.
Вместе с детством эхо уплывало –
У теченья нет пути назад...

Снова я...

Говорят, что время лечит раны,
Что проходят нежность и любовь...
Но вернулся ты и, как ни странно,
Чувства эти возвратились вновь.

Долго же во мне их искры тлели,
Чтобы с прежней страстью воспылать...
Снова я от глаз твоих хмелею
И хочу улыбку целовать!

Снова я, как глупая девчонка,
Каждый жест знакомый твой ловлю.
Бьётся сердце колоколом звонким:
«Я люблю тебя, люблю, люблю!»

* * *

Не зажигай звезду...
Так этот час беспечен,
когда заката бронзовые свечи
сжигают пламенем черту
на дальнем горизонте.
Повремени искать покой,
дай насладиться красотой
лазури в позолоте!

Спешат за солнцем облака;
дыханье их задует свечи...
Уже штрихует блики вечер
гуашью синей... Но – пока –
не зажигай звезду.

Позвони...

Давно мобильник мой
молчит.
Случается такое:
с тобою «недоступна связь»,
и с миром нить оборвалась...
Ночь давит, сердце ноет,
и голова от дум
трещит...
И одиночество –
на плечи...
Скользнул в мои ладони
Прохладный бархатистый нос.
Аргоша – милый друг мой, пёс.
Грусть отступает, тонет
в глазах его.
Тускнеют свечи,
мерцанье
проникает в сон...
От миражей в глазах рябит...
Жужжит назойливая муха...
Пёс вздрогнул, поднимает ухо,
Не сводит глаз: «Не спи, звонит!
Не муха это –
те-ле-фон!»

Вот так – когда не скучно

Все утро дождик поливал –
испортилась погодка...
Сказала мама, что права
была метеосводка.
В такую пору даже пёс
не выглянет из будки.
Какой неправильный прогноз –
ошибся бы на сутки...

Сегодня день рожденья мой –
случиться же такому, –
мы собирались всей семьёй
на катере... в Коломну...

Но улыбнулась мама мне:
— Не сетуй на прогнозы:
воды достаточно вполне,
а тут ещё и слёзы.
Желаний множество у нас,
у всех... ты это знаешь.
Давай исполним мы сейчас,
что только пожелаешь!

И тут же я забыл совсем
о мерзкой непогоде:
— Пойдём купаться мы в бассейн!
Ну чем не на природе?..
Там плаванье – любимый спорт –
поднимет настроение,
а после...
Дома – вкусный торт!
Ну, чем не день рождения!

...И мы купались целый час,
соревновались с мамой...

А всё вокруг было для нас
весёлым самым-самым!
Хоть дождик так и моросил,
и небо было в тучах...
На грусть не оставалось сил.
Вот так – когда не скучно!

— А по Москве-реке, сынок,
в хорошую погодку,
прокатимся в другой денёк.
Лови метеосводку.

Музыка рождения

Начало начал...
Нотой ля или соль
рождается музыка века!
Стон матери,
выстрадав муки и боль,
приветствует
жизнь
человека!
Духовной кантатою Баха,
в созвучьи
с Бетховена скерцо,
не ведая боли и страха,
Пульсирует
детское
сердце!

Елена Ларина

Понятие «счастье» росло и менялось вместе со мной, начиналось с мечты продавать мороженое. А сейчас мне кажется, что счастье – это когда у окружающих есть в тебе потребность, а у тебя есть возможность её реализовать.

Родилась в подмосковной Дубне, ещё в прошлом столетии, в «эпоху исторического материализма». Закончила очень среднюю школу, потом, когда родители переехали на Украину, – Днепропетровский институт инженеров транспорта, а ещё позже, когда вышла замуж и перебралась в Эстонию, – Таллинский Евроуниверситет, факультет дизайна интерьера. Дальше были некоторые учебные периоды к делу, то есть к стихам, тоже отношения не имеющие. Так что филологическим образованием я не испорчена.

Участвую в творческих конкурсах, у себя, в Таллине, являюсь членом Международной ассоциации русской культуры (МАРК) и Общества русских литераторов (ОРЛ). Печаталась в Эстонии (Таллин), России (Санкт-Петербург, Псков), Австрии (Вена), Израиле, США.

Стихотворение «Упал на землю звук...» заняло 1-ое место в номинации «Поэзия» конкурса «Птица-Счастье», организованного МСП «Новый Современник» и Московским Салоном Литераторов в 2015 г.

Упал на землю звук…

Упал на землю звук и свет,
Переплетясь в тугие нити.
И всё во мне, как по наитью,
Затрепетало им вослед…

И, бросив свой причал земной,
Душа рванула прочь от тела
И понеслась, и полетела,
Безумной схвачена волной.

Вся радость мира и вся суть,
Что нам за век понять дается,
Что нам по капле достается
За что-нибудь, когда-нибудь…

Всё это было той волной
И, взвившись в небо, как пружина,
Она обрушилась лавиной
И захлестнула с головой…

Я утонула наяву
В каком-то странном измереньи,
Не в том, где попросту живут,
А в том, где смотрят сновиденья,

Где я была водой ручья,
Песком пустыни, горным эхом,
Русалочьим зазывным смехом
И где действительность – ничья…

Я поняла, что до поры,
Пока душа не обнищала,
Она Вселенную вмещала
И параллельные миры.

Я поняла, зачем я здесь
И что такое бесконечность,
И что гроша не стоит вечность,
Когда хоть миг подобный есть

И счастья уровень такой,
Что ни вопросов, ни эмоций...
Что это было, боже мой?
Бог улыбнулся, это – Моцарт.

Новый год

Перекраситься сдуру в блондинку,
Замутить оливье майонезом,
Из шампанского выловить льдинку
Плохо гнущимся пальцем – протезом

И укрыться, свернувшись колбаской,
Этим пледом, что «плюшев и ласков»
Умиляясь, как давится Басков
Прошлогодним своим фа-диезом.

Тишина, что я здесь прикормила,
Грубо изгнана шумным соседом,
И теперь мы с селёдкой (как мило!)
Кто под шубой, а кто и под пледом,
Кто с дивана, а кто и с тарелки
Зрим, как дождик виниловый льётся,
И, вцепившись в минутную стрелку,
Старый год понемногу сдаётся...

Раскатилось петардное эхо
И в грудной и на лестничной клетке...
Шар земной, словно шарик на ветке
Крутанулся и понял – приехал!

Всё! Сдаю прошлогодье в починку!
Всех прощу и заделаюсь мудрой
И разносчику свежее утро
Закажу с обнулённой начинкой.

Бьёт двенадцать, ликует планета,
Старый умер, да здравствует Новый!
Welcome, свежие грабли готовы!..
Только это не важно, ведь где-то

Среди пьющих, жующих, поющих,
Среди празднующих на планете
В интернетовских чащах и гущах
Мне, как минимум, двое ответят.

И сквозь спутанные расстоянья
«С Новым годом!» я дважды услышу,
Значит жизни моей оправданье
Кем-то дважды подписано свыше!

Две причины дождаться рассвета,
Мне – два сына, друг другу – братья.
Тот, кто скажет, что счастье не в этом,
Не имеет о счастье понятья.

ПРОЗА

Мари Веглинская
(Светлана Сударикова)

Что есть счастье? Это ниточка, которой прошита вся наша жизнь, скрепляющая день с днем, год с годом. Иногда очень тонкая, временами грубая и крепкая, а порой ее и вовсе не видно. Но она есть. Ибо без нее жизнь не имела бы смысла...

Счастье... Это воздух, которым мы дышим, снежинки, что садятся на ресницы, ветер, треплющий волосы, первый звонок, первая любовь, первый крик ребенка. А еще стихотворение, торопливо начерканное на салфетке, брызги заходящего солнца, удивленные детские глаза, шепот моря, паутина осеннего дождя, поцелуй влюбленных...

Счастье... Его не бывает слишком много, даже когда им захлебываешься. Хочется еще и еще. Но как остро ощущаешь, когда его нет! Оно бывает разным: то разлетается звонким смехом, то слезинкой стекает по щеке или тихо прячется в уголках глаз. Бывает так, что его и не видно, а потом оглянулся назад – а оно было, было!!!

Счастье...

Писатель, немного философ, главный редактор литературно-просветительского сетевого журнала «Московский BAZAR», член Московского Салона Литераторов (МОССАЛИТ).

Настройщик

Он всегда приходил осенью. Когда пестролистый ветер метался по подворотням, гонимый осенней тоской, и солнце тусклым пятном лежало на мокром асфальте. Мне всегда было тошно в эти унылые дни и хотелось плакать. И тогда появлялся он. Его звали Герман. Дядя Герман. Он был большим, даже огромным, с мясистым носом и большими карими глазами. Дядя Герман снимал в прихожей огромного размера ботинки, и они, как два корабля, потрепанных многолетними круизами, отдыхали на коврике после дальних странствий. Он всегда был в пальто и пестром шарфе. А еще от него пахло чем-то свежим и нежным, почти как от женщины, что не вязалось с его огромной фигурой и этими растоптанными башмаками, устало ждущими хозяина.

Дядя Герман был настройщиком фортепьяно. Дорогим настройщиком фортепьяно. Но родители приглашали именно его, хотя существовали и другие, дешевле. Но дядя Герман знал инструмент, наш инструмент, и это явилось весомым аргументом. Собственно, он его нам и продал. Это было трофейное пианино, привезенное когда-то из Германии. Дядя Герман обнаружил его в старом деревенском клубе. Одна ножка у фортепьяно была погрызена собакой, крышка треснута, подставка для нот отсутствовала вовсе. Но дядя Герман в запыленном заколоченном ящике углядел великолепный инструмент прошлого века немецкой фабрики «Лохов и Циммерман». Когда инструмент, приобретенный за две бутылки водки, был переправлен в Москву и отреставрирован вместе с другом дяди Германа, удивительным мастером дел музыкальных Львом Альбертовичем, оказалось, что у фортепьяно великолепное звучание. Пианино и правда звучало удивительно. Звук, который оно воспроизводило, был особым, от-

личным от других подобных инструментов: сочным, густым, богатым оттенками.

Когда фортепьяно притащили в дом и поставили в гостиной, я поначалу боялась туда заходить. Мне было пять лет. Я пряталась за дверью и сквозь щель разглядывала его матовую черную поверхность. А когда крышку открывали, мне представлялось, что это монстр раззявил пасть с огромными зубами из слоновой кости. Фортепьяно приобрели для тети Эльзы. Тетя Эльза, Эльза Петровна, жена покойного папиного брата, после смерти мужа занимала в нашей квартире одну комнату.

Надо сказать, что квартира была огромной, на одиннадцатом этаже высотки на Красной Пресне, так что места хватало всем. И хотя самым важным и, как я говорила, заглавным, считался дедушка – профессор медицины, известный в городе хирург (собственно, он эту квартиру и получал), лучшую комнату в квартире отдали тете Эльзе. Она вообще находилась на особом положении: при ней не говорили громко, на нее смотрели с состраданием, и, естественно, на ней не лежало никаких домашних обязанностей. Каждый ее выход сопровождался охами и вздохами. Наполовину немка, наполовину испанка, она попала в СССР вместе с отцом, бежавшим от репрессий генерала Франко. Собственно, Эльза была Пэдровна, а не Петровна. Но как-то это очень уж смешно звучало.

Она была красивой, тетя Эльза, очень красивой, но красоту свою ловко маскировала безобразными мешкообразными юбками и нелепыми кардиганами. Великолепные черные волосы, густые, волнистые, блестящие, она убирала в пучок, пригвоздив намертво шпильками, и только синие глаза, темные и глубокие, не удавалось скрыть даже под густыми хмурыми бровями, про которые мама говорила:

— У тебя брови, как у Леонида Ильича! Приведи их в порядок, Эльза.

Но Эльза Петровна была непреклонна. Она стойко хранила покойному мужу верность, за что пользовалась неизменным уважением и почетом. «Бедная Эльза, — шептались за ее спиной, — похоронить себя заживо! И все ради Вадика. Да он не заслужил такого». Он и правда не заслужил. Отпрыск профессорской семьи, он вел самый непристойный образ жизни, швырял папочкины деньги на ветер, кутил и гулял, как барчук, и здорово выпивал. Он и погиб-то нелепо: нажрался и, сев за руль папочкиной «Волги», врезался в грузовик.

А Эльза его любила. До самозабвения, до истерики. Причем она никогда не плакала, только выла, как собака, а глаза оставались сухими. И никогда не смеялась. Никогда. Первый год после смерти она жила на кладбище, ее невозможно было оттуда вытащить, потом, как в келье, сидела в своей комнате, выходить в люди стала редко, почти никогда. Вечно понурая, несчастная, с печатью горя и неудавшейся жизни в глазах, она, как тень, бродила из комнаты на кухню и обратно, вызывая всеобщую жалость и... поклонение. Из нее сделали святую, великомученицу, ей было все позволено, никто не смел повысить на нее голос. Но я, вероятно, как все дети, чувствовала в этом какую-то фальшь, что-то неестественное, неправильное, нелогичное. Отчего не то чтобы не любила, скорее, недолюбливала Эльзу. Особенно мне не нравился ее рот: тонкогубый и вечно плотно сжатый, будто она прятала там что-то нехорошее.

Единственное, от чего тетя Эльза не смогла отречься, это музыка. Она любила ее, наверное, даже больше Вадика. После смерти мужа первое, что она сделала, это продала свой рояль, великолепный «Бехштейн» – единственное ее приданое, о чем пожалела уже на следующий день. И после года траура попросила купить ей новый инструмент. Так наш циммерманчик, как называла его мама, и появился у нас, а вместе с ним дядя Герман. Помню, как Эльза садилась за инструмент. Это был целый ритуал. Сначала она подходила к пианино и задумчиво на него смотрела, словно гипнотизировала,

затем усаживалась на банкетку, открывала ноты, и ее руки на миг зависали над клавишами. И вдруг начинала играть. И тогда ее длинные тонкие корявые пальцы, похожие на сморщенные ветки больного деревца, превращались в прекрасные руки принцессы, а пианино, повинуясь им, пело вдохновенно и нежно, и я с замиранием наблюдала, как из глубины черного желтозубого чудовища выползает бабочка, как она раскрывает крылья, поднимается и начинает парить. И этой прекраснокрылой бабочкой была музыка: Шопена, Бетховена, Моцарта, Листа, Рахманинова.

Потом и я стала учиться играть на фортепьяно. Мне наняли педагога, очень доброго дядечку, мы разучивали с ним веселые мелодии из популярных тогда мультфильмов. Дальше этого не пошло. У меня были другие интересы. Да и сыграть сразу так, как тетя Эльза, я не могла, сразу не получалось, а ждать, долго и терпеливо учиться, по сто раз проигрывая одни и те же гаммы, одни и те же безликие этюды, я не хотела. Как это было скучно и неинтересно! И я променяла музыку на спорт, чем вызвала у тети Эльзы глубокое презрение. Последняя нить, связующая нас, оборвалась. Мы стали совсем чужими.

А осенью, когда последние листья прогнившим месивом лежали на дороге вперемешку с мокрым грязным снегом, а в квартире включали отопление, приходил дядя Герман. Потом он еще раз приходил весной, когда природа распускала бутоны новой жизни, а отопление отключали. И так два раза в год. Он был ужасно чудной! Немного нелепый. Сын оперной певицы и скрипача, с пеленок пропитанный классической музыкой, Герман был несколько старомоден, хотя вовсе не стар. Он и одевался старомодно, хоть и дорого. Он часами мог рассказывать о своей работе, о том, как настраивает дорогие инструменты в консерватории и филармонии, что самое главное в его работе – это темперация и еще раз темперация, еще Бах говорил об этом, а современные настройщики понятия не имеют, что это

такое, что квинты должны быть немного сужены, а кварты расширены, и тогда аккорд поначалу будет звучать несколько странно, но зато потом долго и чисто. Все это для меня было китайской грамотой, но Эльза Петровна смотрела на дядю Германа полными восхищения глазами. Эти кварты и квинты, септаккорды и трезвучия, гармонические и мелодические тональности были ее лучшими друзьями, и она непременно должна была обеспечить их темперацией. Причем темперацией дяди Германа. Только в эти два дня в году Эльза преображалась, и скрытые, спрятанные внутри эмоции выплескивались, вырывались через горящие глаза, заломленные руки, прерывистое дыхание и приглушенный голос. Она становилась другой.

— Потрясающий настройщик, — возбужденно рассказывала она вечером за ужином, — я не знаю ему равных, говорят, что известный дирижер выписывает себе настройщика из Швейцарии, но это немыслимо! Вот мастер! Великолепный мастер! Почему у нас не ценят своих, а все смотрят куда-то, когда такие профессионалы, как Герман, вынуждены подрабатывать настройкой пианино у частных клиентов!

— Ну, если бы все профессионалы были заняты, то кто бы настраивал пианино нам? — резонно спрашивала мама. Мама почему-то считала дядю Германа глуповатым, вероятно, не признавая его профессию мужской. И по маминой, и по отцовской линии, мои дедушки и бабушки были отнюдь не лириками: у мамы – врачи, у папы – физики. Их волновали полеты в космос, микро- и макрочастицы, вирусы и прививки от них, но никак не музыка. Но для Эльзы, бедной Эльзы – любой каприз. Пусть бедняжка хоть немножко отвлечется от своего горя.

И случилось чудо. Теперь два раза в год, накануне прихода дяди Германа, Эльза стала выщипывать брови. А через какое-то время брови стали выщипываться постоянно. Вот тогда-то я поняла, что она очень красива.

Обычно Герман приходил в первой половине дня, когда мы были с Эльзой одни, и поэтому процесс настройки инструмента осуществлялся без посторонних глаз и лишних свидетелей. Только я (если не была в школе) и тетя Эльза. Но поражало меня не само магическое действо, а то, как менялась Эльза. Она распускала волосы, надевала длинное обтягивающее бархатное платье (единственную приличную вещь в ее гардеробе), колье, как я тогда считала, из бриллиантов, подкрашивала губы и ресницы и, сияя, выходила из своей комнаты. Меня она не замечала. Но, увидев ее впервые в таком виде, я потеряла дар речи. Какая красавица! Больше таких я в жизни не встречала. Мой покойный дядюшка, любитель вина и красивых женщин, явно был не дурак.

Весь этот карнавальный наряд надевался неспроста. Каждая настройка заканчивалась маленьким концертом. Сначала играл дядя Герман, а потом за фортепьяно садилась Эльза. Она всегда играла что-то новое, чего я не слышала раньше, вероятно, она готовилась к этим встречам заранее. А дядя Герман вставал рядом, небрежно облокотившись о пианино, и завороженно слушал. Они, безусловно, понимали друг друга. Потом дядя Герман рассыпался в комплиментах, говорил, что она должна непременно продолжить музыкальное образование, Эльза напоминала, что уже не девочка, дядя Герман протестующе поднимал руку, и все заканчивалось неизменной фразой: «Вы величайший талант! И как это можно прятать от публики! Это преступление, Эльза!» Тетя Эльза заливалась краской, глаза ее сияли, с губ не сходила улыбка. В общем, это была совсем не та Эльза, не та мученица и страдалица, которую знали родители. А какая из этих Эльз настоящая, я не знаю.

Однажды прямо на уроке в школе мне стало плохо. И меня отпустили домой. Была зима. Легкий снежок плавал в воздухе, но иногда сквозь неплотные тучки проглядывало солнце, и тогда снег начинал искриться, превращаясь в стайку морозных светлячков, и эти за-

гадочные существа оседали на моих ресницах, чтобы растаять и умереть. Я чувствовала себя отвратительно, так что какое-то время пришлось посидеть на скамеечке в сквере, с завистью глядя, как малыши беззаботно играют в снежки – им-то не надо писать контрольные по алгебре. Почему-то мне очень не хотелось идти домой, будто что-то мешало, удерживало. И лишь когда стало знобить и страшно захотелось прилечь, я заставила себя встать и пойти домой. В мутном, полубессознательном состоянии я едва плелась, словно пробираясь сквозь плотную субстанцию, в которой веселые светлячки превратилась в колючих, злобных монстриков, так и норовивших меня куснуть. Наконец я дотащилась до двери, вставила ключ и вдруг услышала движение, шум. Это были шаги, чьи-то тяжелые шаги. Словно кто-то шел от кухни в комнату. Они насторожили меня. Это не были шаги Эльзы, она двигалась почти бесшумно, ходил кто-то чужой. Тихо-тихо, с бьющимся сердцем, я открыла дверь и медленно прокралась в квартиру. Я поставила портфель у двери, стянула сапоги и на цыпочках вошла в прихожую. И я услышала какую-то возню. Она шла из комнаты Эльзы. Потом был шепот, невнятный и пугающий. А потом вдруг дверь открылась, и я увидела Эльзу, а за ее спиной дядю Германа. Нет, они оба были в совершенно приличном виде, не растрепанные, не помятые. Но не такие, как всегда. Увидев меня, Эльза чуть не подпрыгнула:

— Что ты крадешься? Что ты вообще делаешь дома?! У тебя школа!

Я никогда не видела ее такой разъяренной. Она была взбешена. А я не могла и слова сказать. В горле сильно першило, и слова превратились в сухой частый кашель.

— Я заболела, меня отпустили, — наконец выдавила я.

— Ты должна была позвонить! Ты должна была позвонить бабушке Нине, чтобы она забрала тебя!

— Бабушка Нина на конференции, — напомнила я.

Я совершенно не могла понять, почему я должна звонить бабушке Нине, почему должна предупреждать, но точно поняла, что меня здесь видеть не хотели. Мне было тринадцать лет, я пребывала в нахальном возрасте и за хамством в карман бы не полезла, но в тот момент мне было страшно плохо, и я только хлопала глазами.

— Эльза, что вы кричите, — вдруг спокойно, с приятной улыбкой сказал дядя Герман, — ребенок заболел, ей нужно сделать чай с медом. У вас есть мед? А еще можно малиновое варенье.

Он говорил так мягко, так спокойно, что распоясавшаяся Эльза взяла себя в руки.

— Мед есть, — сказала она уже спокойно и добавила, обращаясь ко мне: — Дядя Герман приехал подстроить пианино.

Ну я-то уже была не дура и прекрасно понимала о какой подстройке идет речь. И тут меня пробило, все мои необъяснимые подозрения относительно Эльзиной святости получили наконец свое обоснование. Вот почему я ей не доверяла, вот почему чувствовала фальшь! Да она врушка! Врушка! Никакая она не святая, и не хранит никакой верности Вадиму! Дура! Гадина! Обманщица!

Я залетела в свою комнату, громко хлопнув дверью, и крикнула:

— Не надо мне никакого чаю! Ничего мне не надо!

И зашлась кашлем.

Потом мы сидели каждый в своей комнате, я в своей, Эльза в своей. Герман ушел, «подстроив» пианино. Сначала я думала, что тетя Эльза зайдет ко мне и будет оправдываться. Но она и не подумала это делать. А я с нетерпением ждала маму, чтобы все ей рассказать, чтобы все узнали, что Эльза вовсе не та, за кого себя выдает.

Только скрипнул ключ в двери, как я уже неслась в коридор, чтобы рассказать все маме:

— Мама, она врушка, — схватив маму за руку, кричала я, — она приводила этого Германа, и они сидели в ее комнате, я их застукала! Она врушка!

— Да кто – она? — мама с изумлением смотрела на мое пылающее болезнью лицо и горящие глаза.

— Эльза, — уже спокойно ответила я, — я сегодня пришла из школы раньше, а он у нее в комнате сидел, они там...

— Не смей! — мамино лицо вдруг стало белым и злым. — Не смей так говорить об Эльзе! Ты ничего не знаешь и не понимаешь!

Я не могла поверить своим глазам: мама, моя добрая милая мама смотрела на меня диким зверем.

— Он просто приходил подстроить пианино, — Эльза, оказывается, стояла за моей спиной. Голос ее был спокойным и ровным.

— Иди в свою комнату и ложись в кровать! — скомандовала мама. — Тоже мне больная.

Вскоре мама зашла в мою комнату. Я молча смотрела в потолок и плакала. Мне не поверили! Меня назвали обманщицей! На меня накричали, а за что?

— Детка, милая, — мама ласково протянула мне градусник, — как ты могла так обидеть Эльзу? Ты же знаешь, как она любит Вадима. Это удивительная преданность, достойная пера писателя. Ты же знаешь, каким был Вадик, а Эльза, наша очаровательная Эльза... Она – как жены декабристов. Ее преданность, это что-то необыкновенное. Ты же знаешь, как мы ее все любим, как уважаем и ценим. Мы были бы только рады, если бы она устроила свою жизнь, но Эльза и слышать ничего не желает.

— Но я видела их, мама! Я сама их видела!

— Что ты видела? — голос мамы стал слегка раздраженным.

А действительно, что я видела? Дядя Герман был у тети Эльзы в комнате, ничего неприличного или непристойного я не видела. Это всего лишь мои догадки, извращенное гормональной перестройкой представле-

ние о реальной действительности, об отношении мужчины и женщины.

— Ну вот, — радостно и спокойно сказала мама, — тебе и сказать-то нечего. Ты же знаешь, что дядя Герман женат на тете Марианне, она замечательная, и Эльза ее знает. Она так и говорит нам, что у Германа восхитительная жена. Просто ты не любишь тетю Эльзу, вот и видишь несуществующую подоплеку в ее поступках. Как психиатр могу тебе сказать, что это детская ревность. Ты ревнуешь нас, своих родителей, к Эльзе, потому что мы ее тоже очень любим, очень-очень, — она говорила со мной, как, наверное, говорила со своими больными пациентами, таким же спокойным и приторным голосом, каким не разговаривала со мной никогда. — Дорогая, мы тебя очень любим, а Эльза – это совсем другое. Тебе нужно принять это и полюбить Эльзу, как мы.

Я молчала. Полюбить Эльзу! Да теперь я ее просто ненавидела! Мало того, что она врушка, так еще и меня теперь считают врушкой!

Мама посмотрела на градусник:

— Жар. У тебя высокая температура, нужно принять лекарство и не думать об Эльзе. Она тебя простит, не беспокойся.

Даже в момент, когда у меня жар, мама думала об Эльзе! Я зажмурила глаза изо всей силы, чтобы переполняющие их слезы не выдали моей боли.

Тогда я очень долго болела. У меня держалась температура и все не проходил кашель. Организм совсем не хотел бороться с болезнью. Видимо, это было связано с пережитой психологической травмой. С этого момента у меня изменились отношения с мамой и уже никогда не стали доверительными и близкими. Я больше не открыла маме ни одной тайны, не поделилась ни одной болью, ни одной радостью. И все из-за Эльзы. Стоила ли она того?

С тех пор я стала достаточно часто заставать Германа возле нашего дома. «Подстраивать» пианино, судя

по всему, он приходил регулярно. Нет, у нас дома я никогда его не заставала, видимо, он приходил тогда, когда никого не было. Но я регулярно встречала его в округе, то на автобусной остановке, то, задумчивый, он шагал по нашему двору. Однажды я язвительно заявила Эльзе, что вот только нос к носу столкнулась с ним у подъезда.

— Да ты что? — она невинно вздернула бровь. — Вероятно, настраивал инструмент у Махновских.

У Германа действительно была жена Марианна. Она была скрипачкой, играла в каком-то страшно знаменитом оркестре, часто бывала на гастролях. Все говорили, что она – талантище, что именитые дирижеры восхищаются ее виртуозной игрой и пророчат большое будущее, и если бы не подковерные интриги, она бы уже давно солировала. А дядя Герман ее боготворит. И действительно, если вдруг речь заходила о Марианне, дядя Герман менялся в лице, в нем появлялась гордость, словно от поклонения знаменитых дирижеров и ему перепадает. Он говорил о жене уважительно и с восхищением. Бедный дядя Герман, он был всего лишь тенью своей знаменитой супруги. Что удивительно, Эльза тоже испытывала к Марианне пиетет и, когда речь заходила о скрипачке, преображалась в лице. Будто они оба гордились, что судьба позволила им быть приближенными к столь знатной особе. Хотя однажды я слышала, как Эльза сказала маме, что Герман значительно более выдающийся музыкант, но всем пожертвовал ради Марианны, и именно он пустил в ход все связи, чтобы протолкнуть ее в оркестр. И именно ей досталась великолепная скрипка прекрасного мастера, ради которой было продано несколько роялей, которые реставрировал еще отец дяди Германа. Фактически Герман пожертвовал собственной карьерой. Так что же на самом деле творилось в их душах? Этого я никогда не понимала и не пойму. Зачем нужно было жертвовать карьерой, а не делать карьеру параллельно, я не знала. Ведь дядя Герман

был пианистом, а не скрипачом. Наверное, в оркестре было всего одно место, а их двое, и дядя Герман благородно уступил его любимой жене. Такие вот мысли бродили в моей подростковой голове. Но тогда какого черта он ходил к Эльзе?

Однажды мы всей семьей, включая, естественно, Эльзу, ходили на концерт в филармонию, где в зале Чайковского играла тетя Марианна. Точнее, играл оркестр, где она работала. И дядя Герман был с нами. Он сидел рядом с Эльзой, но глаза его были устремлены на сцену, где виртуозила его дорогая супруга. Потом они с Эльзой не знаю, как только ладони не отбили, аплодируя, а дядя Герман преподнес Марианне огромный букет роз. Вот так они и жили.

Одно время я даже стала сомневаться в своих подозрениях. А может, и правда их объединяет только любовь к музыке? Чистое искусство и больше ничего? Мама, известный психотерапевт, говорила, что общие интересы очень часто сближают людей, и, слава богу, нашелся дядя Герман, который хоть иногда вытаскивает Эльзу из ее унылого мирка, в который она добровольно себя спрятала. И что мы должны быть за это страшно благодарны дяде Герману. Мне было смешно это слушать.

В нашем доме с Эльзой носились как с писаной торбой. Собственная дочь балансировала на грани пропасти: то я начала курить, то познакомилась с сумасшедшим рокером, то влюбилась как ненормальная в студента-медика, не приходила ночевать, однажды напилась до потери сознания, в общем, переживала переходный возраст, а мама беспокоилась исключительно об Эльзе. Все, что происходило со мной, было «в порядке вещей», как она говорила: «Если ребенок в этом возрасте спокойный и нормальный, это уже не нормально». Со мной было все в порядке: спокойствием и нормой я не отличалась.

До сих пор не понимаю, как удавалось Эльзе держать всех в таком добровольном повиновении. Она, как

царица, парила над всеми, позволяя себя любить, жалеть, радовать. Она была неизменным центром нашей маленькой семейной вселенной. При этом она не делала ровным счетом ни-че-го. Только «справлялась со своим горем». В каком-то возрасте я поняла огромные преимущества подобной нездоровой любви – я-то была свободна.

Только бабушка Нина не любила Эльзу. Как и я, она считала ее лживой притворщицей, о чем не раз говорила маме. «Все это так, — парировала мама, — но ведь никто не держит ее взаперти, и от своего добровольного затворничества Эльза не получает никаких дивидендов. Так зачем ей это нужно?» — «Ну ты же у нас психиатр, вот и скажи – зачем, мне самой до смерти интересно», — спокойно отвечала баба Нина. А потом добавляла: «Хотя ради такой жизни можно и затвориться». К сожалению, баба Нина так и не узнала ответа на свой вопрос. Когда я училась на втором курсе, она умерла. А я перебралась в ее квартиру: поближе к университету, да и с родителями жить больше не хотелось. Как-то не особо я им была нужна. Нет, они меня очень любили, просто обожали, но папа все же больше интересовался черными дырами, пожирающими бескрайние просторы вселенной, а мама мне предпочитала психов, они были ей куда интереснее. Я-то, как выяснилось еще в период пубертата, психом не являлась. В общем, вот такая семейка.

С тетей Эльзой теперь мы встречались совсем редко. Если я забегала к родителям, она даже не выходила из комнаты. Не потому, что помнила зло, а потому что я была ей не интересна. Теперь ее игру на фортепьяно я слушала так редко, что и забыла, как она играет. А когда однажды, под Новый год, она села за наш циммерманчик и сыграла какую-то милую пьеску, я вдруг поняла, что совсем не божественно она играет. И пианистка из нее так себе. Любитель, и не более того. Про дядю Германа я и вовсе забыла. Он остался в детстве, как Дед Мороз. Единственное, что мне невольно переда-

лось от Эльзы, любовь к музыке. Но это скорее вопреки, нежели благодаря.

Теперь уже по доброй воле я ходила в консерваторию, получая огромное удовольствие от симфонических концертов. Пару раз я даже попадала на тетю Марианну. Совершенно случайно я увидела ее среди скрипачей в одном из оркестров. А однажды заметила знакомую огромную фигуру дяди Германа, когда он, преданный поклонник, дарил ей цветы. Хотя первой скрипкой, судя по всему, тетя Марианна так и не стала.

Встречались ли Эльза с Германом по-прежнему, я не знала. Да мне это было и не интересно. У меня шла своя жизнь. Но однажды я застала маму в горестно-возбужденном состоянии. Она поведала мне, что дядя Герман больше не настраивает нам пианино, поскольку его жена, эта бестолковая скрипачка Марианна, приревновала его, представляешь, к нашей Эльзе. Это же смешно! Бедная Эльза. Был страшный скандал. Она, эта Марианна, сюда приходила, вопила, ревела, умоляла Эльзу оставить Германа в покое. Что Эльза? Ну конечно, была вне себя от этих безобразных подозрений. Она так страдала! Да-да, не смейся. Как ее могли в этом заподозрить, ведь она так и не смогла оправиться после смерти Вадима. Целую неделю мы ежедневно вытаскивали ее с кладбища! Она вела себя неадекватно, запиралась в комнате и даже случайно разбила портрет Вадима, ну ты знаешь, он у нее над кроватью висел.

«Ну и спектакль», — усмехнулась я тогда, но маме ничего не сказала. Временами я сомневалась в ее профессиональных способностях. Не разглядеть у себя под носом эту халтуру! А может, это было так задумано?

В общем, мама сказала, что Герман исчез из нашей жизни навсегда.

Но судьба лишний раз дала мне понять, какими неожиданными и жестокими бывают ее прихоти, как она бывает коварна и бессердечна. В огромном, многомиллионном городе, где, живя в одном доме, люди могут не встретиться ни разу, я вдруг увидела Эльзу и Германа

на автобусной остановке. Случайно? Ой ли... Но почему я? Почему именно на мою долю выпала участь застукивать их? И почему у меня не хватило ума просто пройти мимо, не вторгаясь в чужую жизнь?

Как-то с однокурсниками мы возвращались из университета. Стояла зима. Народ передвигался мелкими перебежками, плотно обмотавшись шарфами, так что не спрятанными оставались только глаза. Морозы были такие, только успевай добежать до метро, чтобы нырнуть в его теплое подземелье и отогреться, разморозить заиндевевшие от влажного дыхания ресницы. Но мы были молоды, и море едва доходило до колен. Счастливые, мы неслись по улице к ближайшему кинотеатру, без шарфа, без шапки, в расстегнутых шубках и дубленках, словно на улице оттепель. Нас согревала молодость, любовь, бесшабашность. Мы бежали, кидались снежками, смеялись. И вдруг на остановке я увидела Эльзу. Она стояла спиной ко мне, но я сразу поняла, что это она, по коричневому пальто, в котором она последнее время ходила – это идиотское пальто невозможно было спутать ни с чем. А рядом был Герман. Прильнув друг к другу, они стояли в какой-то странной, неестественной позе: Эльзина голова покоилась на плече у Германа, причем она смотрела не на него, а в другою сторону. Их руки, спрятанные в теплые вязаные перчатки, обвивали друг друга, эти два человека были как одно деревце с двумя стволами, единое неделимое целое, и даже на расстоянии я почувствовала, ощутила нежность, окутывающую их. Они, как в облаке, парили в этой нежности, и было не ясно, ее это руки или его, ее это шарф или его. Дядя Герман был в таком же пальто, как и много лет назад, только другого цвета. И в этом нелепом наряде они оба выглядели особенно гармонично, словно обитали в ином пространстве и как-то случайно затерялись и неведомо как попали на эту остановку в совершенно противоестественный им мир. Он был в шапке, а Эльза – без, и ее роскошные волосы касались его щеки. Наверное, это было трогательно.

— Что с тобой, пойдем, — мой однокурсник Митька схватил меня за руку, — куда ты смотришь? Ты что, знаешь эту парочку?

Я молчала. Почему-то в этот момент во мне вдруг вспыхнула старая обида. Та ночь, когда я в слезах и с высокой температурой лежала в кровати, не понимая, почему мне не поверили, стояла перед глазами, словно это было только вчера. И я возненавидела Эльзу. За то, что она лишила меня самого близкого человека – мамы, и мне, подростку, не с кем было поделиться своими уже недетскими проблемами. За ложную святость Эльзы, за притворство Германа, якобы обожавшего свою жену, эту несчастную тетю Марианну, мечтавшую стать солисткой и всего лишь осевшую в оркестре рядовой скрипачкой. За жестокое вранье этой парочки, причинившей столько боли близким людям. Например, мне и той же Марианне. Почему они всем лгут? Почему не скажут правду, освободив и себя и других от притворства? Как все это гадко! Мерзко! Коварные фарисеи, они заслуживали наказания. И я сжала кулаки.

— Да, знаю, — ответила я Митьке. — Это моя тетка, Эльза, а это ее любовничек.

— Ну и чего тебе до них? — усмехнулся Митька. — Пойдем лучше в кино, опоздаем.

Мне бы послушаться Митьку, но нет – мною владела яростная решительность. И я направилась к любовникам. А вместе со мной мои друзья.

— Здравствуйте, тетя Эльза и дядя Герман! — ехидно и громко сказала я.

Эльза подняла голову и посмотрела на меня так, будто не узнавала, она словно только что очнулась от столетнего сна, как спящая красавица. Повернулся и Герман. Молча они смотрели на меня.

— Здравствуйте, — настороженно и как-то неуверенно ответил дядя Герман. Он явно меня не узнал. И не удивительно, я уже стала девицей.

Они оба смотрели на меня, как два пугливых зверька.

— А что, подъезды теперь кодами закрыты, так что порядочным людям приходится на остановках обжиматься?

Мои друзья заржали, а Эльза побелела.

— И святость нынче не в моде? — продолжала я. — Да, дядя Герман, а как там тетя Марианна? Что-то я давно ее не видела? Или она не принимает участия в ваших интимных встречах? А что, втроем было бы здорово!

Дядя Герман побледнел и слегка отстранил Эльзу.

— Что тебе нужно от нас? — в голосе Эльзы прозвучало отчаяние.

— Мне? Ничего. Просто спросила.

— Тогда уйди, отстать от нас!

Я неопределенно фыркнула, как бы давая понять, что и в мыслях не имела им мешать.

— А кто такая тетя Марианна? — поинтересовалась моя однокурсница Вероника.

— А это жена, которая мечтала стать великой скрипачкой, да, видно, таланта маловато будет, — ответила я Веронике.

— А-а, жена? А кто эта дама?

— А это любовница, — таким же идиотским голосом ответила я.

Потом мы начали ржать, как придурки, кидать какие-то мерзкие и нелепые оскорбления, а Эльза и Герман стояли под пулями этих гадких слов.

И тут Герман меня узнал. Я поняла это по его вдруг округлившимся глазам. Узнал и испугался. Это я тоже поняла. Наверное, испугался, что Марианна узнает, и будет опять скандал, а может, Марианна и вовсе его выгонит, а ему это нужно? А может, чего-то еще. Не знаю, что творилось в его голове в эти минуты, может, он и вовсе думал о другом, но тут произошло то, чего я меньше всего ожидала: Герман неуверенно, бочком, бочком отошел в сторону, потом развернулся и пошел прочь, почти побежал. Кто-то из моих дружков кинул снежок, и он белым пятном прилепился на пальто.

Герман убегал все дальше. Не оборачиваясь. А Эльза стояла. Одна. Чужая всем и каждому, под градом насмешек. Сначала она дернулась, чтобы побежать за ним, но потом остановилась, схватилась за металлическую стойку и вдруг рассмеялась. Громко, эффектно, красиво. При этом из глаз у Эльзы катились огромные слезы. Наверное, ей было стыдно. За себя, за Германа. А еще больно и обидно. За неудавшуюся жизнь, за жалких мужчин, не стоящих ее, за нелепость ситуации, за разбитые надежды. Так мне кажется. Потому она и не могла сдержать ни слез, ни смеха, так чуждых ей. Первый и последний раз я слышала ее смех и видела ее слезы. Такой Эльза и осталась в моей памяти.

Больше мы с ней не встречались.

А потом грянула перестройка. Эльза нашла в Испании родственников и вернулась на историческую родину. А после смерти какой-то там то ли тетушки, то ли бабушки получила наследство, и теперь вполне безбедно живет. Я лишний раз убедилась, как она ловко умеет пристроиться в жизни. Мама часто ездит к ней. Они поддерживают очень тесные отношения, перезваниваются, переписываются, а недавно освоили скайп. У Эльзы небольшой домик на море с крошечным садиком, где она выращивает помидоры. Почему помидоры, не знаю. Но очень красиво. Как-то после очередного возвращения мамы из Испании мы сидели на нашей старой кухне и пили чай. Мама восторженно рассказывала об Испании и показывала на компьютере фотографии.

— Вот, посмотри, это я Эльзин дом сфотографировала. Хорошенький, правда? Там со второго этажа даже виден кусочек моря. А это помидоры. Ты даже не представляешь, каких сортов они, оказывается, бывают. И черные, и желтые, и размеров самых разных! Вот они, смотри. А это столик в саду. Мы там завтракали, а потом – на море. Это Эльза.

На меня смотрела пожилая ухоженная женщина типичной европейской наружности. И даже в старости Эльза оставалась красивой, по-своему красивой в этом

возрасте. Седые волосы были собраны в пучок, а вот брови остались такими же черными, а глаза такими же синими. Эльза как-то странно улыбалась, так, словно делала это впервые.

— Мне странно, — вдруг сказала мама, — что она ничего о тебе не хочет слышать. Нет, не перебивает, не кричит, просто вижу по ее лицу, когда о тебе заходит речь, ты же знаешь, как я горжусь тобой, и люблю о тебе поговорить! Так вот, она прямо захлопывается, как ракушка. И ничего не слышит. Мне кажется, — мама на минутку задумалась, — что между вами что-то произошло, о чем я не знаю. Что-то нехорошее.

Мама буравила меня взглядом.

— Мам, а Эльза стала снова смеяться? — я улыбнулась, чтобы разрядить обстановку. Мне было неприятно вспоминать тот случай.

Мама расхохоталась:

— Бог с тобой, ты же знаешь, после смерти Вадима она разучилась смеяться.

И вдруг меня осенило, я все поняла. Она, мама, знала об Эльзе и Германе. Все-все, до последних мелочей. И тогда, в тот роковой день, защищала их. От меня. Мне стало противно, словно я надкусила гнилое яблоко.

— Ты знала, — я внимательно смотрела на маму, — знала, что они любовники. Ведь так?

Ничего не ответив, мама закрыла файлы, нажала кнопку выключения и захлопнула крышку ноутбука.

— Давай есть торт, — она снова улыбалась привычной мне, ничего не значащей улыбкой, — я в этих современных тортах ничего не смыслю, мне продавщица посоветовала. Сказала очень вкусный. Чизкейк называется.

Ожидание

Вот скрипнула калитка, и зашуршали по траве шаги. Заскрипели половицы в старом доме, задрожали оконные рамы. Лена в отчаянии закрыла ладонями уши и зажмурила глаза. Нет, она больше не простит! Все! Достаточно! Сколько можно! Хватит, устала – виноватые глаза, измученный вид, мятая рубашка и запах чужих женщин. Этот запах! Он настырно цеплялся к ней, преследуя неделями. Его невозможно было отстирать или залить духами. Он вызывал тошноту и физическую боль, впиваясь в каждую клетку тела. Он доводил до отчаяния.

Поначалу Вадим уходил не часто. Звонил, путано объясняя, что у Вовки день рождения, а он, Вадим, забыл, нехорошо получилось. Кто такой Вовка? Ах, так, старый приятель, еще по строгановке, потом познакомлю. И частые гудки в трубке. Затем этот Вовка сменился Пашкой, Пашка Митичем... разве их всех упомнишь. Они обитали в другой жизни, куда Лене путь отчего-то был заказан.

Она влюбилась в Вадима в первый же день, когда подружка предложила подработать натурщицей у знакомых художников. Боязливо войдя в мастерскую, Лена неожиданно попала в мир не свойственного ей беспорядка: повсюду, прислонённые одна к другой, стояли картины, так что едва можно было протиснуться, а еще картины висели на стенах, от пола и до потолка; на заваленном диковинными предметами столе в стеклянной банке стояли кисти всевозможных размеров и форм, и краски, и нечто, свернутое в рулоны, она лишь могла предполагать, что это холсты. Комната была тесной и узкой, но сквозь огромное окно лился свет, а за окном качалась листва старых деревьев и дрожало летнее солнце, пятнами оседая на широком подоконнике. А потом появился Вадим. Он был в потертых джинсах,

как и положено художнику, заляпанных красками, и клетчатой рубашке. Он улыбнулся, глядя на нее, и протянул руку, но тут же отдернул и виновато стал вытирать о джинсы, потому что рука тоже была в краске. И комната вдруг стала больше...

Однажды Лена поняла, что этих Вовок и Митичей не существует. Они живут в его нелепых попытках оправдаться перед ней. Она догадалась об этом, глядя на красивые и не очень лица женщин, с издевкой смотрящих с полотен Вадима. Вот тогда и случился первый скандал. Лена не напрашивалась в его жизнь, Вадим сам настоял на переезде в старый дом с яблоневым садом и кустами смородины по забору. Он увидел в ней музу, такую же, как Элизабет Сиддал, печальную Офелию Джона Милле, любовь и тоску Данте Габриэля Россетти. Такую же рыжеволосую и утонченную, с внимательным взглядом болотного цвета глаз. А потом были годы беззаветного счастья, такого огромного, заполнявшего всю ее жизнь, не оставляя места больше ничему другому...

Вадим ходил из угла в угол, нервно поправляя волосы: ты не понимаешь, я художник, мне нужны свежие впечатления, эти женщины, натурщицы, они мимолетны, а ты навсегда, они... Элизбет Сиддал, она знала, она все прощала... Женщины, натурщицы, Сиддал – эти слова множились в ее сознании, переплетались, путались и наконец переставали иметь смысл, превращаясь в набор звуков, острых и резких, переходящий в ноющую головную боль. Потом были слезы, объятия, прощение, и она засыпала у него на руках, измотанная этой болью, а он нежно качал ее, как младенца, обещая больше никогда не оставлять одну в пустой и молчаливой ночи, наполненной страхом и одиночеством. Но этих «никогда» становилось все больше.

Он пропадал уже не на день и не два, иногда на недели и даже месяцы. Накануне дом наполнялся запахом алкоголя, баночки с красками летели на пол, холсты с незаконченными работами безжалостно терза-

лись ножом. А вечером Вадим снимал с вешалки плащ и уходил, даже не закрыв за собой дверь. Куда? Зачем? Надолго ли? Кто будет варить ему по утрам кофе и делить с ним постель? Кто принесет таблетку от головной боли? Лена не знала. Но была уверена в одном – он обязательно вернется. В его уходах и возвращениях не было логики. Оставалось только ждать и считать по ночам овец. Это могло произойти в субботу. Или в среду. Или в любой другой день, независимо от времени года и погоды. И он возвращался. Как моряк, долго пробывший в море, пахнет солью и бризом, так Вадим пах чужими женщинами, оставлявшими на его плечах молекулы дорогого парфюма, а в волосах прикосновения рук. Все это сливалось в тот самый тошнотворный запах, и становилось невыносимо. Но она все равно прощала. Крепко прижимала к себе, боясь отпустить даже на мгновение, словно наверстывала прожитые без его прикосновений дни. Потом Лена разучилась плакать. Сначала слезы превратились во влажные проталины на припухших щеках, а потом и вовсе высохли. И только любовь продолжала жить, перетекая изо дня в день.

Но однажды в одну из бессонных ночей в сердце поселилась пустота. В этой странной пустоте не было никаких чувств: ни любви, ни отчаяния, ни боли, ни грусти, ни надежды, ни ненависти. Только серая жижа отчаяния. Вот тогда Лена и приняла решение, окончательное и бесповоротное, как выстрел в висок. Больше не будет прощений и пустых обещаний. И тоскливых ночей. И страхов. И боли. Ничего. Вот сейчас Вадим войдет, уставший от пьяных ночей и пылких дам, возьмет ее за руку, попросит отложить скандал до завтра. Только завтра не будет. Уже третий день у двери стоит собранный чемодан, где лежат его вещи, все, вплоть до зубной щетки. И слов тоже не будет. К чему? Они как воздушные шарики – яркие, но пустые внутри. Все кончено, раз и навсегда. Нет больше любви, перегорели чувства, сердечный пожар потушен, только пепел бы-

лых страданий да ростки кипрея как символ новой жизни, но уже без Вадима.

Лена решительно встала, изо всех сил стиснув руки. Со стола упала чашка, задетая шалью, и разлетелась вдребезги.

Внезапно все стихло. Только ветер, случайно залетевший в незакрытую дверь, легонько тронул прядь волос. Вместе с дождливыми сумерками в дом прокралась ледяная тишина и застыла паутиной на окнах. И больше не скрипели половицы, не дрожали оконные стекла, не шуршали шаги. Показалось.

Зябко поежившись, Лена укуталась шалью, присела, чтобы собрать осколки. И вдруг все ее существо охватил отчаянный ужас: а вдруг он больше не вернется?

Игорь Бурдонов

Когда я был молодым, мне казалось, что счастье – это то, что впереди. Потом бывали мгновения, когда я думал, что счастье – это вот это мгновение. Ну а теперь я точно знаю: счастье – это то, что было. И совсем не обязательно оно казалось счастьем тогда, когда было. Как будто движешься во времени вперёд и переворачиваешься лицом назад.

Это похоже на то, как китайцы во время празднования Нового года по лунному календарю приклеивают на двери изображение китайского иероглифа «фу» – «счастье» – вверх ногами! Потому что по-китайски «счастье пришло» и «счастье перевернулось» звучит одинаково.

В «И Цзин» – «Книге Перемен» – постоянным рефреном звучит выражение «изначальное счастье», а вот «конечное счастье» ни разу не встречается. Вот и в афоризме к последней черте гексаграммы № 30, которая называется «Ли» – «Сияние», сказаны на первый взгляд странные слова: «Выступившие слёзы льются потоком. Но будут сочувственные вздохи близких. – Счастье».

И золотой век человечества, и золотые денёчки человека – не важно, так это на самом деле или не так, – всегда в прошлом. Счастье – это не состояние, а воспоминание. В этом есть какая-то глубокая мудрость и глубокая печаль. А может быть, просто некий химический процесс в нашем мозгу со временем высветляет воспоминания настолько, что они кажутся счастливыми.

«Счастье», — подумал он и почему-то запечалился.

Трое в лодке, не считая собаки,
или
Правдивейшее жизнеописание путешествия по реке Дубне [3]

День первый. 11 июля 1981 года, суббота

Проснулись мы ещё в Москве, у себя дома в Лианозове. В 7 часов, согласно будильнику. Собирались не торопясь, и около 9 часов вынесли вещи к подъезду. Оставили при байдарке сына Рустама, а папа Игорь и мама Кадрия надели рюкзаки и пошли. Нас сопровождал до станции больной дядя Лёня, наш друг. Со своим ушибленным ребром он был, конечно, нам не помощник. Доехали на автобусе до станции, оставили дядю Лёню сторожить вещи и вернулись за Рустамом, собакой Пушком и байдаркой.

В 12.22 электричка приехала в Вербилки. В два приёма, короткими перебежками добрались мы до реки. Расстояние от станции до реки не больше километра. У железнодорожного моста расположились и начали собирать байдарку. Дело продвигалось легко и споро, хотя и не обходилось без переругивания. Нервишки, подпорченные московской суетой и длительной предотпускной неопределённостью, пошаливали. Но вот в ответственейший момент сломались какие-то маленькие штучки на большой штуковине. О горе!

Однако близость природы и сознание отсутствия пути назад возродили к жизни нашу природную смекалку. Маленькие штучки заменили деревянными колышками. Наконец байдарка собрана! Но что это?

---

[3] *В тексте сохранена авторская пунктуация. – Примеч. ред.*

Заднее (называется кормовое) сидение присоединено не там, где надо. Папа Игорь вынимает такую маленькую штучку, соединяющую две большие штуки и заодно сидение. Возникает расцентровка дырочек в этих штуках. Маленькая штука не лезет в дырочки. Чёрт с ней! Ещё немного, укладываем вещи, и вот он – долгожданный момент. Спуск на воду! Усаживаемся и плывём!

Хорошая река! Хорошая вода! Хорошая байдарка! Хорошая погода! Плывём!!!

Плывём и плывём. Но хочется есть – с утра голодные. Находим прелестное местечко. С песчаным пляжиком, костровищем с рогульками, местом для палатки с лапником, с брёвнами для сидения, с запасом берёзовых дров и даже с урной (какая-то металлическая дырявая чаша на трёх ножках). Идеально! Вытаскиваем вещи из байдарки, вытаскиваем байдарку. Ставим палатку, разводим костёр. Что там у нас на ужин? Суп из двух пакетов, чай и колбаса, жареная на палочке, с хлебом. Объедение!

В первый вечер мы успеваем: выкупаться, почитать (мама Кадрия), безуспешно половить рыбу на хлебный мякиш или просто на пустой крючок (папа Игорь), погулять в окрестном лесу и покататься на байдарке. Ох уж это гуляние, ох уж это катание! Плывём на байдарке, приближаемся к своему пляжику. И вдруг видим! Но мы забыли сказать, что у нас с собой была бутылка «Салюта». Это, конечно, не шампанское, но ведь и байдарка – не корабль. И всё же мы собирались вечерком, у костра отпраздновать спуск на воду нашего замечательного судна. А день был жаркий, и вино требовалось охладить. Папа Игорь заботливо уложил бутылочку в белую авоську, привязал белую верёвку к прибрежным кустам. Как всё славно было продумано и как тщательно подготовлено! А для сына Рустама имелась баночка сока.

Так вот. Подплываем мы с прогулочного катания на байдарке к нашей стоянке и сворачиваем к при-

брежным кустам, проверить нашу заветную бутылочку. Но что такое? Как это может быть? Увы! Болтается на прибрежных кустах огрызок нашей белой верёвочки. Такой маленький, такой жалкий. Украли! Украли нашу заветную бутылочку. Срезали нашу белую верёвочку. Ограбили. Сын Рустам кричит: ограбили нас! Он замечает на другом берегу мальчишку, который ловит рыбу. Эй, ты, — кричит Рустам, — это ты украл нашу бутылочку? Мальчишка обзывает Рустама салагой! Ах, как жалко бутылочку! Но больше всех обеспокоен Рустам. Нас так всех ограбят, говорит он. А если кого-нибудь из нас украдут? Вон тот мальчишка уходит, уносит «грабленое». Мы пытаемся его успокоить, но Рустам продолжает разглагольствовать об ограблении. Эта тема грабежа не даёт ему покоя и на следующий день.

А что же наш верный сторож, что же наш пёс Пушок, который не даёт спокойно пройти мимо ни одному живому существу и старательно облаивает всех в радиусе ста метров? Что же он-то не устерёг нашу бутылочку? Эх ты, Пушок, Пушок! Ведь ты, Пушок, полночи не давал нам спать своим лаем. Кого ты облаивал? Куда ты бегал ночью, пока замёрзший папа Игорь не привязал тебя у себя в ногах? Что ты лаешь на человека, которого только ты один и чуешь в двухстах метрах от нас? Где ты был, дурной пёс, когда нехороший воришка срезал нашу белую верёвочку и уносил нашу охлаждённую бутылочку в белой авоське? Эх ты, Пушок!

День второй. 12 июля 1981 года, воскресенье

Проснулись мы в 10 часов. Развели костёр, сготовили завтрак. А на завтрак у нас была гречневая каша с молоком и, само собой, непременный чай. До чего же вкусная эта гречневая каша! А как много сил прибавилось после каши! Мы опять плывём. Папа Игорь гребёт себе и гребёт. И мама Кадрия хочет грести, но вредный

Пушок не даёт ей грести и требует постоянного к себе внимания. Чуть зазеваешься – и вот уже пожалуйста! Пушок в воде и стремительно плывёт к берегу. Приходится причаливать.

Два раза пёс Пушок прыгал в воду с байдарки и совершенно измучил бедную маму Кадрию. Всё! С завтрашнего дня привязываем его ко дну байдарки (называется кильсон).

Ах, какая красивая река! Очень, очень красиво! Что ещё сказать? Это неописуемо, невыразимо! Не описать пером. Да и кистью тоже, хотя завтра и надо бы порисовать.

В пути одна остановка для купания. Короткая – слепни не дают покоя. Видим белые лилии. Специально подплываем поближе и рассматриваем эти краснокнижные цветы. Но не срываем! Плывём дальше. Уже пора приставать к берегу. Ищем хорошее место. Находим, причаливаем. Но рядом оказывается ещё лучше, переправляемся туда.

Высокий берег круто обрывается на две стороны: к реке и к овражку, по дну которого течёт мелкий ржавый ручеёк. Изумительный вид на реку и оба берега. Большая поляна, с костровищем и запасом дров. А вокруг – сосны! Высокие, золотистые, красивые! Между ними попадаются берёзы и ели. Внизу никаких кустов – травка. Это место мы назвали «Царская палата».

Выкупались, разожгли костёр, приготовили чай. Хорошо горят сосновые дрова! Ярко и жарко. А теперь – эксперимент. Мама Кадрия достаёт противень и начинает печь блины. Блины удаются на славу и тут же съедаются. Папа Игорь и сын Рустам хором кричат: «Слава мамульке! Слава блинам!»

Забыли сказать, что в этот же день, пока плыли по реке, нашли игрушечный самодельный деревянный кораблик. Это нечто вроде компенсации за нашу украденную бутылочку. С этого момента сын Рустам только тем и занимался в байдарке, что играл с корабликом, держа его в воде за бортом.

После блинов мы поставили палатку и отправились на прогулку по лесу. Дошли до линии высоковольтной передачи, которая жужжала. За линией – царство поваленных деревьев. Нагромождение стволов, вывороченные корневища, жужжащие провода в небе – напоминает Стругацких, «Пикник на обочине».

На своей «Царской палате» мы поставили «царский трон» – надувной матрас, сложенный в виде шезлонга при помощи специальных застёжек. Папа Игорь сидит на этом «троне» и пишет «Жизнеописание». Перед ним открывается вид на реку и берега. Не описать пером!

На другом берегу ещё днём мы обнаружили шалаш, и чуть было там не остановились. Вечером в этот шалаш пришли какие-то дяди с собакой, и пили алкоголь. Пушок лаял на чужую собаку и бегал по берегу. Рустам опять начал про ограбление говорить. Постепенно стемнело, и все угомонились. Однако ночью часа в 4 Пушок снова начал бегать и лаять, и никому не давал спать. Пришлось папе Игорю идти за ним, привязывать в палатке. Ещё папа Игорь немножко шлёпнул Пушка ремнём за непослушание, а тот огрызнулся.

День третий. 13 июля 1981 года, понедельник

Утром дяди из шалаша оказались косцами. Они косили сено и были уже совсем не страшные. После завтрака мы снова плывём. Плывём и плывём. Река стала шире, леса меньше. Приплываем к мосту через реку и причаливаем.

Около байдарки остаются Рустам и Пушок. Мама Кадрия и папа Игорь идут по шоссе в деревню, в магазин. Это место называется Юдино. Пройдено больше половины пути. В магазине покупаем свиную кооперативную тушёнку, солянку овощную с грибами, кисель, плавленый сырок и брынзу. Хлеба нет. Папа Игорь хочет купить водку, но мама Кадрия говорит, что она водку пить не будет. А никакого вина нет в магазине, одна

водка. На обратном пути проходим мимо зарослей тростника. Для Рустама срываем одну штуку.

Садимся в байдарку и плывём дальше. Жуём плавленый сыр и брынзу, запиваем чаем из фляжки. Река сначала сузилась, но потом стала очень широкой. Всё шире и шире, глубже и глубже. Исчез лес по берегам. Мы уже давно ищем место для стоянки и никак не можем найти. Приходится плыть дальше. Папа Игорь устал, мама Кадрия устала, сын Рустам устал и Пушок устал. Но надо грести и грести. Хочется пить.

В деревне с названием «Бережок» пьём воду из ключа, наполняем фляжку. Рядом женщина полоскает бельё. Узнаём от неё, что до города Дубна километров 8, но это по дороге, а не по реке; до Карманово километров 5, но тоже по прямой; до слияния с рекой Сестрой уже недалеко. Женщина обещает нам лес впереди, и мы снова плывём.

Гребём и гребём. А солнце светит, и мы, кажется, обгорели. Ноги устали от согнутого положения, хочется распрямить их и закинуть куда-нибудь повыше. Не выдерживаем и пристаём к берегу. Выползаем из байдарки и падаем в траву. Блаженство! Поза савасана – поза трупа. Однако здесь нет тени, и мы скоро опять плывём. Хочется есть и пить.

Рустам теряет пробку от фляжки. Пробка железная и тонет. Папа Игорь легонько стукает Рустама веслом по балде. Все устали.

Проплываем мимо сборного домика и палатки на берегу, мимо палаточного городка с катерами и кухней под навесом, и с печкой, мимо деревни. Но вот видим лес. Сосны! Наконец-то!! Причаливаем немедленно! Лес клином подходит к берегу, но от реки его отделяет маленькое поле – горох. Кушаем горох, хотя он ещё не созрел: горошинки маленькие. По берегу сушится скошенное сено. Встречаем старушку, которая советует нам остановиться здесь. Недалеко деревня, но, видимо, за лесом, так как её не видно, а только слышно. Вытаскиваем вещи из байдарки. Очень устали!

Вдруг замечаем – на середине реки что-то трепыхается, что-то живое. Мама Кадрия высказывает предположение, что это большая стрекоза. Рустам предлагает поехать и посмотреть, спасти стрекозу. Мама Кадрия возражает, папа Игорь колеблется. Но сын Рустам заявляет, что он член общества охраны природы, и надо спасать стрекозу. Этот аргумент решает дело. Папа Игорь и сын Рустам плывут спасать стрекозу. Большая стрекоза сваливается с весла, так как сразу начинает трепыхать намокшими крыльями. Наконец удаётся забросить её в байдарку.

Когда причаливаем и уже собираемся тащить байдарку к лесу, стрекоза взлетает. Крылья у неё высохли. Она делает прощальный круг над нашими головами, покачивает крыльями, как самолёт, и улетает.

А мы таскаем вещи к лесу. Здесь, среди сосен, есть костровище и рогульки. Собираем дрова, разводим костёр. Мама Кадрия находит в лесу малину и чернику. Теперь маму Кадрию не дождёшься к костру, она всё бродит и бродит по лесу. Она получает удовольствие от собирания ягод. Рустам читает книжку «Тореадоры из Васюковки». Пушок бегает и облаивает окрестности. Папа Игорь возится у костра, потом валится на спальники, постеленные под сосной. Поза савасана – поза трупа. Неописуемое блаженство! Над головой – радостно искривлённые золотые от солнца ветви сосен, ещё выше – голубое небо. Фенимор Купер, Майн Рид, Вождь краснокожих, детство, мечтания...

Ночь проходит спокойно – привязанный Пушок не лает.

День четвёртый. 14 июля 1981 года, вторник

Первым просыпается, конечно, Пушок. Потом папа Игорь в 9 часов выходит из палатки. Выкуривает сигарету, расстилает спальник на солнышке и засыпает. Мама Кадрия отправляется за ягодами. Рустам спит.

Наконец через час папа Игорь встаёт, собирает дрова и готовит их для костра. Возвращается мама Кадрия, просыпается сын Рустам. Идём умываться.

Горит костёр, готовится еда и чай. В чай добавлены листья смородины – очень вкусно. После завтрака никому не хочется снова собираться и плыть. Все отдыхают. Сын Рустам читает книжку. Мама Кадрия занимается собирательством ягод. Папа Игорь пишет «Жизнеописание». Где-то бегает Пушок. Все отдыхают. Плыть не хочется – может быть, устроим днёвку. Вот только купаться плохо – дно илистое.

Подходит вчерашняя старушка и разговаривает с нами. Жалуется на житьё-бытьё. Раньше, говорит, в деревне было 70 коров, а теперь только 3 осталось. Свою корову тоже продам – сил нет сено заготавливать. Лошадей мало, приходится на своём горбу таскать. А старик больной, не может помогать. Контуженный он на войне. Поговорила старушка и пошла сено ворошить. Тут мама Кадрия велит папе Игорю и сыну Рустаму идти к старушке, помочь ей с сеном управиться. Идём к старушке, помогаем ей сено в копну собирать. Помогли, старушка подарила для Рустама две конфетки, а сам Рустам уже убежал – надоело ему. Мама Кадрия у реки бельишко стирает.

Снова собираемся все вместе, и вдруг решаем всё же сниматься с места и плыть.

Плывём. Река стала очень широкая, плыть уже не так интересно. Берега в основном безлесные, то есть лес есть, но не подходит вплотную к берегу, как раньше. Довольно скоро доплываем до слияния с рекой Сестрой. После минутного размышления решаем следовать по заранее намеченному маршруту – вверх по Сестре до Карманово. Находим то место, где папа Игорь и мама Кадрия были несколько лет назад со своей знакомой Надей Агеевой и её мужем Колей, и причаливаем.

На берегу ловит рыбу старик. Лицо его кажется нам знакомым. Выясняется, что это дед Данила, Надин свёкор. Он вот уже 5 лет каждое лето живёт здесь в палатке

и ловит рыбу. Дед Данила показывает нам колодец, который он вырыл в прибрежной глине. Это небольшая ямка с чистой водой, которая просачивается сквозь глину. Располагаемся у прибрежных кустов, на краю поляны. Купаемся. Готовим ужин. Ложимся спать.

День пятый. 15 июля 1981 года, среда

Просыпаемся около 9 часов. Плыть никуда не надо. После завтрака идём в лес за малиной. Вдоль высоковольтки, где мы раньше собирали малину, сплошные огороды – всё огорожено. Но всё же набираем немного малины. Рустам от жары, мух, слепней и колючей травы падает духом. Возвращаемся. Идём купаться. Учим Рустама плавать, но получается плохо. Он боится воды.

У Пушка обнаруживаем клещи. Папа Игорь держит его за пасть, а мама Кадрия вытаскивает клещей. После третьего клеща Пушок вырывается и нападает на папу Игоря, даже немного кусает его. Бедный Пушок! Нельзя ему гулять по лесу.

Потом мы отдыхаем. В 5 часов вечера едем на лодке в Карманово, в магазин (он в 6 закрывается). Покупаем буханку чёрного хлеба, плавленый сыр, борщ в пакете, сахарный песок, бутылочку Муската (6 руб. 90 коп.) и по стаканчику сока. Возвращаемся, закидываем пакет с продуктами в палатку и едем кататься по заливу, на берегу которого мы остановились.

Вечером папа Игорь делает для Рустама лук и стрелу. Хороший получился лук, далеко летит стрела, высоко летит стрела – исчезает в синем небе. Потом папа Игорь и сын Рустам играют в волейбол. Потом все лежат на спальниках, а папа Игорь – на надувном троне, и разговаривают. Сначала говорят про географию, про разные реки, моря и страны, про разные народы. Потом про политику, про наших и про американцев, и про телепередачу «Сегодня в мире».

Потом Пушок обнаруживает ежа. Наш пёс очень забавно ищет ежей и всегда находит. Мы рассматрива-

ем ежа – он ещё совсем маленький, свернулся в сплошной колючий шарик.

Спать ложимся поздно.

День шестой. 16 июля 1981 года, четверг

Проснулись папа Игорь и мама Кадрия в 6 утра – идёт дождь. Папа Игорь накрывает палатку полиэтиленом, прячет дрова в полиэтиленовый мешок. Тем не менее, утром, когда дождь уже прошёл, папа Игорь очень долго не может развести огонь. Точнее, огонь есть, но слабенький, и вода долго не может закипеть. Наконец мы садимся завтракать. Снова ярко светит солнце. Мама Кадрия читает, папа Игорь пишет «Жизнеописание», сын Рустам играет с луком.

Мама Кадрия пытается вытащить Пушку остатки клещей. Пушок кусает маму Кадрию и царапает её. Все злые на Пушка. Мама Кадрия обещает, когда приедем в Москву, отвести Пушка к соседке Татьяне, которая нам его привела и оставила у нас жить, и сказать, чтобы она забирала его, куда хочет. Но, конечно, Кадрия так не сделает, и Пушок проживёт с нами всю жизнь.

Жарко. Мама Кадрия идёт за банкой сгущёнки, которая стоит рядом с Пушком. Пушок опять кусает маму Кадрию. Проклятый пёс! Папа Игорь налепляет на раны Кадрии пластырь и завязывает руку.

Мы вдруг решаем поплавать на байдарке, если удастся – доплыть до слияния Сестры с Дубной или даже до Волги. Пушка папа Игорь привязывает около палатки и пытается постегать ремнём. Жалко собаку, но ничего не поделаешь – надо его учить не кусаться. Пушок с нами не поплывёт, он наказан.

На пустой байдарке плыть легко. Теперь Рустам сидит впереди, а раненая мама Кадрия – в середине, на надувном матрасе. Гребёт папа Игорь. Однако до слияния оказывается далековато. Тут ещё начинает моросить мелкий дождичек, и мы решаем возвращаться. Все берега Сестры усеяны рыбаками. Мы плывём вдоль бе-

рега, но то и дело шарахаемся к центру реки, боясь наехать на поплавки.

Дождик кончается. Мы решаем заехать в магазин, папа Игорь налегает на вёсла, даже раненая мама Кадрия помогает. Но магазин оказывается закрытым. «Ушла на базу». От магазина до нашей стоянки гребёт один Рустам. Сначала у него получается плохо, но постепенно всё лучше и лучше. Лодка набирает скорость. Папа Игорь совсем не гребёт, даже к вёслам не притрагивается. Сидит, курит и рулит.

Пушок встречает нас виляниeм хвоста. Чувствует себя виноватым, но всё равно плохо слушается. После ужина залезли в палатку, листали «С удочкой по Подмосковью» и пытались выбрать дальнейший маршрут. Немного поговорили и заснули.

День седьмой. 17 июля 1981 года, пятница

Утром встали и решили ехать в Москву. Мама Кадрия пошла за малиной. Папа Игорь вымыл посуду, разжёг костёр – на этот раз очень быстро и удачно. Сын Рустам сходил за водой. Позавтракали. Потом папа Игорь и мама Кадрия пошли в лес ещё немного пособирать малины, а Рустам вымыл посуду и собирал вещи. Потом у Рустама заболел живот, а потом прошёл.

Вернулись папа Игорь и мама Кадрия, и все стали быстро собираться, потому что до электрички (14.11) оставалось мало времени, а следующая – через три часа (17.15), и есть больше нечего, а магазин не работает. Собрали рюкзаки и байдарку. Папа Игорь и мама Кадрия скупнулись напоследок, а Рустам не захотел.

Тут приблизилась большая чёрная туча, и начал греметь гром. Мы быстро нагрузили на себя вещи, и пошли – до отхода поезда оставался один час. Мы пошли, и дождь пошёл. Когда мы подходили к железнодорожному мосту, дождь хлестал уже вовсю. Мы все промокли, особенно, Рустам, так как он был в одной майке и шортах. Было очень тяжело идти, но мы муже-

ственно перенесли все трудности. На мосту папа Игорь кричал Рустаму: «Смотри, не свались с моста! Держись, Рустик!». А Рустам кричал: «Ой, папа! Осторожнее! Ой, не упади, папа!». Так мы друг о дружке заботились. Добрались до станции, Рустам переоделся, купили билет. Тут и электричка подошла.

Вот сидим в электричке на сидении для двоих, закрытые со всех сторон рюкзаками. На рюкзаке лежит лук со стрелой. На крючке висит полиэтиленовый мешок, а в нём – две банки малинового варенья и ещё свежая малина в котелке, и игрушечный корабль, найденный нами на реке Дубна. Пушок тихонько сидит у нас в ногах, мокренький от дождя. Рустам сначала читал промокших «Тореадоров из Васюковки», а потом положил маме Кадрии голову на колени и заснул. Мама Кадрия смотрит в окошко. Папа Игорь пишет «Жизнеописание». Очень тру^{д}$_{н}$о пиСАть в элеКТ$_{ри}$чке – к^{ач}АЕ$_{т}$ и ТОЛ$_{ка}$е^{т}. А Вы $_{дум}$али, э^{то} у МЕН$_{я}$ по^{че}$_{рк}$ тАкОй с$_{та}$л, д^{а}?

КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

Микаел Абаджянц

Счастье для меня – одно большое раздражение. Потому как находишься в поисках того, чему нет определения. Поиски счастья заставляют чувствовать себя несчастным, заставляют излишне напрягаться, чаще всего ради кого-то другого, и не факт, что даже при самом добросовестном отношении к этим поискам, его возможно где-либо обнаружить.

Прозаик и переводчик. Родился в Ереване в 1970 г. С 2011 г. живу в Москве. Окончил Ереванский зоотехнически-ветеринарный институт. Член Союза писателей Армении. Издавался в России, США, Австралии, Франции, Ливане. Переводился на английский, французский и другие языки. Есть литературные награды.

Диван

История эта о том, как я выбросил на свалку старый диван, а он вдруг возьми да и вернись ко мне. Удивительная история. Вернулся сам, без помощи грузчиков. Преданность поразительная. И мне было бы и самому смешно, если бы за всем этим не стояла трагедия всей моей жизни. Да и смех тут плохой. И далек он от истинного веселья, как нервический хохот. А потому в этой почти анекдотической истории мне видится больше смысла, чем юмора.

А началась она в те мои годы, когда другие подростки начинают всерьез интересоваться противоположным полом. Мои сверстники толпами ходили за какой-нибудь парой неразлучных подружек и кричали им вслед ломающимися голосами. Я же был склонен к уединению. Я никогда не рвал глотку и не разбивал кулаки в кровь о зубы других мальчишек. Мне это было ни к чему. У меня было чудо из чудес – диван. Только я на него ложился, как самые красивые и строптивые девчонки делались со мною ласковы и выбивались из сил, чтобы мне угодить. На этом диване реальность сливалась с вымыслом. И вымысел подчас не уступал самой лучшей действительности. Вот ее лицо. Ямочки на щеках. Светло-серые глаза. Темный, завитый на бигуди, струящийся по нежной щеке локон. Локон подрагивает от каждого шага. Подрагивают ноги в белых ученических чулках, и только оформившаяся грудь тоже подрагивает под белым фартуком. Локон можно в мгновение ока из черного сделать золотым. Бесцветные губы можно накрасить алым. Нет, черным. Нет, розовым. Можно стянуть белые с ног чулки и натянуть другие, черные. Можно все что угодно...

Грезы приходили ко мне перед самым сном. А диван был старый, пружинный, с кожаной обивкой. Он и

пах кожей. Кожа была бурая, темная от времени. Пруппружины скрипели от каждого движения. И мне отчего-то под белым одеялом думалось, что это диван нагоняет на меня такие дивные грезы.

Шли годы. Грезы мои принимали все более утонченные формы. Мне уже не снились мои школьные и институтские подружки. Фантазия облачала меня в падишахские одежды в арабском замке, где-нибудь в Марокко. Белокожие наложницы, покачивая толстыми бедрами, ублажали меня под стрельчатыми сводами. В высокие окна врывался шум атлантического прибоя, заглушая сладострастные стоны моих поклонниц, и отсвет золотого неба соперничал с золотом парчи и шелков, что я им дарил. Я рассматривал дымные кольца фимиама, сливавшиеся с дымкой испанской кисеи, и засыпал...

Или я был викингом в рогатом шлеме и под сенью темного хвойного леса поджидал свою молодую голубоглазую любовницу. Она заглядывала в мои сонные глаза, шептала страстно слова любви. Потом все мешалось в какой-то дикой ворожбе. Опавшие сосновые иглы подо мной от страсти начинали дымиться, и я засыпал...

Или я ждал между пальмами принцессу масаи, вглядываясь в закат на берегу Индийского океана. Какой прекрасной она была на темно-бордовом фоне исчезающего солнца! Я вслушивался в ее непонятную речь. Разглядывал с нею диковинные раковины, вынесенные волнами на желтый пляж. Потом я вглядывался в желтые чужие звезды и сливался с ее чернотою в неукротимой страсти и засыпал...

Кому были нужны живые прыщавые девицы! Я не обращал на них внимания. Я был выше их. Я был недоступен. И все-таки я женился. Даже не заметил как. Женился поздно, на хорошей и скромной девушке. Диван, вконец обветшавший, я вынес на свалку и заменил его двуспальной кроватью. Странные грезы исчезли вместе с диваном из моей жизни. Жизнь моя потекла тихо и серо. Казалось, за окном все время льет дождь и

по чистому стеклу то и дело катятся чьи-то слезы. Жену я любил, но и почти не замечал. И не то чтобы мне с женой не о чем было поговорить или нечем поделиться. Просто она была слишком уж тихой и смотрела, когда была свободна, куда-то в светлевшую даль, поверх искрящихся верхушек тополей и красных, унылых и мокрых жестяных ереванских крыш. Жена в моей жизни стала чем-то обычным, вроде мебели. Иногда, лежа с ней в постели, мне все же хотелось думать, будто я в арабском замке с наложницами, на берегу океана, или что рядом лежит не моя жена, а чернокожая принцесса. Но сама мысль об этом казалась теперь глупой и пошлой. И я загрустил. Мне чего-то не хватало. Не стало в моей жизни чего-то. Серая и однообразная, она тянула ко мне свои белые руки и медленно умерщвляла. Дешевые сигареты, желтое пиво, вялые поцелуи, тускневшая и покрывавшаяся морщинами кожа нагоняли такую смертельную тоску, что хотелось кричать и звать во всю мочь кого-то, кто мог бы раскрасить все это в какие-нибудь другие, более жизнерадостные цвета. Увы...

Но однажды зазвонил телефон. Мне не ответили. Наверное, ошиблись. Я положил трубку, но телефон зазвонил снова. И снова на том конце упорно молчали. Мой покой был потревожен. Какая-то сладкая мысль закралась в мою душу, что будто кто-то по мне томится. Ведь мне было едва за тридцать. И женщины и девушки еще обращали на меня внимание, и отношения у нас порой складывались весьма неплохие. Прежде всего я подумал о моих прежних школьных и институтских подружках. Таковые были. Но все они были уже замужем, и звонить им не было никакого резона. Потом я подумал о девицах с работы, но у одной был громадный кривой нос, и потому мысль о ней исчезла как-то сама собой, а другая флиртовала с юнцом со второго этажа. Одним словом, звонить мне было некому, разве что принцессе масаи...

Жена перестала смотреть вдаль и взглянула на меня как-то странно, словно прочитала мои тайные мысли. И

я подумал, что она так и состарится у окна. В волосах ее прибавятся серебряные нити, а она так и будет все смотреть и смотреть на меня, пока я не умру. И я понял, что не могу я с ней. Ну не люблю я ее! Что противна она мне, как противна серость этой реальной жизни. Так бы и снес я ее на ту помойку, куда снес когда-то свой старый диван.

Странное выражение появилось на ее лице. Выражение не то страха, не то брезгливости. Она уже что-то понимала. Потянулась за черным непромокаемым плащом, медленно взяла сумочку, перекинула ее через плечо. Она собиралась от меня уйти. А я все вслушивался в телефонную трубку, и мне казалось, что там что-то не то скрипит, не то там тяжко и страстно раздуваются кожаные мехи. И в мою душу тоже стал заползать страх. Но я сам хотел, чтобы мне позвонили, чтобы избавили от рутины и однообразного присутствия жены, чтобы яркая, никогда так и не испытанная настоящая любовь все же вошла в мою жизнь...

И тут зазвонили в дверь. Жена испугалась. Лицо ее побелело. Она в растерянности провела длинными пальцами по волосам. И я впервые увидел, что черты ее были тонкие и гордые. Я раньше не замечал, что она красива! Снова позвонили и в дверь одновременно сильно ударили. Она пришла в себя и пошла в коридор открывать. Потом, кажется, она страшно закричала. В этом крике было отчаяние. Я вышел из оцепенения и выбежал в коридор. То, что я увидел, плохо поддается описанию. Дверь на тонкой цепочке судорожно пульсировала от сильных и частых ударов. А в щель между створками толкалось что-то огромное, грязно-бурое, все в странных клубах не то дыма, не то пара. Потом цепь не выдержала, дверь с треском распахнулась, одну створку вышибло, и в коридор, весь в облаке грез, ввалился мой старый диван.

Записки старого человека

Солнечный луч с трудом пробивал жидкую осеннюю листву, задерживался на запыленном стекле большого прямоугольного окна и ложился на некрашеный деревянный пол моей комнаты широким мутным покачивающимся бликом. В окно негромко постукивал обнажавшимися ветками ветерок, срывая с них маленькие овальные листы, которые на мгновение льнули к стеклу, точно прощались, и уносились с неясным и печальным шорохом. Листопад в этом вечно меняющемся мире – всегда повторяющийся, всегда неожиданный, приковывающий к себе на часы, наполняющий душу удивительным умиротворением, заставляющий испытывать ужас и восторг одновременно. Да-да, эта смесь наиболее сильных человеческих чувств сродни тому переживанию, которое испытал энтомолог, открывший не новый вид навозного жука, а грандиознейший из водопадов мира. Его мозг, привыкший изучать и систематизировать, оказался бессильным перед столь потрясающей и неповторимой сменой форм воды и пены, порождающей восторг и ужас. Ужас и восторг после благоговейного созерцания сменяет жажда творчества. Что, как не жалкая попытка подражания буйной стихии, этот орнамент ковров и эта резьба на порталах? Что, как не плагиат, пусть не преднамеренный, тончайшая работа ювелира? Не ужас ли побуждал пещерного человека веками вслушиваться в завывающий на все лады буран, и не эхо ли древних бурь – восхитительные кантаты и симфонии? Ужас и восторг – эти два полярных чувства, сплавляясь в различных пропорциях, создают всю гамму самых сложных человеческих переживаний, начиная с восторга ужаса и кончая ужасом восторга. Подобно химическим элементам, реагирующим в разных пропорциях и при разных условиях,

ужас и восторг превращаются в разнообразнейшие человеческие чувства, начиная от женской брезгливости перед земноводными и кончая мужской отвагой под развевающимся пестрым стягом. И что, как не символ беснующегося разнообразия стихии, этот цветастый флаг? Что, как не буйство первобытных красок, побуждает художника браться за кисть? И что, как не ужас и восторг, ставит себе он целью? О ужас и восторг, этот двойной росчерк в росписи человека под вердиктом судьбы! Именно ужасом и восторгом приходится платить за праведность и прегрешения!

Да, восторг и ужас пропитали всю мою жизнь от начала и до конца. Восторг и ужас пронизали все мое существо с того самого момента, когда мир обрушился всем своим многоцветьем и многоголосьем на мои глаза и уши, заставив, точно механизм водяной мельницы, работать мозг. Сначала было больше восторга. Тогда мир был ярок и радостен. Восторги детства сменили восторги юности. Восторг материнства! Мой сын! Эта ни с чем не сравнимая нежность к крошечному и беспомощному существу, объятому ужасом! Восторги и восторги! Вот он сказал первое слово, вот он сделал первый шаг, вот его первый рисунок, в котором я тщетно пытаюсь различить дерево! А затем появились целые полки оловянных солдатиков, маршировавших по некрашеному полу. И я, затаив дыхание, с ужасом вглядывалась в восторженное лицо сына. А теперь в моем сердце лишь глубокое всепропитывающее умиротворение. Умиротворение в этом рушащемся и вновь воскресающем мире. Умиротворение. Что оно такое, если не глубокий осознанный ужас перед надвигающимся провалом смерти?

Ничего в хаосе мира нет для меня более вечного, чем эта скорлупа моей старости. Я говорю о моей комнате, моей келье, за единственным окном которой шумит желтый листопад. У окна стоит небольшой столик с двумя табуретками по бокам. У правой стены разместился платяной шкаф, у левой – трюмо с

большим зеркалом и массой флакончиков и статуэток; они отражаются в зеркале, и от этого кажется, что их еще больше. Над зеркалом в овальной рамочке смеется безусый лейтенант. Это мой сын. Рядом с трюмо кровать и книжная полка над ней. А в центре комнаты – большое кресло-качалка, в котором покоится мое немощное тело. Вот, пожалуй, и вся моя движимая и недвижимая собственность, не считая дерева под окном. И листопад тоже мой. В комнате тишина. Мерный перестук кресла-качалки и шорох листьев лишь подчеркивают ее. Между рамами беззвучно бьется последняя осенняя бабочка. Ее крылышки мелко трепещут, затем складываются и вновь начинают трепетать.

Наступила зима. Из дома я не выхожу. В окно сочится белый мертвенный свет. Леденящий холод овладел моей кельей. Я сижу в качалке, укутавшись в толстое шерстяное одеяло. Снегопад. Большие тяжелые снежинки отвесно падают с близкого неба и наперегонки устремляются к холодной земле. Часть из них цепляется за ветки, которые широкими черными взмахами устремились к окну. За окном растет громадный белый коралл.

— Смотрите, как сыплет. По радио передавали...

Очарование исчезает, растворившись в белом безмолвии. Это соседка. Круглолицая и краснощекая, она без умолку тараторит. Кажется, эта глупая улыбка никогда не сходит с ее лица и даже не мешает болтать. «Сыплет». Какое глупое сравнение. Это чудесное движение, этот невообразимый полет белой стихии, сопоставимый разве только с музыкой, она сравнивает с разорванным мешком пшеницы.

— И вовсе он не сыплет.

Мой старческий голос прозвучал глухо, точно из могилы, обдав меня ужасом. Неужели это сказала я? Через мгновение звук моего голоса растворяется, стерев на миг улыбку с этого румяного лица.

— Как же не сыплет? Посмотрите...

Она долго что-то говорит мне про какие-то очки, интересуется здоровьем, спрашивает, не надо ли чего. И все время странновато поглядывает на лейтенанта, заговорщически улыбающегося мне со стены. Она меня раздражает ужасно. Раздражает то, как она резко, без стука врывается ко мне, как она мгновение морщится от спертого воздуха, пропитанного тяжелым духом нафталина – этой стариковской парфюмерии – и моего разлагающегося тела. Раздражает эта беспрерывная болтовня, трескотня и горячая, дымящаяся тарелка супа, которую приходится принимать как величайшее добро.

— Ну, я побегу, небось моя девчонка уже ревет. А вы не ждите, ешьте, пока не остыло... Во дворе, знаете, какие-то подонки все деревья спилили...

Она произносит без перерыва еще несколько банальных фраз и, плотно закрыв дверь, уходит.

Леденящий ужас закрадывается в мою душу. Деревья... Они же живые. Я с трудом отрываю себя от кресла и шаркающей походкой направляюсь к окну. Метрах в двадцати от моего дома стоит, точно зеркальное отражение, такой же трехэтажный дом. Его неприглядный фасад изрыли оспины отвалившейся штукатурки, обнажившие красную кирпичную кладку. И ни одного дерева. Одни пеньки, круглые, аккуратные. А что за домом, я не помню. Мой мир сузился до рамок дворика и стен моей комнатушки, надвинулся ослепительно белым потолком, похоронив меня заживо, как эту засохшую бабочку. Ожидание и отчаяние захватывают мою душу. Они его тоже спилят. Эти могущественные... Они вырастают чудовищными серыми тенями на снегу, подкрадываются, звеня зубами-пилами, сверкая глазами-иголками.

Вечер. Смеркалось. Мягкая мгла широкой тенью застилала комнату. И лишь зеркало тускло мерцало светом умирающего дня. Я не люблю смотреть в зеркало. Зачем мне лишнее напоминание о моей неприглядной старости и замаскированной под аскетизм нищете?

Но сейчас я с ужасом вглядывалась в гаснущий полумрак зеркала, не в силах зажечь свечу. Неужто это я? Неужто этот седой полутруп – я? Не может быть, чтобы эти глубокие морщины, эта желтая обвисшая кожа на шее были моими! Свет, здесь мало света!

— Свет!

Тонкий и пронзительный визг, неожиданный и страшный. Свеча разогнала сумрак. Я вновь пристально всматриваюсь в свое отражение. Глаза, большие и черные. Живые человеческие глаза. Да, это мои глаза. А остальное не мое. Эти кустистые брови, этот крючковатый нос, этот рот, весь в брезгливых морщинах, эта желтая кожа – они не мои. Нет, не мои.

Я провела по лицу рукой, пытаясь отвести наваждение, но оно не исчезло. И тогда пришло отчаяние. Оно белое, это отчаяние. Цвета желто-белой дряблой кожи, прикрывающей ослепительную и ужасную маску смерти.

— Бабушка, ты почему кричала?

В зеркале появилась девочка. Эти большие и глупые в своей невинности глаза вопрошали.

— Ты всегда была такой старой, да?

Там, в шкафу должно быть мое девичье платье, легкое белое ситцевое платье. Чрево шкафа обдало старой густой пылью. В глубокой нише, на фоне рассохшегося дерева, висело одно-единственное платье. Маленькое и узенькое, оно разбудило сонм воспоминаний, на мгновение вернувших мне молодость. Я смотрела, точно завороженная, не в силах шевельнуться. Нечто подобное, должно быть, ощущает змея, глядя на свою сброшенную кожу. Я закрыла дверцу шкафа, чувствуя, что закрываю ее навсегда. Дверца легонько скрипнула, разрушив шаткий мостик, ведший в мир моей юности.

— Можно я возьму этот флакончик?

— Можно.

Девочка схватила с трюмо маленький хрустальный флакончик и зажала в кулачке.

— И этого оловянного солдатика, — она протянула немытую ручонку.

— Не смей!

На ее лице появилось плаксивое выражение. Она обиженно засопела, а потом вдруг спросила:

— А кто это на фотографии?

Предчувствие ужасной беды навалилось на меня, не давая дышать.

— Мой сын,— прошептала я.

— А моя мама говорит, что у вас никогда не было сына, и еще она говорит, что многое бы дала, чтобы узнать, кто это.

— Вон отсюда! Вон!

И тут я услыхала звук пронзительный и тонкий, впивающийся в душу и раздирающий нервы. Быстрее к двери! Быстрее вниз, вниз!

Первый лестничный марш я преодолела быстро. Второй, скорее!.. Звук угрожающе усилился, он был осязаемый, я его даже не слышала, а чувствовала всем своим существом. Я споткнулась и упала, перила больно ударили в ребра. Трудно дышать... Еще немного... И я увидела их.

— Ты что, бабушка?..

— Это... это дерево посадил мой сын!

Кто-то тихонько присвистнул. Все молча удалились. Слезы текли по моим щекам. Я с трудом подошла к дереву. Что это? Кровь! Это кровь моего сына! Я прикоснулась к шершавой и теплой коре. Белые ветви вздрогнули! Это не снег, оно в цвету! Оно всегда будет в цвету, пока я жива!

Собаки

Щенки Маруш родились в лютую зимнюю стужу.

Было что-то почти человеческое в том, как она ткнулась в плотную щель между обледенелым косяком и дверью. Дверь не поддалась. Маруш потянула воздух, чистый, морозный, но все-таки чуть более теплый, чем тот, что за углом дома, где нещадно задувало, где даже снег не удерживался на мерзлой земле. Она чуяла мальчика, прижавшегося к двери. Мальчик был с той стороны, где уютно потрескивала старыми досками и сухим кизяком жестяная печка, где на стенах лежали теплые красные блики, где пахло близким хлевом и овчинными полушубками, где в воздухе была разлита нега, а по стеклу оконному, сочащемуся бледным серым светом, крупными прозрачными слезами катился стынущий пар. Была бы воля мальчика, он распахнул бы эту обитую войлоком дверь и вместе с седыми морозными струями впустил Маруш. Сухой колючий снег от жара печурки растопился бы в густой шерсти собаки, свалявшейся в колтуны, с застрявшим в ней еще с осени репейником, и к прочим запахам примешался бы крепкий родной запах мокрой псины. Но отец не позволял: негоже, мол, собаке ночевать с хозяевами, пускай дом охраняет. И мальчику дом их стал казаться маленькой точкой, затерянной среди пустынных гор и белого снежного неба, крошечным бледным огоньком в необитаемой белой пустыне. Не было там никого. Только сухой стебель чертополоха гнулся к обледенелой земле и почему-то не ломался, да змеилась, завиваясь в кольца, поземка. Там осталась только Маруш.

Весной, когда у всякой дикой твари начинался гон и сезон охоты, тело Маруш было глухо к могучему зову природы. Оно было немо, как бесплодная скала среди зеленеющих склонов. И только поздней хмурой осенью живущее в непостижимом ритме тело ее просыпалось:

Маруш делалась беспокойной и, когда подходил срок, трусила, ведомая непреодолимой силой, к соседнему подворью.

Гело, хозяином которого был Або, огромный, серый с тигровинами, почти всю свою жизнь просидел в конуре, выставив из квадратной полутьмы морду, всю испещренную шрамами – следами прежних жестоких битв. На теле у него, наверное, тоже были шрамы, но они не были видны под косматой шерстью. Он тоскливыми собачьими глазами смотрел в беспредельную синюю даль, выходил из своей конуры редко, а когда к дому неуверенно приближался незнакомец, он, звеня цепью, взлаивал как-то редко, словно через раз, и щерился, показывая желтые стершиеся клыки. Бессильный голос его замирал шагах в десяти, и ему не вторило эхо. То ли дело, когда громыхало ружье его хозяина – эхо, точно хлопанье крыльев вспугнутой птицы, плутало среди диких скал, возвращалось и вновь удалялось. Еще Гело выходил из своей конуры, когда в его некогда эмалированную, а теперь облупленную миску, прохудившуюся на самом дне, наливали чуть теплую похлебку, сваренную на муке пшеничной вперемешку с ячменной. Гело быстро съедал то, что было в миске, вылизывал прохудившееся дно, опрокидывал миску и пытался слизать с земли ту малость, что успела вытечь из крохотной дырки. Иногда к нему прибегала Маруш, тогда он тоже вылезал из конуры, всматривался, радостно повизгивая, в пеструю, быстро увеличивавшуюся точку. Маруш он чуял издалека. Она подбегала к частой изгороди, пролезала под ней и оказывалась рядом с Гело. Тут-то и происходило недолгое и неистовое неприкрытое собачье бесстыдство.

Маруш должна была щениться ночью. Ветер усилился. Она все еще сидела у запертой двери, тихонько поскуливая. Дверь была некрашеной, темной, с низкой притолокой, точно ставил ее под свой рост пигмей. Там, где должна была быть дверная ручка, на двух звеньях цепи висело ржавое, покрытое изморозью кольцо. Место это на двери, захватанное тысячью грязных, немы-

тых рук, выделялось огромным черным сальным пятном, а ниже проходили глубокие и светлые борозды от собачьих когтей. Маруш весь день отказывалась от еды, ей сейчас нужно было только тепло, но дверь оставалась немой и глухой к бессловесной собачьей жалобе. В воздухе параллельно земле летела колкая снежная крупа, точно на близком белесом небе пилили ледяные бревна. Начиналась метель. Наконец какой-то полузабытый древний волчий инстинкт заставил Маруш подняться и бежать от человеческого жилья навстречу метели, навстречу гаснущей белой полумгле.

Это был старый пустующий хлев. Ветер сюда не проникал. Почти стемнело. Маруш двинулась вдоль выщербленной стены, минуя старые разбитые ясли, дырявые ржавые корыта, уткнулась в холодный бетонный угол. Повернулась, побежала назад – под лапами зашуршал старый, высохший, спрессованный тяжелыми копытами навоз. Здесь было тепло и уютно. Маруш начала рыть. Навоз под натиском крепких когтей рассыпался. Наконец показалась земля. Она легла в вырытую яму и стала ждать.

Ветер набрал мощь. С неживой слепой яростью он полировал мертвые ледяные склоны гор, срывался в долину, с какой-то особой злобой бился в каменную стену старого хлева, громыхал на его крыше рваной жестью и протяжно, обиженно стонал, запутавшись в оборванных проводах. Вдруг в вой ветра вплелось звучание новое, точно тонкая серебряная струна зазвенела в его объятиях. Первый щенок родился. Он не слышал, как громыхает ржавое железо на чердаке, не видел, как растет за стеной сугроб. Он был еще глух и слеп. Для него существовала пока только его старая мать. Он чувствовал только ее горячие сморщенные живительные сосцы и язык, влажный и шершавый.

Маруш поднял на ноги голод. В черное обширное нутро ее логова проник яркий, полный жизни луч, и вместе с ним явился голод, острый и беспощадный.

Небо было высоким, синим и холодным. Где-то в недосягаемой высоте угадывались облачка, редкие, легкие как перышки. Дали были голубыми и широкими, и даже горы, сиявшие бледным огнем, не могли заполнить бесконечного пространства. Слышно и видно было далеко. От человеческого жилья поднимались толстые белые столбы дыма. Было безветренно, но безупречное собачье чутье выхватывало из морозного воздуха еле слышные запахи свежевычищенного хлева, парного молока и только что испеченного лаваша. Голод подтолкнул собаку, и она затрусила навстречу запахам.

Маруш чуяла неладное. Слепящая снежная гладь была порушена. Следы, глубокие, тяжелые, пахнущие кирзой и теплым навозом, с застрявшей в них темной, словно бы нечистой тенью вели к старому хлеву. Но и самый сумрак его, казалось, был потревожен чьим-то недавним кратковременным присутствием. Тишина наводнялась не таким многоголосым, как раньше, бессильным младенческим стоном, и даже движение в теплом сумрачном углу казалось не таким густым, как прежде.

Маруш чувствовала, что произошло что-то, она обнюхала щенков. Пахли они не так. Здесь был хозяин. Они пахли хозяином и дымом вонючей сигареты. Наконец сочетание знакомых запахов успокоило ее. Она улеглась, и щенки замолчали, насыщаясь.

Ах, Маруш! Хорошо, что ты не стала свидетелем человеческой предусмотрительности и брезгливой неразборчивости. Хорошо, что в твоих темных глазах не отразился огонек куцего окурка, воткнутого в середину изборожденного морщинами землистого лица. Хорошо, что ты не видела, как заскорузлая сила с толстыми ногтями и загнанной под эти ногти на невероятную глубину грязью подносила твоих щенков к изучающе разгорающемуся окурку, к морщинам, которые начинали шевелиться, приводимые в движение мыслями медлительными и тяжелыми. А толстые обветренные

губы облекали их в слова, понятные только такой же заскорузлой душе, и огонек сигареты начинал плясать во тьме. Губы все шептали и шептали о том, что столько собак в доме не нужно, что нужно оставить лишь самых больших и крепких, потому что молока у матери на всех не хватит, да и все это – едоки в будущем, а чем их меньше, тем лучше... Щенки твои летели в холодное жестяное ведро с водой, только что зачерпнутой из речки, стон их гас в ледяной воде, тельца содрогались, отдавая ей жизнь, и окурок, разбрасывая искры, тоже отправился в ведро, возмущенно и коротко зашипев. Вода же, чуть теплая, прозрачная, выплеснута стыть в сугроб за старым хлевом, и тельца щенков твоих к вечеру растащат лисы и одичалые кошки.

Мир казался Арчо только черным и белым. Казалось, все на свете соткано из света и тени. Тень была холодной на ощупь и рождалась от непреодолимого, замкнутого и мертвого, а свет был теплым, живым и струился из дали, влекущей и бесконечной. Именно оттуда, где было большое, светлое до ослепительной яркости пятно, появлялась мать. Пахло от нее теплом и молоком. С ней приходило ощущение силы, уверенности и защищенности. Но так было недолго. То ли младенческая память Арчо не могла удержать однообразной бесконечности зимних дней и ночей, то ли действительно зима кончилась скоро, но мир распахнулся вдруг, огромный и радостный, светлый и бездонный. Все вокруг оттаивало, начинало дымиться, пригретое солнцем, и вместе с тем источать запахи разнообразные и яркие. А мир был вовсе не черный и не слепяще белый. Он был мягкий, ласковый, искрящийся в талой воде, веселый и смеющийся. Казалось, его братья чувствовали то же, что и он. И они радовались вместе, проводя время в бесконечных щенячьих играх. С каждым новым днем мир загорался все более яркими и разнообразными красками, и впервые мать, жмурившаяся от яркого света, истощенная, с выпавшей на тощих ребрах

от весенней линьки шерстью, со сморщенными пустыми сосцами, болтающимися безобразно от каждого движения, показалась Арчо жалкой и старой. Она больше не помахивала благодушно хвостом, когда Арчо пытался ткнуться в сухие сосцы, рычала, обнажая стертые желтые клыки, и дыхание ее было тяжелым, зловонным.

В жизнь Арчо теперь уверенно входил человек, предлагая ему, как и всем тысячам собак до того, еле теплую мучную похлебку. Арчо ее принимал безоговорочно, не ропща и не раздумывая. Он безраздельно отдавался скудной человеческой ласке и возвращал ее сторицей. А могло бы все быть иначе, когда человек, повстречав собаку, не дикую и не ручную, поднял бы камень и, выбив ребро в ее боку, заставил бы бежать прочь от своего жилища. Думается, так лучше было бы для обоих. И тогда, встречая человека, собака бы пряталась, как и всякий зверь, полыхнув, исчезая в траве, зеленым огнем пары ненавидящих глаз. И вольная и гордая жизнь парии оборвалась бы между горами и бесконечным голубым небом, а не у человеческого порога, на цепи, близ смрадного темного лаза в конуру. Прости, Арчо, что в похлебку твою пресную я роняю слезу тяжелую и, как отрава, горькую, прости...

Более всего Арчо привязался к мальчику. Утром рано, когда рассвет еще только брезжил, Арчо сидел у невысокой темной двери и поджидал его. Наконец дверь открывалась, выпустив из дома мальчика с толикой сонного человеческого тепла, которое тут же исчезало, как облачко пара, в холодном утреннем воздухе. После короткого, но бурного приветствия они двигались вместе к хлеву, где скотина, уже почуяв человека, призывно мычала и била копытом в деревянные перегородки. Арчо любил утреннюю суматоху хлева. Ему нравился лязг ведра под коровьим выменем, нравился звон тонких струй об эмалированную поверхность, нравился даже скрежет о бетон лопаты, сгребающей навоз. Нравился Арчо и дух хлева, в котором были понамешаны

запахи терпкого и свежего навоза, сена и соломы, ароматы парного молока и летнего холодного горного утра. Вместе с мальчиком он гнал скот на водопой к речке, ждал, вслушиваясь в журчание воды, когда коровы напьются, а потом гнал с мальчиком маленькое стадо наверх, где первые розовые лучи уже касались каменистых вершин. Они все поднимались и поднимались, солнце их встречало теплом и негой, сверкавшая в траве роса быстро испарялась, воздух насыщался щебетом и стрекотом согревшейся живности, а внизу, во все еще густой тени, подернутой светлой туманной полудымкой, лежали хлев, дом, а дальше были видны сонные домики их деревеньки.

В полдень желтый и знойный, когда в траве унимались кузнечики и певчие пташки в небе, а скотина ложилась передохнуть в тень под скалою, мальчик разворачивал на горячем камне белое полотенце и делился с Арчо куском сыра, завернутого в тонкий лаваш. Арчо принимал свою долю благодарно, с достоинством, как равный. А кругом, кроме гор, никого и ничего не было. И казалось, что не горы это были вовсе, а какая-то ужасная неодушевленная сила, пытавшаяся достичь земной тверди высокого неба. Но даже ей задача эта была не по силам, и она застыла в изнеможении в прекрасном порыве, на полпути к холодной синеве, покрытая каменным потом. И когда на нее падали с неба быстро бегущие тени, чудилось, что по напряженному лику земли ходят могучие желваки. Наверное, именно от близости этой чудовищной неживой силы души мальчика и собаки тянулись друг к другу с особой настойчивостью и жадностью, алкая общения и находя его.

Вечер подкрадывался тихий и нежный. Синева неба меркла, насыщаясь предзакатным золотом. Стадо, лениво мычащее, сытое, спускалось во мрак долины, и вскоре там, где было солнце, оставались лишь тени, вязкие и черные. Еще один день кончался, ласковый и безмятежный, чтобы завтра повториться снова. А лето тянулось долгое, и, казалось, конца ему не будет.

Лето кончилось внезапно. В зарядивших дождях, в собранных под навесы стогах сена, в холодных до дрожи ночах чувствовалось дыхание осени. Единственную грунтовую дорогу, казалось, безнадежно размыло, но именно по ней, расплескав по обочинам жидкую грязь, в деревню въехал серый от налипшей грязи "запорожец". Он протарахтел по короткой улице и остановился на отшибе деревни, у дома, в котором жил с семьей Або. Он принял гостей радушно, их было трое: два молодых парня и бородатый мужик. Из багажника они достали и внесли в дом объемистые рюкзаки и зачехленные ружья. Охотники, стало быть. А на цепи надрывался, против обыкновения, Гело. Або зарезал барана, и за мутно-желтыми окнами началась самая обыкновенная, заурядней шая попойка, ничем не примечательная, разве что только тем, что кончилась она плохо.

Тот, бородатый, хвастуном, наверное, был или тщеславным не в меру. Рассказывая о своих охотничьих подвигах, врал безбожно. Фантазия его, пьяная, воспаленная, снабжала истории, произошедшие, наверное, и не с ним даже, подробностями совершенно невероятными. Ну и Або злился. Это отец мальчика потом рассказывал. Бородатый, видимо, чувствовал, что Або злится, и привирал пуще прежнего: мол, лет эдак пять назад в здешних горах барса убил. Убил не как-нибудь там из ружья, а ножом в схватке с ним. Конечно, врал бородатый, не было здесь никогда барсов. Волки и те лет двадцать как перевелись. Последнего еще в колхозные времена пристрелили. Есть, конечно, дичь – зайцы, лисы, а барсов нет и не было никогда. Не смог Або стерпеть, как юнцы эти, что с бородатым были, рты поразевали. Ну и сказал ему, мол, врет он все, и с барсом ему не справиться, да где там с барсом, с псом его цепным и то не сладить. Бородатый от злости побагровел, глаза его от выпитого кровью налились. Веди, говорит, меня во двор к псу своему. Все перепугались, что случится что-нибудь ужасное, и принялись уговаривать и уламывать его, жена Або в крик ударилась, детьми за-

клинала, не надо, мол. А Або тоже уперся: говорит, проучить его надо.

Ночь казалась звездной, ясной, первый морозец лужи ледком затянул. Пьяная толпа, разгоряченная, вывалила во двор. Кто-то все еще увещевал обоих. Спросонья Гело лаял как-то совсем тихо и хрипло. Вспыхнул яркий, злобный свет от двух круглых фар. Это бородатый их включил, чтобы всем видно было. Або долго возился с ошейником – карабин на нем от старости заржавел. В руке бородатый держал нож, широкий, блестящий. Наконец Або снял с Гело ошейник, и мальчику в неверном свете показалось, что на том месте, где к шее прилегала жесткая, почерневшая от времени кожа, шерсть совершенно стерлась и шея Гело оттого была тонкой-тонкой. Тут отец заметил его. Мальчик спать не ложился, ждал его и, заслышав пьяную возню, выбежал из дома. Отец зол был, сказал, чтоб забирал щенка своего и ступал домой спать. Но мальчик спать не лег и стоял у двери и слушал, ведь окно выходило в другую сторону. Он слышал хриплый лай Гело, слышал, как Або его науськивал на бородатого. Потом все как-то возбужденно загалдели. Послышался треск раздираемой ткани и собачий визг. А еще позже – выстрел, короткий и хлесткий. И впервые за последние годы голос Гело достиг, смешавшись с ружейным грохотом, гор, самых тайных их уголков, и вернулся к людям протяжным стоном, гласом самой поруганной верности, отданной чужакам на потеху. Все равно бы он до утра не дожил, – это отец мальчику потом сказал...

Погода установилась ясная, холодная, звонкая. С восходом в лужах начинал потрескивать лед, чертополох и репейник зажигались алмазным огнем от тающей изморози, а в светлом небе утренняя, словно бы заснеженная, медленно растворялась луна.

Выходить мальчику не хотелось. Ему было холодно. Холодно от своей неустроенности, оттого, что каждый мог войти в его жизнь с ружьем, ножом или даже про-

сто с пачкой грязных и засаленных купюр, все в ней перевернуть и надо всем надругаться. Маруш выла за окном горестно и тяжко, низко и всепроникающе. Отец, обычно угрюмый, был сегодня ласковый и даже немного виноватый. Он говорил много, пытаясь заполнить пропасть, разверзшуюся между ними, и, когда слова его кончались, в темноте вновь звучал жуткий голос Маруш. Они оба прекрасно знали, отчего она воет. Но отец делал вид, что не понимал этого, будто не видел, что она сидит у пустой конуры, у ржавой, вмерзшей в землю цепи. Он говорил и говорил, точно чего-то боялся. Он говорил, что собака воет к беде, что десять лет назад их прежняя собака выла так же, как и эта. Жена его, мать мальчика, была больна тогда. А дед, ныне покойный, пошел пристрелить собаку. Но дрожала уже тогда рука его. Он стрелял, а собака все выла, выла, выла...

Умерла мать его. Даже врачи не знали от чего. Вот и теперь то же. Но, видимо, плохо зарубцевавшаяся, кровоточащая совесть все-таки была в нем сильнее предрассудков. Он сидел, протянув руки к печке, не глядя на сына, и, когда вновь начинал говорить, окурок плясал в его губах. Морщины на лбу его то разглаживались, то вновь собирались в глубокие складки от ходивших под ним мыслей. А он все говорил и говорил что-то бессвязное, стараясь то ли затушить свои мысли, то ли обмануть самого себя. Он повторял, что боится, как бы собака не накликала на дом беду. Но он обманывал себя и знал это. Беда уже пришла. Она уже давно сидела у горячей печки, протягивала свои костлявые руки к огню и не могла согреться. Она пришла к ним вместе с тем бородатым, уверенным и грубым, предложившим за щенка деньги. И отец отказать не смог. Мальчик презирал его, презирал тот алчный огонь в его глазах, который затмил даже злой блеск ножа, что вертел в руке бородатый. Отец продал Арчо. Продал, ведь за те деньги, что бородатый давал, годовалую телку купить можно было...

Все золото мира

Дорога осталась где-то справа. Он все бежал, прокладывая себе путь в густой перезрелой пшенице. Из саднивших легких бурлящей струей вырывался воздух. Пот стекал из-под пыльной каски и широкой пеленой застилал глаза. А он все бежал и бежал под чужим, сизым от зноя небом. Каждый шаг отдавался острой резью в боку, он спотыкался, падал, поднимался, весь обсыпанный тяжелым зерном, и снова бежал.

Пулемет ударил скупой очередью уже совсем рядом. Холодный металл разорвал визжащим ужасом душу. «Это в меня, в меня!..» Он рухнул в желтую спасительную бездну. Мозг отчаянно пульсировал в раскалывающемся черепе, сердце лихорадочно гнало вязкую кровь в изнемогавшие мышцы, а из сведенного судорогой горла, точно живая, толчками текла грязная слизь. По барабанным перепонкам еще раз коротко ударила частая дробь, и звенящим серебром воцарилась тишина.

Небо наливалось свинцовой тяжестью. Безбрежный пшеничный океан с неясным шорохом осыпающегося в бездну песка катил свои золотые волны к рифам полуразрушенной стены. Он шел вдоль крошащейся ограды, пристально всматриваясь в ее ветхость, выступавшую бурым мхом на шершавом камне. Сама вечность выткала прихотливую паутину трещин и натянула ее на камень тончайшей вуалью.

Он прошел под крошащейся аркой и оказался перед древним старцем. Беловолосый и весь в белом, старик смотрел строгими черными глазами, отражавшими желтым светом каждый колос и каждое зерно. Руки, сжимавшие высокий посох, манящим жестом позвали его идти за ним. Он шел среди разбитых временем надгробий, ощущая шероховатое тепло затейливых узоров,

и вглядывался в резкие, заполненные золотом пшеницы чужие письмена.

Тяжелая глыба дома разрушалась. Он слышал, как трескался камень, как в мертвое безмолвие из трещин сыпался песок. Он отворил дверь с горячим ржавым кольцом, ввинченным в почерневший от времени дуб, и вошел в душный сумрак. Он долго шел в сумерках, стараясь не отставать от белой ускользающей тени.

Яркий желтый свет залил огромный зал. Каждый шаг далекие своды рассыпали частой барабанной дробью. Грозные доспехи, висевшие меж тяжелых шкафов, отзывались звенящей сталью. Шкафы были забиты всеми сокровищами мира. Серебро и золото отсвечивало тускло, словно из трюма затонувшего галеона, спиральные чрева редких раковин наполняли воздух дыханием спрутов. Чудесные дары тропических островов, скрытых под зеленой пеной вечного леса и вечной пеной белого прибоя, желтые клыки слонов и мамонтов, алмазы и бриллианты – все сокровища ограбленных миров открылись его вожделеющему взору. Алчность кровавым туманом окутала зал, и тут с грохотом и визгом рухнули с осыпающихся стен доспехи, с иссохших полок нескончаемым тяжелым потоком устремилось вниз неоцененное богатство, разбиваясь в стеклянную пыль и глиняные черепки. Старик проклинал и бесновался, взбивая посохом пыль. «Я не хотел!» — поднялось из глубины сознания к рассыпавшимся сводам и звонкой слезой, драгоценней всех сокровищ мира, сорвалось в клубившуюся пыль.

...Пулемет все бил короткими очередями, барабаня по каске срезанной пшеницей. «Сейчас, сейчас!» — исторгал раскаленный мозг. Он вскочил и ринулся в свою последнюю атаку, всей грудью хватая долгожданную смерть. Он умер с улыбкой, запекшейся на перекошенных губах, с блаженством приняв тяжесть рухнувшего надгробья.

Наваждение

Точно призрак отшумевшей осени, на ночном стекле появился палый лист, и алмазным огнем его поджег мороз. Ледяной, лишенный живой силы свет проникал в комнату, не освещая, но заставляя все тускло мерцать, и лишь пылинки в этом серебристом сиянии обозначались явственно, они жили своей непостижимой мертвенной жизнью. Вдруг они вздрогнули и засверкали ярче, часы гулко известили о наступлении полночи, и вместе с новыми сутками в полумраке родилось еще нечто такое, от чего мраморный лик луны стал еще более отрешенным и далеким. Эхо долго плутало среди темных стен и громоздкой мебели, путалось в недвижных портьерах, тугой волной отражалось от одного предмета и спешно устремлялось к другому. Смешавшись с лунным светом, оно медленно оседало в сумраке, и лишь неимоверно напряженный слух еще мог уловить его отзвук.

Я был погружен в мир вещей, моя власть над которыми когда-то была безраздельной. Я был некогда здесь всему мерилом и точкою отсчета. Теперь же все хранило царственную печать небытия и казалось перемещенным в иную систему координат. Хрустальные, точно высеченные изо льда пепельницы слали к далеким стенам еле заметные блики и были безукоризненно прозрачны. Тусклые эбонитовые трубки выстроились в строгий ряд, утратив навсегда аромат крепкого яванского табака. Бронзовые, хорошо начищенные подсвечники и канделябры давно уже не хранили тепла моих рук. С тяжелого письменного прибора стерлись отпечатки моих пальцев. Все было остывшим и потухшим, как давнее воспоминание, покрыто изморозью и, казалось, не поддается тлену только потому, что кто-то еще отчаянно хранит память обо мне.

Моему взору рисовался образ человеческого существа, которое во всех этих предметах старалось поддержать дух моего присутствия. Но я не смел более считать эти вещи своими. Все в этом доме приобрело тяжесть мраморной плиты и в то же время было эфемерно. Мне грезилась женщина – уже не молодая, но еще прекрасная, мне чудился стук живого человеческого сердца, я чувствовал беспредельную муку, и в сумерках шевельнулось что-то похожее на нежность.

Я проходил сквозь снопы лунного света, не возмущая спокойствия искрящейся в них пыли, не ускоряя бега времени, и мгновение таяло за мгновением с хрустальным звоном в полутьме. Мимо проплывали большие, не отражавшие ничего, кроме подслеповатого света, зеркала, бесстрастные лица в тяжеловесных рамах, объемистые стеклянные шкафы, забитые атрибутами давно минувшей жизни. Я стремился туда, где оставил все это при ярком солнечном свете.

Я стоял в спальне, внешне не нарушая ее молчаливого спокойствия. Но с моим появлением здесь все изменилось, напряглось и теперь источало смутную угрозу. Все, казалось, должно вот-вот взвыть протяжным нечеловеческим воем: и лишенная тени мебель, и лунные блики, дрожащие на белом покрывале; даже мой собственный портрет смотрел на меня из черной рамы с затаенным страхом. Я чувствовал, что та, другая половина постели холодна, как могильная яма, я видел, как белоснежное покрывало откидывается, как в темноту вперился потухший взор, как нежные черты искажаются все более. Во тьме блеснул ряд хищных зубов, и только когда минуло несколько долгих мгновений, я понял, что это крик ужаса.

Ольга Грушевская

Думаю, вся наша жизнь это бесконечный поиск счастья или хотя бы каких-то форм его проявления.

Думаю, человек по большей части слеп, а потому счастье у него всегда в прошедшем времени. Долгое время я считала, что лето и счастье – где-то там, далеко, там, где меня нет. Но я ошибалась.

Думаю, мы ищем счастье вовне, а оно внутри – прячется в нас самих. А еще думаю, счастье – это глагол 1-го лица в единственном числе, а потому оно у всех «авторско-индивидуальное».

Как-то утром, крутясь по дому в выходной, стремительно и радостно вычеркивая в голове намеченные к исполнению пункты, я внезапно остановилась. Что заставило меня это сделать, не знаю. Может быть, на секунду упало внутреннее напряжение, может, просто прошла мимо и глянула в окно, а может, эта минута поджидала меня всю жизнь и наконец-то застала. Врасплох. Но я остановилась. И подошла к окну: там, в заоконном мире размеренно падал снег, покрывая машины, деревья, ворон, людей, мысли, чувства, смех... Было так тихо! Я стояла долго, завороженная, и чувствовала себя частью всего этого... Так я поймала счастье за ниточку – мы наконец оказались с ним в одном времени.

Родилась и живу в Москве. Окончила Московский государственный педагогический университет (МГПУ) им. В. И. Ленина, факультет английского языка; Московский гуманитарный университет (МосГу), факультет психологии и социологии. Печатаюсь в российских периодических изданиях, литературных альманахах, сборниках московской прозы. Ряд произведений опубликован за рубежом (Израиль, США, Австралия, Армения). В 2008-2011 гг. возглавляла редакционную и судейскую коллегии МСП «Новый Современник». Руководитель проекта «Московский Салон Литераторов» (МОССАЛИТ).

Дракон,
поиски счастья
(*главы из повести*) [4]

Вступление

книги

Дракон лежал на блекло-красном диване на Большой Террасе, прикрыв линялым пледом сложенные вдоль тела оливковые кожистые крылья и чешуйчатый хвост.

Диван был старым. Под тяжелым Драконом он сильно провисал, то тут, то там демонстрируя расползшиеся нитки и обнажившиеся пружины.

Диван был внушительных размеров. Однако для большого драконьего тела – тела с шипами и игольчатым гребнем – все равно был непомерно мал.

К тому же Дракон был завален множеством книг.

Книги были разные: и старые, и новые, с картинками и без, в старых шершавых переплетах и в новых глянцевых. Книги были повсюду: в шкафах, на полках и подоконниках, на диване и под диваном, у изголовья, под подушкой, в ногах.

Книги были о разном: внизу, под всеми остальными, лежали разноцветные детские книжки с крупными буквами. Их прикрывали многочисленные томики стихов. Выше пылились нравоучительные трактаты о любви и дружбе, о чести и преданности, о доблести, о войне и шпионах. Еще выше – толстенные книги по истории, физике и медицине. Поверх них - книги об археологии и искусстве. Потом – воспоминания знаменитых людей, потом – об исследованиях космоса, НЛО, потом - о сверхъестественных способностях всего сущего и всевозможные травники. На самом верху лежало Святое Писа-

---

[4] *Редакция 2015 г.*

ние и книги по религии и философии. А уж совсем-совсем сверху... глянцевые журналы о всякой ерунде, изобилующие модными черно-белыми фотографиями.

Книжные пирамиды были покрыты толстыми слоями пыли, словно их не трогали уже целую вечность, и то было правдой.

Правдой было и то, что Дракон давно ничего не читал – он бросил это занятие, потратив на него долгие годы жизни и кропотливого труда.

Нет, конечно, годы не прошли даром: из книг Дракон много узнал для себя неведомого, а кроме прочего, книги многое разъяснили из того, с чем ему довелось встретиться на своем вековом пути. Дракон был умным, информированным, начитанным, мог даже к месту ввернуть какой-нибудь афоризм Лао-цзы, или сослаться на кого-нибудь из великих, или на худой конец мог снисходительно улыбнуться: «Знаем-знаем... и знаем еще больше!» Дракон мог даже и сам что-то срифмовать, или изложить что-то умное на бумаге, или изобразить на холсте кистью, или набросать карандашом. Но больше всего ему все-таки нравилось высказывать свое мнение, свои исключительные взгляды, а Дракон имел во всех, абсолютно во всех областях знаний свои взгляды, и не мудрено: столько всего прочитано, столько пережито за долгую-долгую жизнь!

И все-таки Дракон чувствовал глубокое разочарование. Во-первых, не было ни одной книги, ни одного журнала, ни одного тома, после прочтения которого, он не воскликнул бы: «Я так и знал!», а во-вторых, нигде, совершенно нигде он так и не получил ответа на свой вопрос.

Но... это было давно.

Теперь же Дракон забросил все книги, перестал участвовать в спорах и отстаивать свое исключительное мнение. Он вообще замолчал и стал медленно отпускать мысли на волю, словно воздух из воздушного шарика.

Да, теперь он молчал и больше не чувствовал того обмана, той злой шутки, которую сыграла с ним жизнь.

ДОЖДЬ

Дракон лежал на старом диване уже очень давно.

Он не читал, не ел и не пил, он даже не думал. Дракон вообще ничего больше не делал – теперь это все не имело никакого смысла.

Иногда он погружался в приятную дремоту, уносившую в те места, где он никогда не бывал, где его встречали незнакомые дети и в запотевших стаканах предлагали холодную воду. Потом Дракон вновь пробуждался и тогда слушал шум дождя за окнами террасы. Не моргая, смотрел, как с потолка из прохудившейся крыши серебрятся струи воды и льются прямо на книжные шкафы, на круглый обеденный стол, на плетеные кресла, на пол, медленно наполняя террасу водой.

Дракон слышал, как капли монотонно стучат по каминным щипцам, старым часам с остановившимися стрелками, чайным ложкам и уже переполненным водой чайным чашкам в голубой цветочек, по насквозь промокшей скатерти, по фаянсовой корзинке с большой красной розой на боку, в которой размякло печенье, оставшееся после полуденного чаепития – чаепития из глубокого детства.

Вода доходила уже до середины высоких диванных ножек, и в ней отражалось длинное морщинистое лицо Дракона. Время от времени Дракон прищуривался и устремлял свой безразличный взгляд на темную поверхность воды. Там тихо покачивались пожелтевший лист бумаги, похожий на старую путевую карту, и развернутый на случайном месте учебник с потрепанными страницами. Дракон знал, что рано или поздно и листок, и старая книга, намокнув, уйдут под воду и о них навсегда забудут, но даже этот факт его уже не беспокоил.

В какую-то минуту Дракон вздохнул и голова его качнулась, а уже в следующее мгновение он как-то странно выгнул длинную шею, и рядом с большой го-

ловой образовались еще две – точно такие же, только чуть поменьше и помоложе, покрытые маленькими серебряными чешуйками, среди которых виднелось множество мелких шрамов. Одна голова вынырнула из-под линялого пледа, а другая лениво приподнялась с комкастой подушки. Они вяло перекинулись невнятными приветствиями, потянули затекшие шеи и точно так же, как Старшая Голова, задумчиво уставились на бесконечные дождевые потоки.

— Неправильно, эх, как все неправильно, — прошептала Старшая Голова, думая о прошлых временах, когда все было по-другому. — И ведь никому нет дела.

— Нет, — тихо согласилась Младшая Голова, — никому. Все словно с ума посходили.

— Ни-ко-му, — отозвалась эхом Средняя, думая совсем о другом.

три головы

На самом деле Дракон был женского пола, поэтому скорее его можно было назвать Драконихой или Драконшей, и питался он овощами и мужскими душами.

Печальный Дракон с тремя головами имел и еще одно удивительное свойство, отличавшее его от других драконов и им подобных тварей. Уже долгие-долгие годы головы этого Дракона менялись из поколения в поколение: умирали и на их месте вырастали новые, подобно многолетним цветам на парковой клумбе, а тело, большое и чешуйчатое, оставалось одним и тем же, старело, конечно, но, говорят, драконам это только на пользу.

А поскольку Дракон был не Драконом, а Драконихой, то и головы у него росли все больше женские, симпатичные и кокетливые. Иногда, правда, выскакивали и мужские, но редко, и приходилось им тогда, прямо скажем, не сладко. Женские головы посматривали на них с недоверием, а иногда и с насмешкой: мол, ничего вы нам нового не скажете, а если и скаже-

те, то все равно ошибетесь. Мужским головам было трудно, ведь им в одиночку приходилось отстаивать свою состоятельность и право на независимость, поэтому они были по большей части агрессивными, часто грубили, много курили и смотрели нагловато-насмешливо, ощущая в горле подступающий комок бессильного отчаяния.

Да, у Дракона было три Головы – на этом этапе жизни.

Трехголовый Дракон, у которого Старшая Голова была матерью, а две помладше – две ее дочери, представлял собой три разные жизни. Но ни разница в возрасте, ни разный образ жизни долгое время не мешали этим Головам жить на одном теле дружно и весело, время от времени слегка покусывая друг друга и пощипывая, как это, впрочем, и принято во всем драконьем племени. Да, долгое время они гордились тем, что у них одно вековое, могучее, красивое и крепкое тело – одно на троих.

Но время шло, и Головы становились старше. Они все чаще и чаще досадливо вздыхали и спорили, сначала азартно, а потом просто раздраженно, и тогда, извергая серые клубочки дыма, они кусали друг друга все сильнее и сильнее, и раны их заживали все дольше и дольше. Но потом они, конечно, успокаивались и понимали, что делать нечего – ведь тело-то у них одно, и никуда не деться – надо жить вместе, и тогда делали вид, что ничего не случилось, мирились, смеялись, а две передние лапы с длинными загнутыми желтыми когтями поднимались и старались погладить и успокоить каждую из Голов.

Тело Дракона было умнее его Голов.

И так было всегда.

Но время неминуемо шло вперед, и Головы, чуть прикрыв длинными ресницами большие серые глаза, все чаще задумывались над тем, а все-таки...

...а нужно ли им все-таки это большое и, если честно сказать, нескладное, бугристое тело, одно на троих,

наличие которого хоть и имело свои практические преимущества по принципу «вместе мы – сила», но в тоже время требовало соблюдения строгих правил сосуществования.

Эх, как порой хотелось от него отделиться, заиметь где-нибудь по блату свои собственные неказистые крылышки, прикрепить их на скорую руку куда попало и улететь в синее небо, черт с ними, с хвостом и добрыми лапами.

Но отделиться от тела было нельзя.

Нет, нельзя было от него оторваться, не умерев или не оторвав себя от этого тела с кровью.

Глава 1. Семья, учебник, карта

Самой младшей Голове дракона исполнилось наконец шестнадцать лет. И тогда остальные Головы рассказали ей то, что она и так уже знала.

Как-то все складывалось не совсем так, как хотелось, как-то не по Семейному Учебнику.

Казалось, что каждый в их некогда большой Семье стал тянуть в свою сторону, периодически «залипая» на всевозможных идеях и считая эти идеи неоспоримо единственными и правильными. К сожалению, в Драконьей Семье все женщины страдали подобными ментальными изъянами, и долгие годы тщетно отдавались мужественной борьбе с окружающей несправедливостью, пытаясь перекроить мир под себя и свои убеждения. Вообще, если откровенно, Семья была непростая.

«А какие драконьи семьи простые?» — спросите вы и будете правы.

И вот, именно для того, чтобы жить в Драконьей Семье было легко и просто, предусмотрительные прабабушки завели учебник – Учебник-решебник, смахи-

вающий на семейную летопись, в котором все возникающие в Семье ситуации, на первый взгляд неразрешимые и запутанные, и все вопросы, от простейших до проблем повышенной сложности, давно имели ответы и в книжке были подробно разобраны. Главы в Учебнике так и назывались: «Все о наших женщинах» или «Все о чужих женщинах», «Все о наших детях» или «Все о наших мужчинах», или вот, например, такие главы: «Как бороться за наше счастье» или «Способы выхода из Семьи», ну и так далее.

Семейный Учебник, в синем кожаном переплете, стоял в книжном шкафу на самом видном месте и находился в открытом доступе. Он был достаточно толстым, имел тонкие страницы и мелкий шрифт. Однако все изложенные в нем ситуации можно было бы свести всего к двум-трем типичным рассказам.

Да-да! Достаточно было проглядеть Учебник «по диагонали», чтобы можно было легко обнаружить, что в нем приводилось всего несколько ситуаций, которые в Семье неизменно – из года в год, из поколения в поколение – повторялись, и в которых, несмотря на течение времени, условия в разделах «Дано» и «Найти» не менялись!

Надо отдать должное женщинам Драконьей Семьи: наработав за долгие годы типовые решения и ответы на изложенные в учебнике семейные ситуации, они передавали эти знания последующим поколениям с молоком матери – на генетическом уровне. Вот почему эти женщины и не заглядывали в раздел «Решение» – все ответы они давно уже знали. А поскольку ситуации были практически одни и те же, то и решались они одним и тем же драконьим способом.

Так все шли по кругу, по спирали, увеличивая и увеличивая радиус и размах возникающих проблем, не желая однажды отказаться от традиционных семейных решений и не задумываясь о том, что можно забросить Учебник куда подальше и найти что-нибудь новенькое.

Ну а кроме того, как известно, все драконьи семьи в природе что-нибудь хранили: кто изумруды с алмазами в горных ущельях; кто лунный свет августовской ночи (кстати, вещь совершенно ненужная, но чертовски завораживающая); кто всякие премудрости о травах и кореньях; а кто просто честь и доблесть своей семьи – вещи хоть и абстрактные, но очень приятного голубоватого цвета.

Наша же Семья хранила карту – карту особую, очень старую, с флажками и указателями, с дорожными знаками и чернильными пометками на полях.

«И что же это была за карта?» — спросите вы.

А я отвечу: на карте был указан путь к счастью, к семейному счастью. А поскольку семья была драконья, то и счастье тоже было драконье.

Да, определенно так: карта показывала, как добраться до драконьего счастья и стать счастливым в Драконьей Семье.

«Ничего себе! Повезло-то как!» — опять скажете вы и с сомнением покачаете головой.

Вот именно. Казалось бы.

Однако если бы вы взглянули на карту повнимательнее, то легко бы заметили, что путь на карте был указан один единственный, а само счастье имело четко определенную форму.

Говорят, в других драконьих семьях таких карт не было, а стало быть, и добирались все они до этого счастья, как могли – на ощупь. Да, впрочем, и счастье в разных драконьих семьях было свое, разное.

Наша же Семья не просто хранила фамильную карту счастья, но и передавала ее из поколения в поколение в глубокой тайне и по старшинству – обычно самой воинствующей и преданной делу семьи Драконьей Голове. Почему в тайне? Да потому что тайну должен был знать только один член Семьи – на то это и тайна, и тогда, ссылаясь на нее: «Поверьте мне, я точно знаю!», этот один мог повести за собой всех незнающих ко всеобщему счастью.

Вот и теперь это знание – как достичь счастья, единственного и определенного, хранила Голова Старшая, дама светская, «нестандартная», редкостной красоты и ума, яркая и многогранная, достойная преемница старшего поколения.

Старшей выпала доля не только хранить семейное знание о драконьем счастье, но и неукоснительно следить за тем, чтобы во имя всеобщего блага указанной дорогой следовали все новоявленные члены этой общины – от мала до велика.

Сомнения или какие-либо отклонения от намеченного курса вызывали со стороны Старшей сначала снисходительное увещевание, похожее на разговоры священника с заблудшими душами или психотерапевта с больными. Ежели эти средства не помогали, то в ход пускались иные: от принудительных мер – для подрастающего поколения, до манипуляций, чаще бессознательных, направленных на взращивание чувства вины. Последний – особо изощренный метод – предназначался для поколения среднего, а именно для дочерей и их мужей. Метод этот был особенно действенным, поскольку носил яркую эмоциональную окраску.

...Глава 6. Снова карта

Однажды вечером, когда все дети были уложены, полы подметены, а единственный еще сохранивший в Семье муж смотрел телевизор, поминутно щелкая пультом с программы на программу, две Головы, те, что помладше, посмотрели на Старшую и сказали:

— Ну хватит тянуть, показывай!

Старшая тут же кокетливо повела плечами и загадочно улыбнулась, однако действий никаких не предприняла

— Не притворяйся, что не слышишь, — тут же сказала Младшая.

— Не тяни, — нетерпеливо поддержала ее Средняя.

Старшая, выдержав паузу, многозначительно покачала головой и сказала:

— Наконец-то. Значит, интересно стало. Значит, повзрослели, поумнели. Значит, пришло время.

Дочери смотрели на нее выжидающе.

Старшая еще минут пять с напускным равнодушием пила чай, затем все-таки повернулась в пол-оборота к старому буфету с золотыми чашками, выдвинула ящик со скатертями и достала оттуда шкатулку с этническим орнаментом, а из нее – свернутый вчетверо листок пожелтевшей бумаги.

— Так ты все это время здесь его хранила? — изумилась Средняя, вспоминая о чердаке с привидениями и жалея об упущенной возможности.

— Здесь – не здесь, какая разница? Разве в этом дело? — начала приговаривать Старшая, деловито разворачивая лист на обеденном столе. — Да ты бы все равно не нашла – с детства никогда ничего найти не умела.

— Действительно, какая разница, — сказала Младшая, с интересом разглядывая разложенный лист бумаги.

Все три Драконьи Головы склонились над столом и долго-долго молча изучали то, что увидели. А увидели они наконец-то семейную Карту с указанием пути к драконьему счастью.

Стояли они так очень долго, может, час, может, два, а может, и всю ночь. Короче, так долго, что и не понятно было, то ли они еще разглядывают карту, то ли уже давно думают о своем: о мужчинах, например. А может, просто спят стоя, и так случалось – последнее время Головы сильно уставали. В конце концов, карта была такая старая, а изображение на ней – такое неясное, как в плохом телевизоре, что и заснуть было немудрено.

Тут пора спросить: а как же выглядела эта таинственная карта? Было ли там хоть что-то, что стоило разглядывать?

Откровенно?

Сложно сказать.

Карта представляла собой небольшой листок, довольно старый и замусоленный, по краям совсем потрепанный да с жирным пятном в левом верхнем углу. Вдоль всего листка шла толстая прямая линия, соединявшая две не то точки, не то кляксы: над одной было четко выведено «Старт», а над другой чуть размазано - «Финиш», очевидно, последняя и символизировала «Счастье». По всей прямой линии виднелось множество каких-то значков, галочек и крестиков, даже чернильных пометок, прочитать которые было практически невозможно - все они почти стерлись или выцвели. Еще на карте были приписки: «см. семейный учебник, гл...», «Мар... Иосифовна дом. тел. 143...13...», и какая-то детская каракуля, похожая на ежа со спины. Вот, собственно, и все.

Вот так просто, без прелюдий, как и все в этой жизни, наступил долгожданный момент – ожидаемый поворотный пункт: перед тремя Головами лежала Карта Счастья, и каждая из Голов видела на ней что-то свое.

Где-то на улице залаяла собака, три Головы вздрогнули... и начали переглядываться, словно и не было этой затянувшейся паузы.

— Ну? Что скажете? — гордо молвила Старшая. — Теперь-то вам стало понятно? Вы дорогу хоть видите?

Средняя откашлялась, что-то хотела сказать, но потом неопределенно поджала губы и вежливо промолчала. А вот Младшая тут же воскликнула:

— Да что тут смотреть-то, смотри – не смотри, дорога-то одна, и такая короткая!

— А я вам что говорила? — тут же радостно перебила ее Старшая. — Не хотите меня слушать, все хотите сами делать, все свой путь изобретаете – только время теряете! Ведь все уже давно за вас сделано!

— Странно как-то... — недоверчиво пробормотала Средняя, отходя в сторону и садясь в кресло нога на ногу.

— Что странно? — не поняла Старшая. — Ничего нет странного. Спроси – я все тебе объясню.

— А то странно, — Средняя закурила и продолжила, — что все у нас есть: и кошки, и собаки, и ежи, и белки, и дети, и внуки, и дома загородные, и квартиры в одном доме, и достаток, и друзья, и книги, и мужчины разные, и даже мужья были когда-то... И вот теперь даже карта есть, к счастью путь указывающая!

— И что? — поднялись Головы Старшей и Младшей. — Тебе чего-то не хватает?

— Да, — ответила Средняя, — чего-то не хватает. Счастья, может быть. А вам?

Головы нахмурились и промолчали.

— Значит, — продолжала Средняя, — не в белках и ежах дело, не в домах, и не в мужьях, а в чем-то еще...

— И в чем же? — спросила Старшая, и взгляд ее вдруг стал напряженным, словно она не хотела вовсе, чтобы Средняя отвечала.

— В нас самих, — улыбнулась Средняя.

— Может быть, — пожала плечами Младшая, — но без домов, ежей и мужей было бы хуже...

— Согласна! — радостно воскликнула Старшая, словно обрела почву под ногами.

Но Средняя не унималась – она с детства была упрямой:

— Да и потом, — она небрежно ткнула в карту указательным пальцем. — Тут вместо счастья – точка какая-то нарисована! Разве так счастье выглядит?

— А мне кажется, что это и не точка вовсе, — возразила ей Младшая Голова и чуть-чуть поддалась вперед. — Я бы сказала, что это просто обыкновенная клякса. Не счастье, а случайность какая-то бесформенная. Впрочем, в жизни так и бывает...

— Клякса?! — возмутилась Старшая. — Какая это вам клякса?

— Да нет, — постаралась успокоить ее Средняя. — Конечно же, это не клякса, наша младшенькая просто так свое счастье видит, а на самом деле это просто ок-

ружность... с небольшим радиусом, «Финиш» называется!

— Нет, клякса!

— Я сейчас вам точно скажу, что это, — со знанием дела отрезала Старшая, надела очки с одной дужкой, взяла лупу и нацелилась на объект, изображенный на карте под названием «Финиш». Она смотрела и прямо, и под разными углами, и даже свет попросила сделать поярче, а потом, сняв очки и спрятав лупу в чехол, заключила: — И не клякса это никакая, и не окружность вовсе, мои дорогие!

Сестры с нетерпением ждали ответа, а Старшая уверенно сказала:

— Это – квадрат!

Приподняв брови, сестры прыснули от смеха.

— Ну, это уж совсем искаженная реальность какая-то, — заметила Средняя. — Кто что хочет, тот то и видит! Так что ли получается?

— Да и сам путь какой-то странный, уж больно прямой, — засомневалась Младшая.

— Да уж, — согласилась Средняя. — Дорога к счастью прямой не бывает, тут хитрость какая-то...

— Можно, конечно, попробовать... не знаю... — пожала плечами Младшая и добавила: — Хотя, мне-то кажется, что я и сама теперь все знаю, и никакая карта мне лично не нужна.

— Все! Хватит, мои дорогие! — не выдержала Старшая и обиделась. — Раз так, разбирайтесь сами, без карты. А то потом опять скажете, что я во всем виновата. И счастье им не той формы, и путь им слишком прямой!

— Ну... — заметила Средняя, — прямой путь не самый короткий.

— Уж поверьте моему опыту: этот путь – самый короткий, короче не бывает! — воскликнула Старшая.

— Послушайте, — перебила Младшая, внимательно разглядывая разложенный на столе листок, — а кто во-

обще сказал, что «Финиш» – это «Счастье»? По-моему, «Финиш» означает совсем другое.

— Что-о-о? — изумилась Старшая. — Ну, это уж слишком! — И с этими словами она стала яростно сворачивать карту, очевидно, чтобы снова спрятать.

— Ну уж нет! — возразила Младшая Голова и быстро выхватила карту из рук Старшей. — Нам она еще пригодится. Есть предложение – сыграть!

— Как это? — опешила Старшая, а Средняя устало дернула плечами.

— А вот как, — Младшая неожиданно извлекла из кармана кубик и выбросила его на середину карты. — Вот так! У меня выпало «три». Хожу три шага.

Средняя тут же заинтересовалась, взяла три небольших кусочка сахара, быстро сделала на каждом отметину разноцветными фломастерами и положила в нижний угол листа.

— Это – фишки, — сказала она, указывая на сахар. — Ходи! — а потом добавила: — Дай-ка, я тоже попробую, — и бросила кубик. — Пять! — И Средняя гордо передвинула свой кусок сахара на пять ходов вперед.

— Ах так! — засмеялась Старшая – идея ей понравилась. — Вот посмотрим, что выпадет у меня, — и она как следует потрясла кубик в ладонях и выбросила: — Шесть! Во как! Видали? Ни у кого такого нет – я же самая счастливая! Я всегда говорила! И семья у меня была самая хорошая, и работа, и все правильные были – настоящие, принципиальные! Ну-ка, давайте-ка дальше!

— Четыре!

— Три!

— И у меня три!..

— А ты помнишь, когда это было? Я-то помню. Ведь я тебя предупреждала, зря ты меня не послушалась, вот видишь – всего три выпало! Я же сразу тогда поняла – ничего хорошего из твоей затеи не выйдет!

— Опять вспомнила! Тогда все на «шестерку» тянуло!

— Ты на карту-то посмотри повнимательнее, она врать не будет, — чистая «тройка», одни углы какие-то в цветочек, черт знает что!

— Ну и что? «Три» так «три»! Зато сколько эмоций, страстных ночей, цветов! А кто что о любви знает? Может, лучше год прожить в страстях, чем десять лет в однообразии?

— В покое и стабильности!

— В рутине! А потом, это не цветочки какие-то, а розы!

— Да-да, с шипами.

— Да перестаньте же спорить! Смотрите! У меня «четыре» – выпало! Видите?

— Помним-помним, правильно: ты тогда на работу хорошую вышла, кто ж спорит – молодец! На «четверочку»!

— А я думала тогда, что это... ну хотя бы... «пять», между прочим.

— Ну, не все сразу.

— А ну-ка, теперь я... Ах, смотрите – я ход пропускаю! Вот, теперь совсем от вас отстану!

— А мы тебе говорили – хватит за городом сидеть, совсем от жизни оторвешься – вот видишь, карта правду-то видит. Вон на карте, смотри, ведра какие-то, доски, лес, огород, собаки!

— Ведра с краской, доски! Это же дом наш загородный! А кто бы его ремонтировал, вы, что ли? Вам же все трали-вали, жизни не знаете! Для вас же старалась, дуры, для детей ваших!

— Да-а-а, а за городом время останавливается. Смотри, сколько ты ходов пропустила!

— Я-то не пропустила, я ничего не пропускаю! Я потом вас в один миг обгоню!

— Теперь моя очередь – шесть! Точно! Эх, все точно! Сын экзамены сдал, как сейчас помню! Я на седьмом небе была! Точная «шестерка»! Видите, видите?!

— А я все равно впереди, между прочим! Вы там где-то сзади застряли – одна за городом, другая в семейной рутине! Смотрите, не опоздайте, а то я первая приду к «Счастью»!

— Не обольщайся, дорогая, не к «Счастью», а к «Финишу».

— Не надо сориться, все рано или поздно к «Счастью» придут. Вот и я с места двинулась, да как быстро! Я предупреждала!

— И у меня шесть! Еще посмотрим, кто выиграет!

— С чего это у тебя шесть-то? Странно...

— Как это с чего? Не видишь? Я в лодке любви плыву, и все в моей жизни по-другому. Вон вода какая голубая...

— Да уж, где небо, где вода – не разберешь. Да и на «шестерку» это не тянуло...

— Сами говорите, что карта врать не будет, просто вы тогда не поняли!

— Да где уж нам...

— Ой, а у меня вдруг три шага назад! Как это? И яма какая-то нарисована, я словно в нее падаю...

— Ну да, ты, после смерти возлюбленного, словно из жизни выбыла – вот яма и получается.

— Смотрите, и у меня вдруг тоже темень наступила. Вот период-то...

— Вдруг – не вдруг, а мужчин рядом с нами тогда не стало.

— Почему же, а мой еще есть.

— Погодите-погодите, а это что такое мелкое нарисовано? Не чемоданчик ли?

— Да причем тут чемоданчик какой-то! Это не чемоданчик, а машинка новая, на день рождения, наверное.

— Короче, продолжим, не расстраивайтесь, у меня тоже немного выпало – «единица» всего. Хотя странно. Ошибка какая-то...

— И не ошибка вовсе. Не надо было тебе с мужем отношения выяснять.

— Нет, надо было! Он сразу изменился…

— Формально.

— Не важно.

— Важно! Видишь, «единица» выпала – значит, ничего не изменилось.

— Обманчиво…

— И все-таки это чемоданчик!

Так они играли день-два, а может, и неделю.

Их дети и лоботомированный муж вставали по утрам, одиноко завтракали и уходили: кто в школу, кто по делам, а кубик все падал и падал на желтый лист бумаги, выставляя случайные баллы их прошлым словам и поступкам; и Головы все играли и играли, не замечая того, что уже давно ходят по кругу, а если точнее, то и не по клеточкам вовсе – уж больно они были нечеткие, а кто куда хочет.

Но вот наступил день, когда дети не выдержали. Они подошли к Головам и протянули воду в запотевших стаканах, чтобы те отвлеклись и остановились.

Так и получилось.

Три Головы сначала растерянно посмотрели на детей, потом на воду, потом на Карту и остановили игру.

Карта лежала на столе унылая и блеклая. Она больше не представляла тайны и казалась простой и понятной. Доступной. Да и дорога-то на ней была указана действительно короткая, словно и не дорога вовсе, не путь, а так, штрих какой-то случайный, словно счастье было не где-то там, в неизведанной дали, а совсем рядом: под рукой, за углом, в кармане, но почему-то такое незаметное, такое недоступное!

Что это – иллюзия? Обман зрения? Ошибка художника? Ошибка разума?

Старшая нахмурилась: что-то неопределенно-тревожное стало подниматься волной в ее душе, но она тут же прогнала от себя эти мысли, сложила карту, убрала в карман и быстро вышла из комнаты.

Глава 7. Драконьи «новые» дети

Теперь кое-что о детях, Драконьих детях.

О них было сказано мало, хотя ссылались в Семье на них много.

Дети смотрели со всех семейных фотографий. Фотографии отражали этапы их развития, смену времен года и изменения в жизни взрослых. Каждая из Голов обязательно имела в своей собственности фотографию в рамке, где она улыбалась в окружении Драконьих детей. Детей было трое: взрослый мальчик, средний мальчик и девочка помладше.

Дети находились под строгим контролем, учились по выбранным программам, читали отобранные книги и подвергались насильственному вскармливанию. Во все времена Драконьи дети много болели, и во все времена их кутали. Их кутали, а они болели; они болели, и их кутали. А потом их долго и тщательно лечили. Во все времена Драконьи дети были ослабленными и ели плохо. Но они выживали и отличались долголетием.

Еще дети отдувались за нереализованные мечты старших, служили для взрослых серьезным аргументом для всякого рода требований, предъявляемых друг к другу, олицетворяли будущих защитников Семьи и строителей фамильных имений, да и вообще играли в Семье роль довольно символическую, что подчеркивалось в Главе 3 Семейного Учебника – «Все о наших детях». Например, приносили воду в запотевших стаканах.

Детей, к счастью, все вышесказанное мало волновало, поэтому ели они только то, что хотели; насильственному вскармливанию сопротивлялись; учились рывками и по настроению; читали запоем, но совсем не то, что было рекомендовано; родительских надежд не оправдывали; часто возражали и вообще были склонны иметь собственное мнение. Да и дел своих у них было великое множество, впрочем, как и у всех нормальных детей.

Нынешняя троица ничем не отличалась от всех своих предшественников – ни здоровьем, ни повадками. Они и внешне имели с родственниками сходство очевидное.

Но все-таки «новые» дети были иными – иными, чем их Драконьи предшественники.

В отличие от них, «новые» дети смотрели на мир непринужденно и с уверенностью в том, что если они появились, то это для чего-нибудь нужно. Они задавали много вопросов, но их мало что удивляло. Они легко поглощали потоки информации, не до конца даже успевая понять ее и усвоить, складируя в голове, словно рулоны ткани, и выуживая оттуда нечто уже готовое и сформированное в самый неожиданный момент.

«Почему так, а не иначе? — спрашивали взрослые. — Почему?»

«Не знаем, — пожимали плечами «новые» дети. — Но это так».

«Новые» дети принимали мир взрослых, в котором им приходилось жить, как состоявшийся факт, мало относящийся непосредственно к ним. Они ассоциировали все в нем происходящее не с собой, а с некой данностью, которая носила условный и временный характер, как период, на смену которому придет другой мир – их. Мир взрослых казался им несуразным.

Нет, это не значит, что «новые» дети были холодными и рациональными. Вовсе нет.

Они умели смеяться, смеяться заразительно и долго, подскакивая, закидывая голову, но потом могли внезапно замолчать и тут же уйти, словно переворачивали страницу книги, раз – а там новая глава.

Иногда они плакали. Они плакали редко, но если плакали, то злились и крепко сжимали губы. Они не плакали над тем, над чем плакали в их возрасте нынешние взрослые. Например, когда кто-то ссорился или расставался, или расставался насовсем. Нет, ни страх, ни боль, ни обида не вызывали у них слез. Они были скупы на жалость и сострадание и жестоки в сво-

их словах и поступках. Но иногда они все-таки плакали – от невозможности найти точки соприкосновения со взрослыми, чтобы тем, наконец, объяснить, что они не плохие и не хорошие, а просто иные.

И все же, хоть дети и были иными, на них в Семье надеялись.

На детей ведь всегда надеются, не так ли?

Каждая из трех Голов возлагала на них свои личные чаяния и надежды, а потому Головам сложно было любить детей любыми. Дети, кстати, это знали, но старались об этом не думать...

...Дети блуждали по старому загородному дому и считывали со стен Драконьи житейские мудрости. Эти мудрости не были написаны на белых стенах яркой краской, и уж тем более нигде не висели нравоучительные плакаты: «Не болтай по телефону, болтун – находка для шпионов!»

Нет, стены были чистыми и пустыми, разве что пейзажи были кое-где развешаны да портреты маслом легендарных Драконьих Голов. Но дети считывали со стен мудрости легко и просто, словно это были не мудрости вовсе, а упражнения из букваря – лаконичные и пространные, чуть нудные, правда, но зато легко запоминающиеся.

У каждого из детей в этом доме была своя траектория, и траектории их порой пересекались, тогда дети встречались в какой-нибудь из комнат этого заколдованного лабиринта и садились – кто на кровать, кто на краешек старого кресла, кто просто на пол, и начинали тихонько говорить и что-то обсуждать. Дети понимали друг друга без труда, взрослые же имели определенные трудности в том, чтобы понять их. Речь детей была необычной и походила скорее на птичью: трели сменялись цоканьем, а щелканье – каким-то курлыканием. Младший мальчик при этом иногда уверенно кивал головой и говорил: «Понял» или «Я в курсе», а девочка ничего не говорила. Она просто время от времени вста-

вала и, подойдя к старшему брату, чуть-чуть прислонялась к нему боком и смотрела в окно.

...Дети блуждали по лабиринту давно, а потому побывали везде: и в кладовках, и на чердаке. Они и фамильную карту счастья уже давно изучили, легкомысленно не придав ей никакого значения – так, поводили тонкими пальчиками по различным значкам и черточкам, покрутили-повертели и обратно положили в шкатулку с этническим орнаментом.

Дети были разочарованы: не было на карте ответа на их вопрос.

А вопрос у детей был предельно прост: а где отсюда выход?

Как выбраться им из этого драконьего лабиринта?

На карте выход не был указан, так как и не предполагался вовсе.

Между тем старший брат уже давно знал, что выход там же, где и вход, а потому сказал об этом младшим и заметил, что, если они хотят отсюда выбраться, им надо искать входную дверь.

Время шло, а дети все блуждали.

Но, встретившись однажды за общим чаем, к которому было предложено печенье в фаянсовой корзинке с красной розой на боку, старший брат подсунул младшему книгу, а тот, бросив хитрый взгляд на взрослых, быстро исчез с ней в дальних комнатах и прочитал:

«— Вы не будете столь любезны сказать мне, какой дорогой мне следует выйти отсюда? — спросила Алиса.

— Это в значительной мере зависит от того, куда вы хотите прийти, — ответил Кот.

— Мне безразлично куда, — сказала Алиса.

— Тогда нет разницы, какой дорогой ты пойдешь, — сказал Кот». [5]

---

[5] *L. Carroll. "Alice in Wonderland" (перевод Н. М. Демуровой).*

Мальчик передал книгу сестре, а та, прочитав, вопросительно посмотрела на самого старшего.

Старший сказал:

— Надо обозначить цели.

— Нас трое, — заметила девочка.

— Ну да, — быстро сказал младший, — значит, и цели три.

— Хорошо, — сказал старший. — Будем двигаться по направлению к тому, чего мы хотим.

— Мы и так это делаем, — неуверенно пожала плечами девочка.

— Нет, — возразил ей старший, — пока мы только бежим от того, что нам не нравится.

Дети переглянулись и опять разбрелись по дому – каждый в своем направлении в поисках выхода.

Надо заметить, что в отличие от братьев девочка отправилась в путь без особого энтузиазма: она то задумчиво смотрела в окна, то присаживалась причесать кукол, то открывала дверцы старых шкафов и выдвигала ящики комодов, разглядывая то, что там хранилось. Где-то в глубине души девочка не совсем была уверена, что ей хочется уйти из дома-лабиринта. Скорее наоборот, она хотела в нем остаться! Здесь ей было все знакомо и понятно, здесь жили остальные Драконьи Головы и говорили с ней на понятном ей языке. Она внимательно смотрела на них, наблюдала и чувствовала себя одной из них – только более усовершенствованной и доработанной версией. А потому искать выход из драконьего дома ей казалось нецелесообразным.

«Пусть это делают братья», — думала она, и шаги ее замедлялись.

Заключение

Дракон лежал на большом диване, и все три его Головы смотрели на пожелтевшую путевую карту – та по-

прежнему тихо покачивалась на темной поверхности воды и все никак не тонула.

Вода грозилась затопить всю Террасу, поднявшись уже очень высоко – почти до края дивана, так что Драконьи Головы могли видеть в ней свои отражения. Но отражения были настолько темными и размытыми, что Головам было трудно отличить себя друг от друга. А может, просто со временем Головы стали очень похожи, кто знает?

В какую-то минуту драконья лапа медленно приподнялась, распрямилась и длинным загнутым когтем подтянула карту поближе, и та, наколотая на жесткий коготь, оказалась прямо перед склоненными Головами.

Драконьи Головы, как три гигантские кувшинки, неопределенно покачались и переглянулись.

— Ну и что теперь с этим делать? — раздраженно спросила Младшая.

— Вот всегда так, — заметила Старшая, — всё, как всегда, побросали и ушли: и тяпки, и грабли в траве валяются, вон ворота открыты, и дом не заперт. Все рушится! Крыша дырявая! А дети – последняя надежда – даже карту и ту бросили, хоть бы спросили, что это?

— Да знают они, что это! Видели они твою карту! — заметила Младшая.

— И что? — продолжала сердиться Старшая. — Бросили же! Ничем не интересуются!

— Оставь, — сказала Средняя, — оставь их. И эта Карта детям не нужна – ведь там только одна дорога, а счастье – только одной формы. Кто сказал, что они верные?

— Значит, — нетерпеливо резюмировала Младшая Голова, — она никому не нужна!

И вслед за ее словами когтистая лапа резко ударила по намокшему листку. Тот прогнулся, издав какой-то глухой вздох, но все-таки остался лежать на поверхности.

Тогда лапа ударила по нему еще раз, потом еще и еще. Брызги воды разлетались во все стороны, а лапа

все била и била, распрямив свои кожистые пальцы – всей пятерней, и так до тех пор, пока карта не развалилась от драконьих когтей на множество мелких фрагментов. Те быстро намокли и отяжелели, прошлогодним снегом идя ко дну.

Медленно и долго опускались на дно останки карты, а все три Драконьи Головы внимательно следили за этим процессом, да с таким любопытством и изумлением, что им даже пришлось склониться над водой, чтобы разглядеть: неужели карта действительно утонула? Не может быть! Так просто?!

Наконец Старшая тяжело вздохнула: ведь именно она хранила Карту и следила, чтобы все по ней следовали! На глазах у нее навернулись слезы: «Да что же это такое?! И зачем только силы тратила, и откуда вообще эта бумажка в нашей Семье взялась?» И чтобы вновь не почувствовать того обмана, той злой шутки, которую сыграла с ними жизнь, однажды подкинув в Семью эту одноколейную карту, Старшая отвернулась и уставилась в окно.

А две другие Головы тем не менее упрямо продолжали наблюдать за погружением.

— Как много маленьких кусочков! — растерянно шептала Младшая.

— И все-все разные, — удивлялась Средняя.

Да, разорванная карта действительно утонула, скрывшись где-то на дне Террасы, на дне старого дома-лабиринта. И даже если кто-нибудь через много лет нашел бы все ее части, то никогда бы не догадался, что это было на самом деле – так... не то детские рисунки старые, не то просто мусор какой.

— Ну вот и все, — сказали Драконьи Головы и выпрямились.

Через некоторое время убаюканный шумом дождя Дракон вновь погрузился в приятную дремоту, и ему вновь снились незнакомые дети – те протягивали ему холодную воду в запотевших стаканах.

* * *

Женщина, сидящая на берегу Финского залива, отложила в сторону последнюю страницу и, порывшись в раскиданных листах, извлекла самый первый лист – письмо:

«У нас дождь – июль, а лета все нет, нет летних запахов, нет летнего томления и послеобеденной лени, которая влечет растянуться в гамаке, а мокрые плиточные дорожки пахнут осенью и плесенью. Даже буйная растительность, наступившая на старый Внуковский дом, отчего тот вдруг стал выглядеть заброшенным и нескладным, не радует. Мокрая зелень, тяжелая, зрелая и утратившая свой первоначальный нежно-зеленый цвет, наполнена какими-то чужими, чуть прогорклыми и сырыми, запахами, комарами и потерянностью.

Внуково с каждым днем теряется безвозвратно – и физически, и духовно.

Одна надежда, что уже другое поколение, наши «новые» дети, всё возьмут в свои руки, молодые и дерзкие, и, отдавая дань прошлому, построят нечто новое, совершенно иное, неважно даже какое – ведь любая оценка субъективна... Главное – свое.

Быть может, они простят нас за нашу категоричность и нетерпимость, за нашу губительную опеку и навязчивое стремление во всем сопричаствовать, за наше желание быть сильными и биться до конца, оставаясь, по сути, слабыми, за наше бесконечное ожидание любви и желание любить и за нашу неспособность любить безусловно. Не знаю, быть может. А простив и сохранив о нас в памяти лишь самое лучшее, они создадут свою новую историю среди старых елей и одичавших яблонь – здесь, на старой земле, хранящей тайны Драконьей Семьи. Да, быть может...

И не страшно, что они сметут наш старый хлам: облупившиеся от дождя скамейки, бестолковые заборы – памятники гордыни старшего поколения, сараи,

набитые бог знает чем, кроватные сетки и матрацы, старую посуду: чайные чашки в голубой цветочек и фаянсовые корзинки; коробки со старыми письмами, потертыми шляпами и забытыми игрушками. Они сметут даже дом – святая святых – весь этот бесконечный лабиринт комнат и комнатушек, переходов и террас, лабиринт сплетенных в один клубок человеческих жизней, наполненных любовью, тревогами, обидами и невысказанными чувствами, рожденными и томящимися под этой крышей, – короче, они безжалостно сметут всё, что им попадется под руку.

И правильно...

Да, они будут делать свою жизнь и свою историю. И у них, безусловно, будут свои дети, свои друзья и своя память. У них будут свои взгляды – наверное, совсем иные, нам совсем непонятные, и у них будут свои путевые карты, карты к счастью – множество карт с множеством дорог!»

Алёна Чубарова

Сколько себя помню, всегда что-нибудь писала. Когда писать не умела, сочиняла в голове. Составить отчёт по фактам для меня непосильный труд, а вот настрочить совершенно фантастическую сказочную историю – легко и просто. Сюжеты, как и рифмы, не ищу, они либо приходят, либо нет. Когда редактирую – работаю. Когда пишу – просто слушаю, что звучит внутри.

Жизнь учит связывать вымысел и реальность, и вот в результате всех поисков – режиссёр, материализующий в своём театре невидимые миры. Бог послал друзей, понимающих и помогающих. Спасибо им и низкий поклон! В новой книге «Мифы и реальность театра “КомедиантЪ”» местоимение ***мы*** *звучит гораздо чаще, чем* ***я****. И всё же поэт – это всегда* ***я****, и в моих рассказах о театре – моё видение его истории. Потом другие расскажут об этом по-другому.*

При чём тут Золотухин

С 1999 г. театр существовал при фонде Валерия Золотухина. Сейчас это уже фонд имени В. С. Золотухина, а раньше он был под его руководством. Естественно, возникает вопрос: а какое отношение имеет Золотухин к театру? И театр к Валерию Сергеевичу?

Лично я знаю как минимум две взаимоисключающих версии.

Версия 1. Никакого. Более того, лишь незадолго до смерти он узнал, что при его фонде, оказывается, есть театр.

Версия 2. Золотухин этот театр организовал для молодых актёров и сам ставил первые спектакли.

Какой же из двух мифов ближе к правде? Реальность, как всегда, посередине.

Однажды наш знакомый журналист Александр Фридрихсон в числе других представителей прессы оказался на премьере в театре на Таганке. А затем, прикрываясь как щитом огромным фотообъективом, попал в число избранных на закрытый фуршет для своих. К тому времени Саша уже хорошо знал наш театр и вот, воспользовавшись моментом, он решил сделать Золотухину «приятный сюрприз». Подойдя к Валерию Сергеевичу и похвалив его новую работу у Любимова, тут же без паузы начал в ещё более восторженных тонах восхищаться его собственным, Золотухина, театром, то есть театром «КомедиантЪ», который ставит спектакли в музеях Маяковского, Цветаевой, Высоцкого... И которым Золотухин мудро управляет, будучи руководителем фонда. И какой это весомый вклад в культуру! И так далее и тому подобное со всем доступным журналисту красноречием.

Всего на одну секунду Золотухин растерялся, затем сделал соответствующее моменту лицо и с потрясающей актёрской органикой согласился, дескать, да, театр

неплохой, хотя есть ещё над чем работать. Затем быстро перевёл разговор на другую тему и вскоре деликатно отделался от неудобного журналиста. Александр сожалел, что мы не видели этой сцены. Сыграно было воистину гениально! А на следующий день Золотухин выразил намерение познакомиться, наконец, со «своим» замечательным театром. Разумеется, мы пошли навстречу его желанию.

Через два года на другом фуршете, когда мы играли спектакль «В запасе вечность» в малом зале театра на Таганке, поднимая тост за новые перспективы, Валерий Сергеевич сказал, что он – не только президент фонда «Фарватер», но и артист театра «КомедиантЪ». Конечно, это была дипломатическая акция, но в частной беседе он подтвердил свою готовность что-нибудь у нас сыграть. Однако так и не сыграл. Много работы, семья, здоровье... Много разных причин, одним словом, не судьба.

Неправильный Маяковский

Наш Геннадий Новиков совсем не похож на Маяковского. Ну абсолютно. Тот темноволос и кареглаз, а наш – светлоокий блондин. Правда, рост, голос, осанка, внутренняя мощь – что есть, то есть. Спектакль «Он – Сам» к октябрю 2001 года был уже почти готов, а главного героя нет и нет, а премьера уже запланирована, что делать? Просто беда... Многие актёры приходили пробоваться, и хорошие актёры, и внешне нужной масти, а всё не то... А тут этот северный викинг, казалось бы, вообще мимо, но что мы теряем, если послушаем... Послушали, и... сразу стало ясно: герой – есть! Хотя на тот момент особой любви к Владимиру Владимировичу актёр не питал... Это мы, работая над сценарием, перелопатили кучу литературы о поэте: воспоминания, письма, документы, а Гена пришёл практически слу-

чайно. (Ах, его величество случай!) Потом, уже после премьеры, на реплику зрителей: «Спасибо, вы открыли нам Маяковского» звёздный Новиков честно признавался: «Да я его сам только что открыл». А всего через несколько спектаклей не только артисты, но и все сотрудники музея, не сговариваясь, стали называть Гену «наш Маяковский».

В 2005 году вышел нашумевший сериал о Есенине с Сергеем Безруковым в главной роли. Мы к тому времени свой «Он – Сам» сыграли уже около 50 раз. В фильме есть эпизод с Маяковским, и там актёр (кажется, Дятлов) подобран почти до портретного сходства. А я сморю этот эпизод и думаю: «Маяковский у них тут какой-то неправильный». С Егоровой поделилась, и ей так показалось. Почему? Не сразу, но всё же поняли в чём дело. На нашего Генку он не похож! Неправильный Маяковский!

Ну а когда число спектаклей перевалило за 100, нам уже и сам Маяковский на фото стал казаться не совсем похожим на Маяковского...

Happy end для принцессы,
или Можно ли подправить Андерсена

Кто из нас в детстве не плакал над судьбой русалочки, девочки со спичками или оловянного солдатика! Грустный сказочник Ганс Христиан Андерсен – самый любимый и самый загадочный. Наверное, нет ни одного театра, в котором не было бы спектакля по одной из его сказок. Вот и мы не стали исключением. Но если в жизни история не знает сослагательного наклонения, то в театре возможно всё! И детская мечта – сказка Андерсена со счастливым концом показалась достижимой.

На самые лирические образы рука не поднялась, а вот милая вещица – «Свинопас» на первый взгляд не

такая уж и грустная. Капризная принцесса получила по заслугам. А принц, переодевшись свинопасом, чудесным образом её проучил. Всё справедливо. Но... Он ведь хотел на ней жениться, значит, любил (забудем романтики ради, что женятся не только по любви), а раз любил, месть не заменит ему счастья! А она... И без жениха, и без дома – что она будет делать?.. А вдруг она раскаялась? И теперь заслуживает лучшей участи?.. Да! Почему нет?! Так что же откладывать подправленную версию судьбы героев?

И вот появляется пьеса, а потом и спектакль «Сто поцелуев принцессы» – наша инсценировка по мотивам «Свинопаса». Когда возмущённый король выгнал принцессу, она вспомнила о прекрасном принце, который присылал ей настоящие подарки от чистого сердца, и горько заплакала и поняла, какой была глупой. А тут как раз и свинопас случайно, как рояль в кустах, оказывается рядом, видит её страдания и признаётся, что он и есть тот принц. Она кается, обещает исправиться! Он её прощает! Сказочники спрашивают у зала, поженятся ли принц и принцесса, и дети хором кричат «Да!». И – вот оно, счастье, *happy end в голливудском стиле с песнями и танцами.*

После нашего «Комедианта» «Сто поцелуев принцессы» поставили в Ереване, Уфе, Красноярске... И долгие годы я была уверена, что в этом варианте у сказки действительно счастливый финал. Была уверена, пока...

Пока моя подросшая дочь, посмотрев спектакль, не открыла мне глаза на истину...

— Какой же это happy end? В лучшем случае пятьдесят на пятьдесят... — сказал трезвомыслящий отрок.

— Это почему же? Принцесса ведь пообещала исправиться! — не сдаёмся мы с Егоровой.

— Вот именно, пообещала! А сдержит она обещание или нет? Где гарантия? — логика современного подростка.

— Если обещала, как же иначе?!

Прошедшие школу октябрят-пионеров-комсомольцев, мы, дети советского разлива, свято верим в силу данного слова.

— Да она ведь даже договор не подписала, а так, устно, под настроение... Точно обманет!

— Но это же сказка! Тут герои не обманывают!

— А принцесса эта с детства такая, она и не может исправиться. Её воспитали неправильно. Бедный принц! Намучается он с этой дурой...

Никаких возражений дитя XXI века слушать не хочет.

И вот шансы героев на счастье с пятидесяти процентов начинают падать и стремятся к нулю.

Это будет, конечно же, будет,
Запоёт соловей над рекой,
И новая вырастет роза,
И принцесса станет другой.

Весёлая финальная песня остаётся будто бы весёлой. Но в ней появляется ранее неслышимый подтекст: «станет другой» – а какой другой, может ещё хуже, чем была? А? Где гарантии?

Да... Может, не стоило править Андерсена? В грустных сказках своя правда.

Восток – дело тонкое,
или Чудо номер раз, два, три

Это случилось в то время, когда спектакли уже были, но театра, по сути, ещё не было. Была группа людей, которые хотели работать, но практически не имели для этого никаких условий, ведь поставить спектакль полдела, главное – где и для кого его играть. И вот мы получаем предложение. Если сделаем узбекскую сказку, нам дают сцену в небольшом узбекском кафе играть по выходным с оплатой под гарантию. А что ещё надо молодому творческому коллективу? Хоть какая-то стабильность и надёжность в море хаоса постсоветского пространства.

Читаем всё узбекское. Пишем инсценировку по сказке «Бай и батрак», добавляем в неё немного из Ходжи Насреддина... сочиняем стихи к песням... Постановочный процесс идёт, но... Где взять костюмы? На русскую сказку можно сшить из лоскутов, а тут – восток – дело тонкое, наряды у них особенные, у нас и тканей таких в магазинах нет. Ну где взять? В самом начале двухтысячных годов интернет ещё не был такой всемогущей силой, способной решить любые проблемы. А у меня лично и компьютера-то ещё не было. Вопрос о костюмах казался неразрешимым. И вот, обзванивая по справочнику магазины тканей и получив очередной отрицательный ответ, я от отчаяния набираю номер... узбекского посольства.

— Мы ставим узбекскую сказку. Подскажите, где можно приобрести ткань с национальным орнаментом? — Я выпалила вопрос, почти уверенная, что мне сейчас ответят: «В Ташкенте» и положат трубку. Но меня вежливо спрашивают, какой театр, что именно ставите, и... предлагают к ним... приехать... Это было чудо номер раз! Совершенно случайно на телефонный звонок ответил не секретарь на справочном номере, а господин Зафар – дипломат высокого уровня, советник посла. Эх,

как права народная мудрость, гласящая, что всегда надо идти к первым лицам! Ну в крайнем случае, ко вторым.

Беседа с господином Зафаром была настоящим испытанием. Меня в посольстве принимали как принцессу, а я чувствовала себя Золушкой, ещё даже не надеющейся на серебряные туфельки от феи. Кроме имени Золотухина, на флаге фонда у меня не было никаких козырей. Предложение от маленького частного кафе нельзя считать серьёзным аргументом для посольства! И я пошла по пути личного воздействия, используя, так сказать, человеческий фактор. Моя мама была в эвакуации под Ташкентом, у неё там вторая родина, соответственно, много друзей из Узбекистана (всё это – чистая правда). И сейчас, когда мы стали разными странами, ей, а следовательно, и мне, больно, что мудрость и культура Средней Азии всё дальше от русских людей. И проект нашего театра задуман как акт народной дипломатии, сближающей мир востока и запада... А когда я однажды была в Бухаре и Самарканде, я просто влюбилась в эти города... А современная тенденция недооценивать уровень и менталитет древнейшей нации... — вот как-то так, горячо и вдохновенно я излагала свой «бизнес-план»...

— Хорошо, — сказал господин Зафар. — Напишите список, сколько каких костюмов вам надо. Вам позвонят. Я постараюсь помочь.

По окончании аудиенции для меня провели экскурсию по парадным зеркально-мраморным залам посольства (где я снова чувствовала себя Золушкой без туфелек), пожелали творческих удач и отпустили с миром.

Через неделю позвонила женщина от господина Зафара, уточнила размеры... А ещё через неделю сам господин Зафар пригласил приехать... забрать костюмы. Я не поверила своим ушам. А приехав в посольство в указанный день, не поверила уже глазам! Передо мной были пять полноценных театральных костюмов, из них два (для бая и его жены) с богатейшим золотым

шитьём. К каждому костюму обувь и головные уборы! Костюмы роскошные и... тяжелые.

Мне сказали, что могут пропустить в здание посольства моего шофёра, чтобы он донёс их до машины... М-да... Наверное, трудно представить, что руководитель театра ездит на метро, что не только своего водителя, но и машины у него никогда не было. Пришлось срочно вызывать ребят-актёров на помощь, наспех соврав, что как раз сегодня мой водитель попросил отгул в связи с тем, что у него родилась двойня...

На прощание господин Зафар попросил, если театру не трудно, после премьеры сыграть этот спектакль в посольстве для их работников и гостей. Да. Конечно. Разумеется. Сразу после премьеры. Чудо номер два – костюмы у нас!.. Правда, тут же проблема – где их хранить?

Зато такие костюмы сразу повысили статус театра. Хозяин уютного кафе, изначально заказавший сказку, увидев такую роскошь, прислал нам чай в гримёрку.

Поставленную пьесу назвали «Мудрый проказник». Господин Зафар название одобрил. Фразу на афише «совместный проект с посольством Узбекистана в РФ» тоже.

В оговоренный день мы играли спектакль в концертном зале с зеркально-мраморным фойе. Посольские зрители смотрели внимательно, доброжелательно, но хлопали умеренно, дипломатично. После спектакля нас повели в ресторан – не на фуршет, а на настоящий банкет с узбекским пловом и прочими сопутствующими яствами. Тосты произносились за дружбу, культуру, взаимопонимание и сотрудничество. Всё как полагается, на самом высшем уровне. Но в самом конце праздничного вечера та самая женщина, что уточняла размеры, слегка захмелев, заговорщицки подмигнула мне и сказала:

— А вы ведь поставили совсем не узбекскую сказку!

— Как? Почему?

— Вы поставили русскую сказку. Да, по сюжету узбекской, с узбекскими костюмами, но – совершенно русскую...

Вспомнив деликатные аплодисменты, мне вдруг показалось, что и зрители, все как один, думали также!.. А вглядываясь в загадочные восточные глаза Зафара цвета крепкой чайной заварки, я вдруг будто прозрела... Не могут восточные женщины *так* ругаться, и восточный мальчик *так* разговаривать с матерью, и восточная жена *так* со своим мужем, даже восточный путник *иначе* будет общаться со своим ослом. Слова будут те же, но – *другие*. И русскому человеку, даже если он еврей, это не сыграть... Восток – дело тонкое.

И всё же – чудо номер три – костюмы остались у нас! И работали ещё во множестве других спектаклей и концертов. А Зафар много лет подряд приглашал нас с Ириной Егоровой на национальные праздники в посольство, а позже, работая уже в правительстве Узбекистана в Ташкенте, пытался вывезти на гастроли. Может быть, сам спектакль его несколько и разочаровал, но слова песни, написанной для этой постановки, ему точно понравились:

Не владей добром, а владей умом,
И само богатство к тебе придёт.
Станет хлебом рожь, виноград – вином,
Если жить с умом, верно, повезёт.
Меньше говори – больше думай ты,
Наградит Аллах каждый добрый труд.
Этот щедрый мир – море доброты,
Если люди мудрые в нём живут.

Метаморфозы названий

С «Салоном...» история самая простая. «Салон тёти Маши» – весёлый спектакль-концерт о том, как обнищавшие интеллигенты, которым нечем кормить внезапно нагрянувших гостей, устраивают вместо застолья что-то типа музыкальной гостиной с сумасшедшими соседями вместо кинозвёзд. После премьеры спектакля кто-то из актёров, усердно отмечая событие напитками определённого градуса и говоря о спектакле, в первом слове названия споткнулся о букву С и, протянув её дольше нужного, следующую за ней гласную А проглотил... Отчего вместо «Салон тёти Маши» получилось «Слон тёти Маши». Разумеется, после этого артисты только так спектакль и называли. Только так. Но это всё же в кулуарах, так сказать, в устной речи.

Казус же с «Машиной Чудакова» оказался уже крупными буквами на афише. «Машина Чудакова» – так называлась наша версия «Бани» Владимира Маяковского. Один из героев пьесы изобретатель Чудаков конструирует машину времени. Именно на этой сюжетной линии мы сделали акцент, поэтому и заменили авторское название на своё. В музее поэта (ещё в том, старом здании на Лубянке) была традиция: все афиши вешать перед входом, но не в печатном современном варианте, а написанные пером от руки – этакий ретровариант. Мы заранее оставили все сведения по спектаклю и шли на премьеру, переживая за что угодно, только не за афишу. И вот, подходя к музею на рекламном стенде крупными красными буквами читаем: «Премьера театра «КомедиантЪ» – спектакль «Машина чудаков»... Ну что ж, вполне в духе футуризма!

Ещё веселее нам было, когда мы увидели афишу другого нашего детища... Спектакль по стихам Ирины Егоровой «Из Непочатого края». Актриса Ирина Егорова играет там поэта Ирину Егорову. Случайное сов-

падение? Как бы не так! Она просто играет саму себя. Не скромно? Ну... Играл же Маяковский в пьесе Мейерхольда Маяковского. Почему бы и нам не... Короче, договариваемся играть в Доме отдыха, постановка со стихами и песнями, вполне подходит для культурно досуга расслабленных отпускников. Администратор по телефону спрашивает название. Отвечаю. Предлагаю прислать афишу. Нет-нет, у них свой дизайнер, все мероприятия в одном стиле. Ладно, хозяин – барин. Ещё раз название? «Из Непочатого края». Что? Странное?.. Ну... спектакль по стихам... авторское... Договариваемся о цене, транспорте, гримёрках... Вопрос названия закрыт как решённый. В день спектакля приезжаем и в фойе культурного центра Дома отдыха застываем перед стильной фирменной афишей: «У нас в гостях Московский театр «КомедиантЪ» со спектаклем «Жизнь початого рая».

На правах лирики

Это было время, когда я ходила и улыбалась. Улыбалась всем подряд: и людям, и машинам, и деревьям. Во мне было столько счастья, что казалось – я могу раздавать его направо и налево тоннами, и у меня не убудет! Мы репетировали спектакль по пьесе «Любовные письма». До этого я несколько лет работала только как режиссёр и актёрский простой воспринимала как некую расплату за постановочные успехи. Почти смирилась. Пусть, чем-то надо жертвовать, ладно. А тут вдруг эта роль! Та самая – главная, не в спектакле, а в судьбе. Та, которую ждёт каждая актриса, к которой идёт годами через всех новогодних зайчиков и третий гриб в пятом ряду; та, которую предчувствует, читая басню перед приёмной комиссией очередного театрального вуза.

Прочитав пьесу, я сразу поняла, что героиня – моя. Но вещь не для нашего театра, в музейную тематику не

вписывается, а других игровых площадок у нас нет. Со вздохом и деликатным отказом вернула Дмитрию Напалкову, который сделал оригинальный перевод с английского специально для нашего театра. Но доктор Напалков не из тех, кто сдаётся при первых трудностях. И вот лето 2009 года. Инна Омаровна Мишина, на то время директор музея Булгакова, одобрила проект «Театр Малых Форм», и мы репетируем.

Егорова со мной мучается, героине в начале спектакля 8 лет... а мне... побольше, и я не травести. Ищем, не получается. Снова ищем. Наконец, что-то забрезжило... Дальше молодая девушка: избалованная, богатая, удачливая американка... С грузом и опытом постперестроечного интеллигента родом из СССР... гм... томное легкомыслие вседозволенности и беззаботности даётся мне с трудом. Особенно реплика про «дворецкого и бассейн в доме моей бабушки»... Со вторым действием проще: и возраст ближе, и опыт потерь имеется. Напалков тоже в первом акте никак не может сыграть сексуально озабоченного подростка. Зато сенатор во втором получается у него на раз, как говорит Егорова «только припудриться». И вот – премьера! Волнуюсь ужасно. Коленки дрожат, ладони влажные, в животе схватки. Последние пинки (в смысле наставления) от режиссёра, и – вперёд... хотела написать «на сцену», но сцены-то нет. Есть комната. Пространство у окна – Энди. У дверей – Мелиссы. Справа и слева – зрители. Так близко, что на некоторых сценах мы просто спотыкаемся об их колени. «Два часа на крупном плане» — так говорят о нашем театре киношники.

Не помню, плакали зрители на первом показе или нет, но, начиная с третьего спектакля даже мужчины свою скупую мужскую роняли, ну а женщины чуть ли не в голос. Ну и я, разумеется, по роли, и Егорова, хотя сама всё поставила, ну и Напалков – скромно, с достоинством, по-сенаторски. Потом некоторые приходили по несколько раз и начинали всхлипывать уже в середине первого действия. В теории театра есть такое по-

нятие, как катарсис, думаю, что на спектаклях «Дурная привычка» (так мы назвали наши «Любовные письма») происходило именно это. И вовсе не потому, что мы такие гениальные. Просто всё сошлось. Дмитрий сознательно очень хотел сыграть именно в этой пьесе, я подсознательно очень хотела сделать именно такую роль, Егорова и сознательно, и подсознательно очень хотела поставить спектакль именно на эту тему. Плюс аура музея Булгакова («Кто сказал, что нет на свете настоящей, верной и вечной любви...». «Мастер и Маргарита», помните?) Всё сошлось во времени и пространстве. А зрители плакали не столько над судьбой героев, сколько над своей несостоявшейся любовью. Даже у тех, у кого сейчас всё хорошо, где-нибудь на дне памяти есть такая история, когда судьба давала шанс, а ты его пропустил, не удержал, не разглядел... Прошёл мимо чего-то очень-очень важного. Люди на спектакле плакали, а уходили счастливые, они выплакивали своё невысказанное горе, и им становилось легче. А кто недовыплакал, приходил ещё и ещё.

41 спектакль мы сыграли. А потом Дмитрий Александрович Напалков защитил докторскую диссертацию, и его жизнь превратилась в сплошную череду лекций, конгрессов, симпозиумов. На актёрское дело объективно времени не осталось. Если бы наш театр был государственным, и худрук с главрежем мне приказали играть этот спектакль с другим партнёром под угрозой увольнения? Честно, не знаю, как бы я поступила. Но в нашем театре худрук – я, а главреж Егорова только тихо спросила: «Будешь играть с другим?» — «Нет! — ответила я сразу, не подумав, — не буду!» А потом подумала и добавила: «Не смогу».

Для навигации 2013 года мы сделали моноверсию этого спектакля, назвали «Письмо длиной в любовь». С другим партнёром играть – это... глупо звучит, но как предательство, что ли, а вот одна... Одна смогу? Это уже испытание, вызов. Стоит рискнуть. На репетициях не получается. Там ведь всё держалось на живом взаимо-

действии двух человек: и дуэль, и притяжение, и борьба с чувствами, и «упоение в бою», и бесконечное, хотя и такое недолгое, счастье... А здесь всё это перевести в монолог?! Невозможно... И всё же... Зрители на теплоходе снова плакали и благодарили. И некоторые говорили, будто Энди, который весь спектакль за кадром, всё же присутствует, его не видишь, но чувствуешь, он не просто существует вообще, он есть здесь и сейчас. И объективно можно было говорить о победе. Но...

Тогда, после тех спектаклей вдвоём, умирая на сцене, я воскресала для жизни. Я уходила такая же счастливая, как и зрители. А теперь, играя одна за двоих, я с трудом выходила на поклон. И сутки потом отлёживалась в каюте, как раненый зверь. Видимо, какой-то закон взаимообмена энергиями был нарушен. Зрители просили именно этот спектакль, и я его снова играла. Но сыграв четыре раза, подумала: умереть на сцене, конечно, не дурно... Над могилой кто-нибудь из коллег поставленным актёрским голосом произнесёт: «Она жила и умерла на сцене», — красиво... Но пока рановато. Любимые спектакли, как и любимые люди, иногда уходят безвозвратно. И надо уметь это принять.

И на теплоходе, и в квартире Булгакова зрители снова и снова меня спрашивают: «Когда будет спектакль про письма?» Искушение... Опять нырнуть в иллюзию того счастья... Нет, не получится. В счастье, как и в реку, в одну и ту же дважды нельзя. Простите, мои дорогие зрители, мы будем вас радовать новыми спектаклями, но этот уже архив.

Вот и еще один спектакль отыгран,
Вот и еще однажды умерла.
Актриса – эпилог или эпиграф?
Смерть примеряя, душу берегла...

Кому из живших умирать привычно?
Кому из смертных воскресать дано?

И так греховно изменять обличья…
И так невинно смаковать вино…

Дар или дань? Работа ли – проклятье?
Дыханье зала… И бокалов звон.
В руках героя книга, письма, платье…
А после смерти… выход на поклон.

За зрителем последним хлопнут двери,
И можно дрожь в коленях не скрывать.
Все чувства, как потрёпанные перья,
Но надо возвращаться – выживать.

Нужны ли, не нужны такие игры?
Счёт не на деньги, а на взгляд и вздох…
Роль, как и жизнь – лишь маленький эпиграф
К тому спектаклю, что задумал Бог.

Второй сезон Дамы без собачки

Спектакль «Робинзон и Дама без собачки» – первый (но, возможно, не последний), который был сделан по заявкам зрителей.

На теплоходе ведь совсем другие отношения со зрителями. Это в городе они посмотрели и ушли. И мы отыграли и тоже ушли. Объединяет нас именно последнее – «ушли». Расползлись по своим норам в огромном мегаполисе, лишь на короткое время спектакля соприкоснувшись важным и сокровенным. А на теплоходе, где совсем особый микроклимат (в некоторых рейсах совершенно особенный, фантастический «остров счастья»), зрители и артисты могут общаться в любое время – и до спектакля, и после. И то и дело, то на палубе, то в баре, то на берегу после экскурсии возникает мини творческий вечер. Вот так, из собранных по крупицам пожеланий на будущее, и была написана пье-

са «Робинзон и Дама без собачки», и поставлен спектакль. Однако творческая фантазия зрителей на этом не остановилась.

Играя премьеру уже в этом сезоне, перед началом, для тех, кто не принимал участия в дебатах прошлого года, мы рассказываем историю создания лирического детектива, который им сейчас покажут. И, разумеется, призывали, как всегда, высказываться после просмотра. И неожиданно для нас вместо отзывов об увиденном нам стали предлагать... варианты продолжения... Да! Приучило телевидение к сериалам!

В пьесе наши герои, познакомившись через интернет, встречаются на речном вокзале. Место встречи выбрала героиня – фанатка речных путешествий. В анкете на сайте знакомств Она (под ником Марголена) себе годы убавила, что для женщины вполне понятно, а Он (Робинзон) прибавил, что для мужчины несколько странно. В результате первая встреча оказалась не романтической, а комической. Но мы играем не просто комедию, а – детектив (заявка зрителей!), и у каждого героя своя тайна. Кто же из них кто, становится ясно только в финале, но все живы и даже не в убытке. Счастливый финал – ещё одна заявка зрителей, народ устал от трагедий. Однако острых ощущений всё же хочется, и вот...

Сразу после спектакля подходит зрительница.

— А пусть в следующей серии Марголена встретится уже с настоящим преступником! А Робинзон её спасёт. — И начинает рассказывать страшные истории из жизни, как кошмарно кончались для легковерных дурочек знакомства на сайтах. Ближе к правде, товарищи! Ближе к правде!

На следующий день, наслаждаясь красотами волжских берегов, я выслушала лирическую версию развития событий:

— Робинзон должен встретиться с подругой Марголены, она окажется молодой, они друг друга полюбят и пусть дружат семьями. Хорошо будет. Душевно.

Я обещала подумать.

Ещё через день, уже после следующего нашего выступления, мне озвучили совсем другой, очень оригинальный вариант:

— Марголена окажется той самой стервой, первой женой брата, из-за которой он и попал во все свои неприятности! Она уже исправилась и стала хорошая, но мужчины этого не знают и начинают с ней бороться, обращаются в то самое сыскное агентство, оттуда ей передают информацию об их коварных планах, и она, не поняв, что они не поняли... И так далее...

Поскольку предложение шло от группы и излагалось сразу несколькими голосами, то всех перипетий сюжета я не уловила, но когда дело дошло до тайного медальона, по которому Марголена узнаёт в Робинзоне своего очень раннего, потерянного сына... стало ясно, что продолжение пьесы писать придётся...

Теперь вот гадаю, на каком из вариантов остановиться? И кого потом считать автором?

Анна Народицкая

Мир наполнен волшебством, но мы упорно не хотим его видеть. Небо всегда освещает солнце, но тучи реальной действительности закрывают его от наших глаз.

Зла не существует, но есть несчастные люди, озлобившиеся от своих страданий. И только сильные и мужественные способны носить розовые очки. Поэтому я пишу сказки и притчи для детей и взрослых. Если скучную комнату раскрасить во все цвета радуги, каждый входящий улыбнётся. Палитра писателя – его слова, картина, созданная им, – жизнь читателей.

Давайте рисовать волшебство!

По образованию художник-график. Тридцать лет преподавания танца и пластики движения. Член МСП «Новый Современник». Член редколлегии и автор рубрики «Столик у окна» журнала «Московский BAZAR». Руководитель литературно-просветительского проекта для детей «Детская площадка». Руководитель литературно-издательского проекта «Поверь в сказку».

Фарфоровые мечты

Маленькая фарфоровая чашечка мечтательно улыбалась. Зажмурившись, она фантазировала, представляя себе ясное летнее утро в воображаемом доме: посреди просторной столовой царственно упирается в паркет изогнутыми ножками стол, застеленный кружевной скатертью. Солнце ярко освещает изысканную сервировку. Изящный белоснежный сервиз красиво расставлен, приборы сверкают бликами не хуже бриллиантов. В ажурной вазочке аппетитно возвышаются волнистые пластины подсолённого хвороста, на белоснежной тарелке янтарём светятся тонко нарезанные кусочки сыра. По комнате разносится знакомый будоражащий аромат...

Чашечка вздохнула и задумалась, словно пытаясь что-то вспомнить. Но её фантазии прервал тихий и недовольный шёпот пузатого белого эмалированного чайника.

— Опять она размечталась! Вот так и стоит целыми днями, ничего не соображая. Нет чтобы следить за температурой воды. А чай, между прочим, остывает. Безобразие!

— Да уж, — понимающе звякнул керамической крышечкой заварочный чайник, — вкус, конечно, будет уже не тот. Получается, я зря стараюсь, что ли?

— И ведь вот так каждый день! Просто не знаю, что с ней делать, — сокрушался большой чайник, — говоришь ей, говоришь, да все без толку. Стоит, видите ли, мечтает.

— И о чём, интересно, она себе думает? Ведь не рассказывает ничего, — обиженно булькнул заварочник, — словно мы ей чужие.

— Ну, как говорится, в семье не без урода, — язвительно заметил эмалированный сосед и громко просвистел о том, что вода закипела.

Маленькая чашечка очнулась от грёз и очень огорчилась. Сейчас опять ей будут читать нотации. Сколько малышка себя помнила, всегда казалось, что её не любят. Ну не то чтобы совсем, но намного меньше остальных членов кухонной семьи. Стаканы, кружки, блюдца и тарелки всегда находили, о чём побеседовать. Только почему-то к чашечке напрямую никто никогда не обращался, будто её тут и не было вовсе. А если бедняга пыталась поучаствовать в разговоре, семья делала вид, что ничего не слышит. Стаканы бесцеремонно перебивали её, а блюдца норовили как бы случайно столкнуть со стола. За что к фарфоровой малышке так относились, она не понимала, но научилась находить забвение в красивых мечтах. Вот и сейчас резкий голос большого чайника вывел чашечку из мира грёз.

— Хватит бездельничать! — грубо прогудел чайник. — Ты что думаешь, ты тут лучше других? Отключилась и стоит, будто её ничего не касается! Посмотри на себя, на что ты годишься?

— Наша мадемуазель, наверно, из королевского сервиза! — загоготала кружка.

— Фарфоровый недомерок, — хамски плеснул водой на чашечку гранёный стакан, — мелюзга и уродина, пусть скажет спасибо, что мы её терпим.

И стакан звонко чокнулся со своим гранёным братом-близнецом.

— Ладно-ладно, хватит с неё уже, — угомонил всех большой чайник, — впредь будет знать, когда и о чём думать. — И эмалированный глава семьи снова принялся кипятить воду.

А чашечка сдерживала слёзы и крепилась. Где-то в глубине маленькой, но сильной души она всегда знала, что её место не здесь. Но вот где? Малышка видела и понимала, как отличается от всех членов семьи. Ей было совсем неинтересно слушать разговоры о борщах,

пирогах с капустой или рассуждения толстой сахарницы о пропорции воды и ягод при варке компота. Но такова жизнь, и ничего с этим не поделать. Чашечка старательно напрягала свои тонкие стенки, пытаясь сохранить температуру чая, и тайком всё продолжала мечтать...

Однажды, в новогодний вечер, когда стол накрывали к десерту, один из гостей обратил внимание на маленькую одинокую фарфоровую чашку без блюдца.

— Хм, интересно, откуда у вас *такая*? — спросил гость.

— Да валяется на кухне, сколько себя помню, — ответил хозяин квартиры, — от бабки, наверное, осталась. Да бестолковая она какая-то, мелкая. Бери, если нравится. — И хозяин великодушно улыбнулся.

— Вот спасибо-то! — обрадовался гость. — Как раз для моей коллекции.

Чашечка очень разволновалась и даже немного побледнела. Её маленькое фарфоровое сердечко забилось так громко, что казалось, даже люди могут услышать этот мелодичный звон. Но люди ничего не услышали, а просто аккуратно упаковали чашку в мягкую бумагу и уложили в сумку.

На следующий день, когда счастливицу вынули из сумки и бережно поставили на стеклянную полку, она немного растерялась. Мечтательница увидела вокруг себя таких же, как она, фарфоровых малышек. Изящные чашки на тонких, почти прозрачных блюдцах деликатно окружали новую соседку. За ними возвышался странно вытянутый, благородный чайник с непривычно длинным носиком. Он тепло улыбался новой гостье и был так красив, что у малышки от волненья пересохло донышко. Преодолев смущение, чашечка тихонько произнесла:

— Добрый день. Простите, кто вы? Я раньше не встречала такие необычные чайники. Извините за бестактный вопрос...

Остальные чашки звонко, но по-доброму рассмеялись а «необычный чайник» ласково усмехнулся и тёплым голосом ответил:

— Добрый день леди, я нисколько не обижен вашим вопросом. Только дело в том, что я не чайник, я *кофейник*.

И тут наша маленькая героиня поняла! Всю свою мучительную юность, которую пришлось провести среди грубой посуды, она ничего не выдумывала! Не зная, кто она и откуда, малышка невольно восстанавливала в памяти то, что хранила каждая частичка её фарфоровых стенок...

Чашечка зажмурилась от счастья. Она больше не мечтала, она отчётливо видела.

...Ясное летнее утро.

Посреди просторной столовой царственно упирается в паркет изогнутыми ножками стол, застеленный кружевной скатертью. Солнце ярко освещает изысканную сервировку. Изящный белоснежный сервиз красиво расставлен, приборы сверкают бликами не хуже бриллиантов. В ажурной вазочке аппетитно возвышаются волнистые пластины подсолённого хвороста, на белоснежной тарелке янтарём светятся тонко нарезанные кусочки сыра. По комнате разносится знакомый будоражащий аромат... Это аромат крепкого кофе, налитого в настоящую *кофейную чашечку*.

Бесконечная серенада

Большое зеркало на туалетном столике отражало уютную голубую спальню и фен, усердно трудящийся над причёской. Бархатный голос фена согревал и вводил в гипнотическое состояние. Субтильная берёзовая расчёска совершенно разомлела, слушая соблазняющее жужжание, и не заметила, как волосы, по которым она скользила, немного запутались.

— Ох, простите! — смутилась от своей оплошности расчёска и, вновь повернувшись к разглагольствующему фену, пробормотала: — Я тут немного отвлеклась и наверняка пропустила что-то важное. Вы не могли бы повторить то, что вы только что сказали?

— Я говорю, что ваш изящный силуэт вдохновляет меня! Хочется творить, создавать шедевры! — пел соловьём фен. — Вы такая милая и так мне подходите. Я же художник, мне нужна муза, а вы прекрасно умеете слушать. Мы станем идеальной парой и вместе создадим бесчисленное количество уникальных причёсок. Поверьте, нас ждёт счастливая, благополучная жизнь! Всё будет просто восхитительно! Надо только немного подождать. Я обещаю, как только закончу этот арт-объект, мы начнём путь в наше светлое будущее. Вместе и навсегда!

Расчёска слушала и верила. Верила и ждала. Она скользила по волосам и представляла себе цветные картинки, нарисованные велеречивым художником. Будущее казалось красивым и безоблачным, потому что любимый всё так хорошо продумал. Он ежедневно рассказывал влюблённой расчёске о фантастических перспективах, но они казались реальными и абсолютно выполнимыми. Ведь в этих рассказах появлялось всё больше и больше подробностей о безмятежных днях двух любящих сердец. Фен говорил и говорил, обещал золотые горы и клялся на самом святом – на электричестве. Он даже выразительно рыдал, умиляясь собственным фантазиям. Впечатлительная расчёска таяла от такого проявления эмоций, поражаясь тому, насколько сильны чувства её гениального возлюбленного, если он способен заплакать.

Но время шло, а в жизни наших героев ничего не менялось. Дело в том, что каждый раз после завершения очередной причёски фен так уставал от творческих мук и собственного красноречия, что мгновенно засыпал. Расчёске ничего не оставалось, как только ждать. Ждать и верить. Подружки бигуди, обитающие на том

же туалетном столике, не разделяли оптимизма влюблённой девушки и совершенно не верили обещаниям красавца фена.

— Посмотри по сторонам, — перебивая друг друга, возмущались бигуди, — есть более достойные объекты внимания, которые не витают в облаках. Тебе нужен серьёзный и основательный партнёр. Вон настенный светильник давно уже по тебе сохнет. Он такой обстоятельный! А душа у него какая – так и светится! Конечно, он молчун, не то что твой говорун. Но посмотри, как он тебе подмигивает! Это же очевидно: он хочет более близкого знакомства.

Бигуди не могли остановиться, им хотелось принять активное участие в судьбе очарованной феном расчёски. Но та не желала ничего слушать.

— Какие ещё подмигивания?! Его просто коротит от перепадов в электросети. Вот он и дёргается. Нет, девочки, мой фен самый лучший!

— Не знаю, не знаю, мне вот всегда приходится за ним работу доделывать, — возразил расчёске лак для волос. — Он, конечно, натура творческая, но как увлечётся процессом, так надует, что все волосинки торчком. А я потом всё на место укладываю. Может, если бы он поменьше жужжал, то есть болтал, и качество было бы. А так... не знаю, не знаю.

Зеркало ничего не стало комментировать. Оно вообще не любило влезать в чужие разговоры и было слегка высокомерно. Можно было только догадаться о его мнении по состоянию стекла. В данный момент отражение в зеркале слегка покачивалось, словно говорило: «Да-а-а, ну и дела».

Но расчёска никого не слушала и ни на что не обращала внимания. Она была влюблена и обнадёжена многочисленными сладкими обещаниями. А поскольку сама не имела привычки обманывать, то привыкла доверять словам и обещаниям других. Так проходили дни, пролетали недели, месяцы сменяли друг друга. Терпеливая девушка всё ждала и надеялась. Как вдруг...

хрум! Сломался один деревянный зубчик, за ним последовал другой. И спустя неделю несчастная расчёска с половиной выпавших зубцов отправилась в ведро. Видимо, она отслужила свой срок, и оказалось, что даже у надежды есть предел прочности. А если точнее, есть предел терпению и вере. Ведь, утратив веру и надежду, расчёска потеряла силу, а с ней и зубцы.

На туалетном столике в голубой спальне загрустило зеркало. Оно, разумеется, ничего не сказало, но все поняли его печаль по замутнённому отражению стекла. Подружки бигуди тоже стали менее разговорчивыми, только переглядывались, посматривая на светильник, который совсем перестал мигать. И хотя стало очевидно, что напряжение в сети тут совершенно ни при чём, светить он начал как-то тускло.

И только фен жужжал по-прежнему, распевая роскошным баритоном свои серенады о безоблачном будущем. Его слушательницей теперь была новенькая, хорошенькая щётка для укладки. Её пластмассовые реснички кокетливо торчали во все стороны, а горячее дыхание фена легко проникало сквозь ажурную фигурку, обволакивая и гипнотизируя. Щётка слушала и млела, млела и мечтала, мечтала и ждала. А фен всё пел и обещал, обещал и фантазировал. И жужжал, жужжал, жужжал... ведь на то он и фен, чтобы жужжать.

Затянувшийся сон

Старинные часы с кукушкой были не в ладах с собой. Большую часть времени они предпочитали спать, изредка просыпаясь, чтобы дать мудрую (как им казалось) оценку текущим событиям. Сами события не особенно интересовали часы, они считали, что не происходит ничего достойного внимания, и можно снова погружаться в сонную негу в ожидании действительно важного, того, ради чего имеет смысл окончательно

проснуться. Так проходили дни, таяли недели, исчезали годы.

Антикварная вещь переходила из семьи в семью, из поколения в поколение, исправно работая. Более ста лет назад (а может, и гораздо больше) искусный мастер сотворил эти красивые часы. Неоспоримый талант и ум инженера позволили мастеру сделать так, чтобы в часах не только подавала голос кукушка, но и играла музыка. Два раза в сутки, ровно в полдень и в полночь. В полдень звучала коротенькая, на десять секунд, весёлая мелодия, после чего кукушка добросовестно куковала свои двенадцать раз. Всё остальное время труженица исправно выскакивала из своего домика и «кукументировала» каждый час, и даже полчаса. Но в полночь птичка отдыхала. За минуту до двенадцати колки и валики внутри механизма начинали двигаться и играли музыку ровно шестьдесят секунд. Эта мелодия была плавная и необыкновенно красивая. Часы просыпались, в темноте не спеша осматривались и делали печальное заключение, что жизнь скучна. «Что проку просыпаться? — думали старинные часы. — Вокруг мрак, ночь непроглядная, ничего интересного. Вот настанет рассвет, тогда и поглядим, а теперь спать, спать, спа-а-ать», — протяжно зевая, говорили часы и проваливались в царство Морфея без угрызений совести. Тем более что натруженный маятник с возрастом стал реагировать на погоду, его ломило и выкручивало перед дождём и похолоданием. Так что отдых во сне помогал часам пережить так досаждающий им ревматизм.

Кукушка порой тихо и нудно жаловалась, обвиняя часы в нечуткости и отстранённости. Ей хотелось немного понимания и участия, ведь она не позволяла себе отдыхать, несмотря на круглосуточную работу. А иногда бедняжке было просто грустно и хотелось поговорить, поделиться мыслями, но со спящими часами это было невозможно. Вот она и ворчала вслух, не обращаясь ни к кому конкретно, пока часы безмятежно почивали, совершенно не реагируя на жалобы деревянной

птички. Глаша, а именно так звали кукушку, тем не менее надеялась и мечтала, что когда-нибудь ей всё-таки удастся разбудить часы и оставить в прошлом своё одиночество. Ведь и правда обидно, когда ни тебя самого, ни твоих трудов не замечают близкие. А часы для Глаши были самыми близкими: не шутка – сто лет вместе. Конечно, обидно печалиться в одиночестве, не имея ни одного слушателя и сострадателя. Но однажды в ясный и солнечный день случилось событие, изменившее всё.

Рано утром люди, живущие в квартире, как обычно, ушли на работу. Солнце, ласково играя лучами, согрело комнату, пробежавшись по стене с часами. Утро как утро, и пока ничего особенного не происходило. Проходили минуты, тикали часы, раскачивался ритмично маятник, а кукушка привычно оповещала пустой дом о текущем времени. Наступил полдень, проиграла короткая мелодия, и трудяжка прокуковала двенадцать. Но не успела она вернуться в домик, как кто-то смешным голосом прокуковал ещё двенадцать раз, словно передразнивая. Маленькая птичка замерла на месте, а дверка домика так и осталась приоткрытой.

— Показалось, наверное... — пробормотала вслух кукушка и тут же услышала, как голос снова повторил за ней: «Показалось, наверное».

Глаша испугалась и внимательно оглядела комнату. С первого взгляда комната выглядела как обычно, но, присмотревшись, кукушка заметила на низком столике между креслами странный предмет. Это был плоский прямоугольник, в середине которого светился маленький экран. Про телевизор Глаша давно знала, но такой штуки никогда не видела. С необычного экрана ласково улыбался стоящий на задних лапах и задорно подбоченившийся кот. Кукушка удивилась и ахнула.

— Ах! — повторил кот.

— Ты кто, — поинтересовалась птичка, — и почему повторяешь за мной?

— Я говорящий Том, — ответило изображение, — я за всеми повторяю.

— А я Глаша, кукую тут... а что за странный домик у тебя? Я такого не видала раньше, — спросила Глаша, а сама подумала: «Надо на всякий случай быть с ним осторожнее, мало ли что это за штука». Но виду кукушка не показала, а только приветливо улыбнулась.

— Это не домик, это айпад. Я тут живу, во всемирной паутине, — по-прежнему улыбаясь, проговорил Том.

— Вот горемычный! — посочувствовала Глаша. — И как же ты живёшь в такой пыли? Смёл бы хоть паутину-то.

Кот звонко захихикал:

— Да это же не настоящая паутина! Так называют всемирный интернет. Ну, это такая сеть.

— Рыбу, что ли, ловите? — снова не поняла Глаша.

— Да нет! Ну какая рыба?! — Том дёрнул хвостом от нетерпения. — Ты знаешь про телефон?

— Что же мы, тёмные совсем? И про телефон, и про телевизор знаем, — оскорбилась кукушка.

— Ну вот, — обрадовался кот, — представь, что это такой телефон с невидимыми проводами, а провода эти раскинулись по всему миру, как сеть. И когда включаешь интернет, то можешь всё что угодно узнать через него и со всеми увидеться. Тут не только звук, ещё и видеокамера есть.

— Ишь чё напридумывали, — всплеснула крыльями Глаша, — откуда ж мне про такое знать? Я ведь ненадолго выхожу. Прокукую – и домой. Там, знаешь, тоже дела – прибраться надо, за механизмом проследить, в общем, занятая я очень. А ты зачем повторял-то за мной? Или спросить чего хотел?

— Честно говоря, я тут случайно услышал, как ты сама с собой разговаривала. Вроде ругала кого-то. Так может, помогу чем-нибудь? — участливо спросил Том.

— Да чем тут поможешь? — вздохнула кукушка. — Спят, окаянные, спят – не просыпаются. Всё им, видите ли, не интересно!

— Кто спит-то? — не сообразил кот.

— Кто-кто? Часы! — Птица крылом захлопнула позади себя дверцу домика, обрадовавшись возможности поделиться переживаниями. — Ни поддержки мне, ни участия. Глазоньки свои откроют, вымолвят что-нибудь нечленораздельное вроде «Тёмен мир и жизнь скудна!» и снова спать устраиваются. Ни поговорить со мной, ни поинтересоваться чем. Оне, баре благородные, спят, а я всё кукую! А я ведь тоже, не птенец какой, чтобы сто лет так надрываться. Сил моих нет больше! Охрипну, наверное, скоро, — расстроилась Глаша.

— Не грусти, кукушечка, я что-нибудь придумаю, вот увидишь, - попытался утешить её Том.

— Придумщик какой нашёлся, что ж до тебя за сто лет ничего не придумалось?! — довольно грубо осадила кота кукушка и сразу же пожалела о сказанном. Ведь до сих пор никто не предлагал ей помощь. Глаше стало стыдно за свою бестактность.

— Неужто и правда сможешь, не обманешь? — уже более мягко спросила птичка.

— Конечно! На то мы и гаджеты, чтобы придумывать и помогать, — ничуть не обиделся собеседник.

— Гад... что? — переспросила совсем растерявшаяся кукушка.

— Да уже неважно. Главное – ты не огорчайся так, выход всегда есть, — ласково ответил Том.

На том они и попрощались. Глаша втиснулась в свой домик, а котик выключился. Никто не знает, что он там придумывал и что искал в глубинах интернета целые сутки, но на следующий день, когда ровно в полдень Глаша, как всегда, прокуковала с хрипотцой свои двенадцать «ку-ку», айпад снова включился.

— Ку-ку! — сказал кот и захихикал.

— Добрый день, Том, — тихо сказала кукушка, — как дела в твоей паутине?

— У меня всё отлично, получил обновления, — бодро ответил виртуальный котик, — а ты что опять такая печальная? Снова часы в полночь бредили?

— Говорить даже не хочется, — ворчливо пробубнила кукушка. — Как обычно, проснулись их величество в полночь, и заявляют: «Быть или не быть? Вот в чём вопрос!» И снова спать завалились. Совсем, видать, у них шестерёнки съехали, — вздохнула Глаша, — на мне только всё и держится. Нет, ну куда это годится? Уйду, ей-богу, уйду. Пусть без меня тут сами кукуют!

— М-да... непросто тебе, — посочувствовал кот, — ну да ладно, есть у меня одна идея. Попробуем разбудить твою спящую красавицу, то есть спящие часы.

— Это как? Поцелуем истинной любви? Не буду я их целовать! — запротестовала Глаша.

— Не надо никого целовать, — улыбнулся Том, — всё гораздо проще. Ты говоришь, что часы просыпаются от музыки, звучащей в полночь?

— Ну да, только от неё, — кивнула кукушка.

— Так вот, я тут скачал одну программку в интернете, можно любую музыку найти по звучанию. Сегодня в полночь я запишу звучащий в часах фрагмент через микрофон и найду её в интернете. А завтра утром мы с тобой эту музыку включим всю целиком, да погромче. Может, твои часики, наконец, окончательно проснутся.

— Пожалуй, неплохая идея, — согласилась Глаша, — давай попробуем, авось и получится.

И вдохновлённая птичка спряталась за крошечной дверкой. Айпад выключился, а в квартире вновь настала тишина, сопровождаемая тиканьем часов и едва слышным поскрипыванием пожилого маятника.

На следующее утро кукушка с нетерпением ждала, когда включится этот странный плоский домик, в паутине которого живёт приветливый кот. Но вот экран айпада загорелся, и появился сияющий Том.

— Привет, кукушечка!

— Здравствуй, Том! Ну что, получилось? — разволновалась кукушка.

— А как же! — обрадовал её кот. — Всё ночью записал и музыку эту отыскал. Знаешь, какая красивая ме-

лодия! Неудивительно, что часы просыпались, я бы тоже проснулся. Осталось только включить.

— Так включай, чего медлишь? — попросила кукушка.

Том включил музыку и прибавил звук. Зазвучала волшебная мелодия. Через десять секунд внутри часов что-то зашуршало и сонный голос, зевая, удивлённо произнёс:

— О-о! Неужели рассвело? Как славно!

— Ну наконец-то! — всплеснула крыльями кукушка. — Не прошло и ста лет! Вы хоть помните меня?

— Глаша! — обрадовались часы. — Ну конечно, помним! Мы же недавно виделись. Но ночь была такой длинной! Мы всё ждали, когда же наступит утро.

— С добрым утром!!! — съехидничала Глаша. — К вашему сведению, пока вы утра ждали, уже сто лет минуло!

— Неужели? Не может быть... — огорчились часы, — как же так?! А мы всё ждали, когда наступит рассвет и появится вдохновение! И...

— Вдохновение?! Да пока вы ждали свою музу, я тут куковала как оглашенная, и ни тебе помощи, ни сочувствия, — упрекнула часы кукушка.

— Да уж, — хихикнул Том, — некрасиво получилось.

— Но мы же не специально! Просто ночь была такой длинной, тёмной и невероятно скучной. А грядущее утро сулило так много перспектив! — оправдывались часы. — И мы всё ждали, ждали, ждали... а оказывается, прошло так много лет... Ох, как мы виноваты! Ты уж прости нас, Глашенька, мы были глупыми эгоистами... нам ужасно стыдно!

— Нам ужасно стыдно... — смешным голосом передразнил Том.

— А кто это тут дразнится? — смутились часы.

— Это Том, говорящий кот, — уже успокоившись, пояснила кукушка, — он живёт во всемирной паутине, а домик его называется айпад.

— Подумать только! — запричитали часы. — Какие странные и поразительные события тут происходят! Как тут солнечно и так много любопытного! Ах, сколько же времени мы потеряли! До чего же много пропустили! Какая жалость...

— Ладно, ребята, вы тут уже сами разбирайтесь, а мне пора обновления устанавливать, — сказал кот, — увидимся завтра. Только вы больше не засыпайте! — Том помахал часам лапой и отключился. А часы не переставали бормотать, ахая и охая от новых впечатлений:

— Как удивительно! Ах, как красиво! Ох, как интересно и хорошо!

Кукушка хитро улыбнулась и тихонько спряталась в свой домик, оставив часы восторгаться действительностью. Через пятнадцать минут наступит полдень и птичке пора куковать. Надо бы успеть отдохнуть, ведь она так переволновалась. Но теперь Глаша была спокойна. Она была уверена: вряд ли часы захотят спать в ближайшие сто лет, ведь им ещё предстояло узнать столько нового! А это означало, что кукушечка больше не будет одинока.

Мария Сидлер

Счастье – это мимолетное и эфемерное, очень личное самоощущение каждого человека… И только материнское счастье – бесконечное и трепетное чувство, рожденное из любви к своему ребёнку…

Маша Сидлер – это псевдоним. Я взяла псевдонимом фамилию прабабушки. Она была человеком удивительным, со сложной и трагической судьбой… У неё было восемь детей. Нас с ней роднит то, что она тоже в первую очередь была мамой.

Я – это мои дети. В общем-то, я писать начала для них… Сказки.

Но я пишу не только детские сказки. Рассказы для взрослых о любви, о жизни, о счастье и о других, таких обычных, но таких важных для каждого человека вещах, тоже занимают важное место в моем творчестве.

А еще… Еще я мечтаю написать роман о своей прабабушке.

Один счастливый день,
или Иллюзия

В детстве девочки играют в «семью понарошку», взрослыми в эту игру начинают играть мужчины...

Двое сидели на берегу пруда, подстелив огромное покрывало. Поверх его, на импровизированной скатерти из салфеток, лежала разная снедь. В душном летнем воздухе явственно разливался освежающий запах арбуза. Моложавый мужчина с тронутыми сединой висками со вкусом впился в сочную мякоть. Сок красноватыми ручейками потек по рукам и весело закапал на шорты.

— Черт...

— Да ерунда! — молодая женщина с обожанием посмотрела на своего спутника, затем аккуратно промокнула салфеткой пятно на штанах и вытерла его руки.

К ним подбежала белокурая девочка лет пяти:

— Мам, я арбуза еще хочу!

— Садись, сейчас отрежу! Только кушай осторожно, а то папа уже перепачкался.

— Папа! — с восторженным криком вторая малышка, по виду не старше трех лет, повисла на шее мужчины. Она смешно выговаривала слово «папа», делая ударение на последний слог. У девчушки были каштаново-рыжие волосы, аккуратно подстриженные в форме каре. Непослушная прядь лезла ей в глаза, и она нетерпеливо дернула головой.

— Катюшка! Опять заколку стащила, маленькая хулиганка! — мужчина с нежностью подхватил девочку на руки и усадил на колени. Потерянная заколка сыскалась в кармашке сарафана. Папа сделал попытку заколоть дочери челку.

— Не! Не! — девочка принялась выкручиваться из папиных объятий.

На помощь пришла мама, и заколка была водружена на место. Маленькая Катя схватила из

миски оладушек и снова удобно устроилась у папы на коленях.

В завершение идиллической картинки семейного отдыха из кустов выбежала рыжая собака. Радостно виляя острым хвостом и всей задней половиной своего длинного тела, такса попыталась пристроиться под руку хозяину, попутно откусив от оладушка маленькой хозяйки.

Все дружно рассмеялись. Собака, обрадованная такой реакцией людей, удвоила усилия и влезла под мышку мужчины.

— Эй! Барон! Ты обнаглел! — безо всякого раздражения пожурил он собаку и, поудобнее обхватив пса рукой, принялся чесать за ухом. Собака заулыбалась.

Катюшка доела оладушек и вскочила на крепенькие ножки.

— Валя! Пошли! — требовательно позвала она старшую сестру. Та в ответ промычала что-то нечленораздельное – рот занимал арбуз. Корка казалась огромной зеленой улыбкой на лице девочки. Когда она отняла ее от лица, улыбка стала красной от уха до уха. Мама достала новые салфетки.

— Валь, давай вытру тебя и идите поиграйте с Катей!

Оттерев ребенка, мама аккуратно собрала мусор и спрятала в пакет. Дети с хохотом уже гонялись за мячом.

— Еще хочешь арбуза, любимый? — чуть игривым тоном спросила женщина.

— Не могу, Ань, объелся! — мужчина похлопал себя по животу. — Ты бы сама поела чего, а то все сидишь, на меня любуешься... А что на меня любоваться, я такой же, как и всегда.

Мужчина по-хозяйски потрепал Аню по макушке. Рыжие волосы полыхнули на солнце. Женщина, точно большая кошка, подставила голову под ласковую руку. Казалось, что еще чуть-чуть – и она замурлычет от удовольствия.

— Сань, да я как-то не хочу есть... Лучше расскажи что-нибудь... Или змея давай запускать! Я взяла с собой. Девчонкам понравится!

— Ладно, вот только поцелую тебя, пока они за кусты сбежали. Барон, отвернись!

Саша спихнул собаку и потянулся к Ане. Барон обиженно повилял хвостом и помчался к детям, оставив хозяев наедине. Поцелуй перерос в сладостный Анин стон.

— Сашка, я так по тебе соскучилась! — она с трудом оторвалась от мужчины.

Тот продолжал нежно гладить худенькие плечи, задумчиво перебирал медное золото волос.

— Я тоже... Тоже по тебе скучал. И по девочкам скучал. По Катюшке особенно соскучился... Даже по Барону! Но, ты же понимаешь...

— Да...

— Пошли змея пускать, а то я за себя не ручаюсь, моя рыжая колдунья... А дети рядом! Но ничего, вот останемся вдвоем... — Саша крепко сжал Анины плечи.

Аня счастливо засмеялась, чувствуя себя желанной и любимой.

Вытащив яркого воздушного змея, молодые люди побежали к детям.

— Валя! Катя! Папа сейчас змея запускать будет!

Девочки завизжали от восторга. Барон, не понимая, отчего люди подняли такой шум, но желая не отставать, звонко залаял. Через минуту пестрый змей легко взмыл в летнее небо, расправив ленты на хвосте. Он легко и свободно набрал высоту и будто замер, пораженный красотой открывшегося внизу вида. Саша ловко маневрировал бечевкой, Аня с дочерьми хлопали в ладоши и от нетерпения подпрыгивали на месте.

— Папа! Ну папа! Дай подержать!

— Я! Я!

— Саш! Пусть девочки по очереди подержат змея! А потом я!

Барон носился по траве и непрерывно лаял. Наверное, тоже хотел пускать змея.

Потом пили холодный чай с остатками оладий, дружно доедали арбуз. Саша смастерил из пустой половины арбуза маску наподобие хеллоуинских – получилось смешно. Они по очереди примеряли маску, а собака тут же начинала рычать на того, кто ее надевал, – глупый, он не понимал, куда прячутся его хозяева!

Вечер подкрался незаметно. Последнее солнышко зазолотило пруд и траву вокруг. Ане не хотелось уходить с берега, не хотелось, чтобы день заканчивался... Но от воды уже потянуло прохладой, девочки, притомившись, сидели на покрывале и клевали носами. Аня начала собирать вещи. Саша помогал. Потом была дорога домой в мягких сумерках. Катюшка ехала на плечах у папы и изображала лихую наездницу, временами пришпоривая его. Аня со старшей дочерью вели задушевную беседу о комарах: Валю страшно интересовало, откуда они берутся, где живут и почему кусаются. Барон пробирался по ближайшим кустам, играя в ночного охотника.

Отвечая на вопросы дочерей, перекидываясь шутками с любимым, присматривая за собакой, Аня расслабленно думала, что сегодня очень счастливый день. Как-то даже слишком. Просто картинка из глянцевого журнала о счастливой семье... Идеальная формула счастья.

В подъезде было очень тихо: вероятно, большинство жильцов сидело в выходные по дачам. Саша вызвал лифт. Семейство молча ожидало, когда он, прогремев по этажам, доедет до низа. Наконец двери раскрылись и Аня с девочками первыми шагнули в тесное помещение. Барон не любил лифт, но так стремился домой, что без понуканий забежал следом. Саша остался стоять на площадке.

— Ань... Я не смогу сегодня с вами остаться. У меня жена с дочерью из отпуска вернулись... Я на следующей

неделе что-нибудь придумаю, чтобы с вами побыть. Берегите себя! Пока!

Двери лифта медленно закрылись. Аня с усилием улыбнулась дочерям, стараясь сдержать слезу, так и норовившую выкатиться из-под длинной рыжей челки.

— Папе сегодня надо еще поработать... Он... завтра придет.

Старшая Валя напряженно молчала. Маленькая Катя вздохнула. "Вот и кончился счастливый день... Поиграли в семью – и хватит..." — эта мысль навылет прострелила Аню. Барон заглядывал в глаза хозяйкам, не понимая, почему самый главный человек остался там, за дверьми...

Бумеранг

На единственной в сквере кособокой скамейке сидел старик. Сидел он так же криво, как замерла эта чудом уцелевшая скамейка. На лице его застыло выражения безнадежности. Старик плакал. Слез не было, но глаза выдавали внутренние беззвучные слезы души.

В конце дорожки появилась молодая женщина с коляской. Она старалась идти, гордо подняв голову, но время от времени будто что-то толкало её в спину, и плечи опускались, голова склонялась. Похоже было, что молодая мама плакала. Поравнявшись со стариком, она молча опустилась на краешек скамейки, смахнула украдкой вновь набежавшие слезы.

— Здравствуй, папа, — произнесла она.

— Здравствуй, дочка... Как ты? — старик посмотрел на дочь взглядом, полным страдания.

— Никак, пап... Как можно себя чувствовать после предательства? Он ушел... — женщина прерывисто задышала, пытаясь справиться с рыданиями. Механически она продолжала качать коляску, и побелевшие от

напряжения костяшки её длинных тонких пальцев выдавали степень волнения.

Из глаз старика медленно покатились слезы.

— Но ведь он любил тебя... Это же очевидно, что еще месяц назад вы были счастливы... Катюша, он сказал почему так все изменилось?

— Сказал, что вдруг встретил другую и увлекся ею. Что у нас, конечно, все хорошо, но его перестало устраивать что-то во мне – слишком устаю, слишком занята ребенком, слишком раздражаюсь, слишком много сидим дома... Мы для него *слишком*. Ему стало скучно. Там же, видимо, женщина-праздник. Как я когда-то была лучом света в его сером царстве, так сейчас она такой же луч.

Старик дернулся на скамейке, словно от пощечины. Воспоминания – грустные, вязкие – обступили его со всех сторон...

...Мама Кати тоже была для него рыжим лучом в сером мраке семейной жизни. Их роман закрутился неожиданно и мог бы остаться обычным служебным, если бы не беременность Маши. Она категорически хотела этого ребенка и готова была остаться с ним даже одна. Конечно, он не мог этого допустить, но для этого ему пришлось разрушить собственную семью.

Жена тяжело его отпускала. Вроде и отношений особых давно не было, но может, все-таки любила? Какое-то время тянул две семьи. Потом жена устала и отпустила, старшая дочь Оксана с болью, но приняла такой расклад, Маша же приняла его с чемоданом безоговорочно и была счастлива. Все устроилось. Подрастала маленькая Катюшка, Маша хлопотала по хозяйству и любила его и ребенка. Но однажды он, обнаружив себя на диване в их с Машей доме, понял, что ему скучно влачить тихое семейное счастье. Так же как скучно стало ему когда-то в первой семье.

И увлечение не заставило себя долго ждать – снова закрутился роман. Он видел, как погибала от горя Маша, но собственные желания оказались сильнее – он

ушел. Ушел, разбив семью новой женщины, ушел воспитывать чужих детей. Хватило, правда, ненадолго. Чужие дети оставались чужими, женщина оказалась тоже обычной – с теми же хлопотами, раздражением после трудного дня. И снова накрыла скука... А женщина вернулась к мужу. Вот только ему дальше идти было некуда и возвращаться не к кому.

Так и жил он с тех пор один, радуясь редким встречам с дочками – они выросли, у каждой своя жизнь. Вот только и у дочек она не ладится. Старшая все никак замуж не выйдет – боится обжечься, как когда-то мама, боится серьезных отношений. Разводит собак и уверяет, что счастлива. Младшая вроде бы нашла своё счастье... Но, как выяснилось, ненадолго...

Старик утер слезы.

— Катюша, давай я с ним поговорю, а?

— О чем, пап? О чем ты можешь поговорить с Костей, если сам такой же? Или забыл? — слова дочери ранили в самое сердце.

— Нет, дочка, я все помню. И как обидел Марину с Оксаной, и как вас с мамой... Вот поэтому и хочу рассказать свою историю... Может, поймет.

— Не знаю, стоит ли. Все слепы и упрямы в своем сиюминутном счастье. Никто же не думает, что будет через месяц, год или два. Как аукнется сегодняшний поступок. Никто же не хочет замечать страданий других, — в голосе Кати звучала горечь.

— Это бумеранг. И теперь он долетел до тебя. Твоя мама говорила, что мой уход от вас – это наказание за первый разрушенный брак... И в третий раз отношения мои не сложились – уже из-за того, что предал вас. У меня давно нет никаких отношений, а бумеранг все летает...

— Правильно Оксанка замуж не выходит, видно, понимает, что бумеранг папочки и до нее долетит, — Катя грустно улыбнулась и крепче сжала ручку коляски, поднимаясь со скамейки. — Ладно, пап, я пошла, а

то малышку скоро кормить, а я еще на кладбище к маме хотела сходить...

Старик тихо произнес:

— Можно я с тобой? Хоть прощения попрошу...

— Зачем ей сейчас твое прощение? Она просила, чтобы ты никогда не приходил на её могилу. Так что... Извини.

Старик заплакал. По изборожденным морщинами щекам лились крупные слезы.

— Я ведь так и не успел тогда прощения у нее попросить, я ведь хотел вернуться... Я любил её.

— Пап, не надо. Ты помнишь, как она страдала после твоего ухода. Наверное, ей там хорошо, спокойно. Жаль, я без матери росла. Да и без отца, считай. Спасибо бабушке – она тебя на порог не пускала. Хотя я даже тогда её понимала в чем-то – ты виноват в смерти мамы.

— Дочка... — от рыданий старик не мог произнести ни слова.

— Извини, пап, за резкие слова. Вырвалось. Я тебя люблю, не смотря ни на что. Но за маму простить не могу. И за нашу разрушенную семью тоже. Я хоть и маленькая была, но помню, как нам было классно всем вместе. Пока... сам знаешь. Радуюсь, что в моей жизни эти же события произошли, пока дите крохотное еще. Не будет помнить, кто его бросил. Так что не надо, не говори с Костей. Если сам одумается в ближайшее время – прощу. А нет, так и сами справимся. Пока, я позвоню завтра, — Катя клюнула губами в морщинистую соленую щеку и, повернувшись к отцу спиной, покатила коляску к выходу из сквера.

Старик смотрел ей вслед. В груди медленно разливалась невыносимая боль. Он схватился рукой за сердце, хотел крикнуть вдогонку дочери, но боль схватила его железной клешней и не давала пошевелиться. «Маша...», — только и успел подумать он.

Короткие сказки о счастье
(*избранное из цикла*)

Сказка о зонтике

Жил-был на свете зонтик, который больше всего на свете боялся дождя. Стоило только его вынести на улицу в ненастную погоду, как он сразу ломался. И никто и ничто не могло заставить его открыться и защитить своего хозяина от сырости. Зонтик дрожал, вырывался, даже наизнанку выворачивался, если холодные капли попадали на его чувствительный купол. Поэтому зонтик забросили на антресоль и не доставали долгое-долгое время. Конечно, зонтику было скучно лежать в пыли и темноте, но его утешало, что больше не надо мокнуть под дождем.

Но однажды... Однажды дверца антресоли распахнулась и зонтик извлекли на свет. Бедняга, он уже приготовился снова страдать от непогоды, но... На улице во всю светило солнышко. Зонтик открыли, и теплые лучи согрели его душу. Каждой спицей он старался растянуться как можно шире, чтобы не упустить ни одной капли солнечного тепла и света.

— Ну вот, — удовлетворенно сказала его новая хозяйка, — теперь ты будешь солнечным зонтиком! Как хорошо идти в прохладе твоей тени!

Сказка о ржавом ключе

Ржавый ключ валялся в темном душном ящике, в самом его дальнем углу. Все давно про него забыли, и ключу оставалось только тихо покрываться бурыми пятнами, вспоминая былое...

А ведь когда-то он мог легко открыть заветную дверь! Одну единственную. Самую красивую, надежную, важную... Хозяин так его берег! Всегда носил с собой на тонкой золотой цепочке, бережно протирал бархатной тряпочкой, ласково разговаривал с ключом.

— Ты подарил мне счастье! — говорил Хозяин. — Сделал меня самым счастливым человеком на свете!

Все изменилось в один день. Заветная дверь вдруг перестала открываться. Ключ скрежетал в ней, но, увы, дверь оставалась запертой.

Тогда Хозяин снял ключ с цепочки и небрежно бросил в ящик стола. Позже он еще несколько раз извлекал ключ из темноты и даже пытался открыть им другие двери. Но к тем, другим дверям ключ не подходил вовсе. И тогда Хозяин окончательно забросил ключ в самый дальний угол и оставил покрываться ржавчиной... Потому что та, единственная, ушла из его жизни, захлопнув навсегда дверь своего сердца...

Сказка о чайнике

Каждый раз, когда семейство собиралось садиться пить чай, старый эмалированный чайник начинал петь свою самую веселую пыхтящую песенку «Пых, пых, пых!».

И все знали, что чайник радуется тому, что сейчас вся семья соберется в гостиной за круглым столом, накрытым старомодной белой скатертью. И посредине будет возвышаться сам чайник, рядом гордо вкинет острый носик его приятель – заварочный чайничек, а вокруг замрут хрупкими балеринами фарфоровые чашечки. И всем будет весело, и уютно, и вкусно пить ароматный чай...

Как-то утром на кухню принесли белого пластикового красавца – электрический чайник. Новый чайник был такой гордый, что никогда ни с кем из кухонной

утвари не разговаривал и уж тем более не пел песен для обитателей квартиры. Он быстро, деловито и молча кипятил воду, а затем отключался. И как-то так получилось, что семья все реже стала собираться за круглым столом. И старомодную скатерть убрали в комод. Домочадцы суетливо плескали кипяток в большие аляповатые чашки, макали пакетики и торопливыми глотками выпивали получившуюся жидкость, стоя около кухонного стола...

Эмалированный чайник стоял совсем пустой и больше не пел свои пыхтящие песенки. Он тосковал по теплу и уюту былых чаепитий.

Электрический гордец был так самоуверен, что как-то раз попросту перегорел. И все тогда вспомнили об эмалированном чайнике, и наполнили его свежей водой, и поставили кипятиться. Сначала чайник пел сердитую песенку «Пых-чих, пых-чих!». Это он немного дулся на обитателей дома за то, что они так долго про него не вспоминали. Но когда семья достала из серванта остроносый заварочный чайничек и хрупкие фарфоровые чашечки... А из комода – старомодную скатерть... Тогда в доме стало вновь тепло и уютно, и чайник снова запел свою самую веселую пыхтящую песенку «Пых, пых, пых!».

Сказка о волшебных очках

Это были удивительные очки! Глаза в них видели исключительно хорошее. Да! Да! Не просто *хорошо*, а именно только *хорошее*. Потому что все плохое очки умели отдалять от глаз, считая, что тем самым они помогают. Ведь очки выписал доктор для помощи двум замечательным голубым глазкам.

Так зачем же портить настроение подопечным, показывая уродливых людей, или хмурое небо, или чужие беды, или дырку на чулке? Нет, очки показывали лишь

красивых юношей и девушек, солнечные деньки и улыбки окружающих.

В один прекрасный день очки, как всегда, отдалили плохой участок дороги от смотрящих под ноги глаз. И хозяйка этих самых глаз упала прямо в грязную лужу. Очки от неожиданности слетели с носа, и глаза вдруг увидели серое низкое небо, грязные потеки на пальто, равнодушных хмурых людей, снующих мимо. И тогда глаза заплакали. Все оказалось не так радостно в окружающем мире, как им виделось раньше. Хозяйка выудила очки из лужи и попыталась водрузить на нос, но тут глаза заметили трещину на обоих стеклах. И заплакали еще сильнее. Никогда! Никогда не будет прежнего хорошего окружающего их мира!

Неожиданно около лужи остановился прекрасный юноша и, улыбаясь, протянул хозяйке очков руку, чтобы помочь подняться. А потом бережно повел домой. И по дороге глаза увидели веселые, беззаботные и открытые улыбки детей, добрые морщинистые и мудрые лица стариков. И солнце, пробивавшееся сквозь тучи. И последние осенние цветы на клумбе.

Оказалось, что мир и без волшебных очков яркий и красочный, разнообразный и многогранный. А неприятности... Что ж, они только подчеркивают его образность...

Сказка об окне

За стеклом всегда были враги. Они ждали малейшей лазейки, чтобы многомиллионными войсками втиснуться в пространство комнаты и завоевать всех ее обитателей.

Окно охраняло свою территорию лучше любого сторожа. Оно не пускало внутрь беспощадные лучи солнца, закрываясь от них тяжелыми портьерами. Оно защищало вверенное его охране пространство от холо-

да, затыкая ватой все щелочки. Оно плотно закрывало свои створки от назойливых насекомых. Оно не разрешало смотреть на улицу детям, чтобы они не увидели ничего неподобающего.

Это было строгое, надежное окно.

Но там, за окном давно началась весна! И птицы хотели, чтобы их песни услышали все-все, даже те, кто прятался за окном! А легкий ветерок мечтал выдуть затхлый воздух из комнаты за пыльным стеклом! Радуга мечтала бликами отразиться в окне, чтобы дети смогли полюбоваться на нее! Солнечный зайчик стремился попрыгать наперегонки с кошкой на подоконнике!

Но окно лишь плотнее сжимало свои створки, точно ворчливая старушка губы, и плотнее запахивало занавеси.

И те, за окном, рассердились! Ветер дунул из всех сил, луч солнца вклинился в самую маленькую щель, а птицы с гомоном начали толкать створки внутрь...

И окно не выдержало натиска! С треском распахнулись створки, жалобно звякнули стекла. Свежий воздух наполнил комнату ароматами цветов, солнце осветило все закоулки темной комнаты... И обитатели комнаты поняли, что там, за окном нет ничего страшного. Там живут друзья, а не враги. Да и самому чисто вымытому весенним дождиком окну понравилось, как радуга бликует всеми своими красками в его стеклах!

Записки Тяпы

Про СЫМЫСЫ

Сегодня плохой день. Я подралась в детском саду, и воспитательница меня наказала, хотя обычно Инна Васильна редко ругается. Она добрая. Но почему-то сегодня она очень сердилась на меня за то, что я стукнула Ваську. И даже обещала рассказать обо всем моей маме. Но я и сама обязательно маме все расскажу, потому что я не просто так Ваську ударила, а за то, что он не поверил, что у меня есть папа. А я точно знаю, что папа у меня есть. Только я его еще не видела. Мама говорит, что видела, но просто не помню. Значит и Васька просто *не помнит* моего папу. Васька живет в нашем доме и обязательно должен был встретить моего папу. Но Васька сказал, что никогда его видел, значит, его *нет*, а моя мама все выдумывает. Но я не поверила и очень рассердилась на то, как он обидно засмеялся. Взяла лопатку из песочницы и стукнула его по лбу. Васька заплакал и побежал жаловаться Инне Васильне. А я подумала: если у меня *нет папы*, то тогда от кого мама каждый день передает мне приветы? С кем же я разговариваю вечером по телефону, если только не засыпаю раньше, чем по телевизору начинаются «Смешарики»? Мама говорит, что у нас особый папа – он *всегда* очень сильно занят. Еще мама говорит, что папа приходит к нам, но только я уже сплю, а когда уходит – я еще сплю. А еще мама почти никогда не расстается со своим *мобильником* и часто на него смотрит. Она ждет писем от папы. Только я забыла, как такие письма называются... Какое-то короткое смешное слово... Кажется, *сымысы*... Точно! Мама сказала, что это от слова *смысл,* – письмо можно написать такое короткое, что в нем умещается только самое важное.

Вечером мама рассказывала мне о том, как она была маленькой. Она часто про это рассказывает, а я очень люблю слушать, потому что это так интересно – представлять маму такой же, как я. Она сказала, что в детстве вела дневник и записывала в него все-все свои мысли и все-все, что с ней случалось за день. А попросила ее записывать и мои мысли тоже, потому что я сама пока писать не умею, а мыслей у меня много и надо же их куда-то девать?

Про папин голос

У меня на столе в рамке стоит фотография моего папы. Но мне иногда кажется, что он – это только голос. Очень спокойный, приятный голос, похожий на бархатную бумагу, из которой мы делаем аппликации в детском садике. И папин голос гуляет сам по себе где-то по телефонным проводам... Я даже однажды взяла мамины маникюрные ножницы и разрезала провод в нескольких местах. Я тогда еще была совсем маленькая и думала, что папа просто заблудился где-то там, а я смогу его спасти. Мама даже не очень сердилась за испорченный провод, а просто позвала какого-то дяденьку, который прибил к плинтусу новый и погрозил мне пальцем, чтобы я больше не баловалась. А потом у мамы появился маленький телефончик, и она сказала, что это *мобильник* и папа теперь сможет позвонить нам в любое время, даже если мы гуляем или поехали к бабушке. Только в детский сад он не сможет позвонить, потому что маленьким детям с такими телефонами играть нельзя. А я и не расстроилась ни капельки, что нельзя. Я была рада, что папин голос теперь будет всегда *жить* у мамы в кармане, в маленькой пластмассовой коробочке. Теперь, когда папа звонит, у мамы из кармана играет такая приятная, немного грустная мелодия, мне она очень нравится. В телефоне папин голос очень хорошо слышно, как буд-

то он совсем рядом. Я люблю, разговаривая с ним, закрыть глаза и думать, что он говорит со мной из другой комнаты. И еще появились эти *сымысы*! Мама сказала, что скоро научит меня читать и я сама смогу прочесть папины *сымысы*. А пока мама сама мне рассказывает, что сейчас папа написал. Чаще всего он пишет, что «занят, позвонит позже и крепко целует Тяпу». Тяпа это я.

Про игру в индейцев

С Васькой у нас началась война! Тоже мне, друг называется! Наябедничал Инне Васильне, а меня теперь гулять дальше веранды не отпускают. Я к Ваське подошла после прогулки и сказала, что раз он такой ябеда, я не буду больше приходить к нему домой по субботам играть. А он сказал, что и не надо, потому что он не хочет больше делиться со мной своим папой.

Васькина мама по субботам работает, и с ним сидит папа. А я обычно прихожу к ним после обеда, и мы все вместе играем до самого вечера. Мама говорит, что это большая удача, что Васькин папа с нами занимается, потому что она в это время успевает переделать все дела и я не путаюсь у нее под ногами. А Васькин папа тоже говорит, что это удача – он в выходные может повозиться с «малышнёй» (это так он нас с Васькой так называет). И еще он говорит, что хорошо, когда я к ним прихожу, потому что он очень хочет иметь двоих детей, причем вторую обязательно дочку, а Васькина мама, тетя Катя, никого больше не хочет. Я случайно услышала разговор Васькиного папы с моей мамой. Мы играли в прятки, и я спряталась в шкаф в прихожей, а тут пришла моя мама и они с Васькиным папой разговорились. Мама все время повторяла «Спасибо!», а Васькин папа жаловался, что ему не хватает еще одного ребенка, поэтому мне он всегда очень рад. На са-

мом деле с Васькиным папой здорово играть. Особенно в индейцев. Мы мажемся тети-Катиной помадой, вставляем в волосы перья из хвоста попугая, бегаем по квартире и громко кричим. У меня громче всех получается. Но Васька говорит, что это девчачий визг, а не зов настоящего индейца. Интересно, а мой папа умеет играть в индейцев?

Про то, откуда берутся дети

Противный Васька разболтал всем в нашей группе о том, что у меня нет папы. Некоторые ребята начали надо мной смеяться. Но тут оказалось, что я не одна такая, которая *не помнит* своего папу. Есть даже ребята, кто о своем папе *не знает вообще ничего*. И они уверены, что пап у них никогда не было. Но я думаю, что так не бывает. Ведь в капусте детей не находят, и даже аист отказался их приносить, как сказала моя бабушка. Она еще добавила еще что-то про пробирки, в которых детей сейчас начали выращивать, но я ей не поверила. Я же вижу на улице совсем маленьких детишек, которых их мамы возят в колясках, и пробирки я в поликлинике видела, когда мы с мамой ходили сдавать кровь, поэтому совершенно точно уверена, что ребенок там не поместится. Просто бабушка старенькая, и мама иногда говорит, что она «не дружит с головой». Только я не понимаю, как со своей головой можно поссориться? Стукнуть, что ли, себя лопаткой? Наверное, бабушка что-то напутала. Папы есть у всех, только у некоторых пап, наверное, нет совсем никакого телефона, и они не могут звонить своим детям. Или они еще больше заняты, чем мой папа.

Я один раз спросила Ваську: «Васька, скажи, а если ты видишь своего папу часто, то, значит, он бездельник?» Он задумался, а потом сказал, что, наверное, да, потому что их мама так часто называет папу. Особенно когда они с Васькой в субботу забывают пропылесосить.

Про хомячка

Инна Васильна привела к нам в группу детского психолога. Потому что у нас в группе «конфликт на семейной почве». Это она психологу так сказала. Я точно не знаю, что такое *конфликт* (надо будет вечером спросить у мамы), но он случился вчера, когда мы всей группой гуляли на площадке. Сначала Кирилл обозвал Игоря *безотцовщиной*. Игорь обиделся и толкнул Кирилла, а тот ударил его в ответ. А я не смогла удержаться и кинулась на помощь Игорю, потому что он из тех, кто *не помнит* своих пап. На помощь Кириллу бросился Васька. А потом и все остальные ребята тоже к нам прибежали... И Инне Васильне пришлось позвать дворника дядю Толю, чтобы он помог нас растащить. И вечером Инна Васильна долго и сердито что-то выговаривала всем родителям, которые приходили забирать нас из садика. А потом мама плакала дома, зашивая мою кофту и намазывая какую-то вонючую мазь на синяк у меня на скуле.

Детский психолог сидел полдня у нас в группе за столом Инны Васильны и вызывал по одному ребят к себе. Наверное, Инна Васильна так нас наказала – мы целую неделю не будем ходить в бассейн, а вместо этого будем заниматься. Если это так, то это самое ужасное наказание, какое она могла придумать. Потому что психолог очень противный. И совсем не любит детей – у него брезгливый вид сделался, когда Петька начал икать. Петька всегда икает, когда боится чего-нибудь.

Когда дошла очередь до меня, то я долго не хотела идти, но Инна Васильна была такая грустная, что мне стало ее жалко и я подошла. Дядька-психолог задавал мне какие-то глупые вопросы: знаю ли я, что такое семья? И живем ли мы с мамой всегда одни или к маме кто-то еще приходит, например, другой дядя, не мой папа? И еще: как часто мне звонит мой папа и что он обычно говорит? А я его спросила: «У вас хотя бы хомячок дома живет?»

Про куклу

Сегодня наступило воскресенье, и это день моего рождения. С самого-самого утра у меня распрекрасное настроение. И не потому, что мама подарила мне замечательный подарок – попугая, такого же, как у Васьки (я почти целый год тайно ему завидовала и по всякому намекала маме, что бы мне больше всего хотелось в подарок). А потому, что рано утром мама пришла ко мне в комнату и прочитала папину *сымысы* о том, что он «обязательно приедет поздравить свою Тяпу». И мама тоже с самого-самого утра была в очень хорошем настроении. Она сказала, что раз день рождения только раз в году, то и подарков должно быть так много, чтобы хватило до следующего дня рождения! Мы с ней оделись и поехали в большой магазин за куклой, которую я увидела как-то по телевизору и тоже о ней мечтала. Чуть меньше, чем о попугае.

В магазине мы никак не могли найти отдел, где продавались *те самые* куклы. Но наконец мама заметила гору ярких коробок, и мы стали пробираться туда. Я смотрела на одинаковых кукол и никак не могла выбрать ту одну, которая захотела бы стать моей подружкой. А мама засмеялась и сказала, что это у меня глаза разбежались. Я даже незаметно потрогала свои глаза – никуда они не разбежались, сидят на том же месте, что и всегда. Мне все-таки понравилась одна кукла больше других, потому что она смотрела прямо на меня из своей коробки и, кажется, хотела уйти из магазина вместе со мной. Кукла стояла далеко, и я за ней потянулась. И вот тут-то все случилось. Я уже взяла желанную коробку и вдруг услышала знакомый голос из телефона: «Тяпа, выбирай скорее куклу. Нам надо идти. У меня сегодня еще есть дела». Я ответила: «Уже выбрала!» Но тут мама позади меня ойкнула и сильно потянула за руку. Я оглянулась и увидела того, кому принадлежал голос из маминого мобильника. Почему-то я сразу поняла,

что *это и есть мой папа*. Только обращался он не ко мне. Рядом с ним, с таким же задумчивым видом, какой был у меня несколько минут назад, стояла другая девочка и оценивающе смотрела на гору кукол. А ее мама держала моего папу под руку и улыбалась...

Про исполнение желаний

Дурацкий день все тянулся... Куклу мы не купили. Мама проплакала всю обратную дорогу. А я *не плакала*. Я думала: «Значит, я не одна Тяпа у папы? Или вообще я *не Тяпа* вовсе?» Потом приехал папа. Конечно, уже один. И привез ту самую куклу. А может, и не ту. Может, именно ее выбрала *другая Тяпа*. А может, папа, проводив *другую Тяпу* домой, вернулся в магазин и взял первую попавшуюся куклу... Мне было все равно, потому что куклу из рекламы я больше не хотела. И папу не хотела видеть тоже. Они долго разговаривали с мамой о чем-то на кухне, а потом он пришел ко мне и сказал: «Извини, что так получилось... Аня. Когда ты немного подрастешь, надеюсь, что ты меня поймешь. Мы еще поговорим об этом. Я тебя люблю». А я поняла только одно – *я больше не Тяпа для него*. Папа ушел. Я пошла к маме на кухню, и мы вместе плакали, прижавшись друг к дружке. Потом мама вытерла себе и мне слезы салфеткой и сказала, что мы не будем больше плакать *никогда-никогда*, и что в день рождения начинается новая жизнь. И еще она сказала, что у нас *когда-нибудь* обязательно появиться *настоящий папа*, который не будет только голосом в телефонной трубке. Мама достала из кармана свой мобильник и выкинула его в помойное ведро. А я принесла ту самую куклу и сунула ее туда тоже. И мы пошли с мамой в комнату и сели смотреть мультики.

А вечером пришел Васька со своими родителями. Он так смешно смотрелся с длинной розой в руке и был такой смущенный, что я сразу простила его. Мы тут же

начали разрабатывать план, как помирить нашу группу в садике, а заодно избавиться от детского *психа* (это Васька его так обозвал). После того как все вместе мы напились чаю с маминым яблочным пирогом (я почти сразу задула все пять свечей и даже не забыла загадать желание), Васька шепотом поделился со мной большой тайной – оказывается, у него скоро родится братик или сестричка! Он это загадал на прошлый свой день рождения! А сегодня его мама скала его папе, что у них все-таки будет второй ребенок! Здорово!

Когда я уже лежала в кровати и мама пришла пожелать мне спокойной ночи, она спросила, какое желание я загадала на день рождения. А я ей ответила, что она обязательно узнает это, когда мое желание исполнится. Она засмеялась и ушла. А я все думала и думала: вдруг это слишком сложное желание – иметь счастливую семью, и чтобы мама с папой были вместе? Хотя у Васьки-то все сбылось...

Олег Велесов

Счастье не может быть общим, оно всегда индивидуально, поэтому писать на эту тему невероятно сложно. Даже просто высказать своё мнение и не свалиться при этом в банальность или предсказуемость практически невозможно, ибо при всём своём разнообразии счастье не только индивидуально, но и однородно.

Родился в России, живу в России, работаю в пожарной охране, пишу давно.

Рассказ «Счастье с другой стороны» занял 1-е место в номинации «Проза» конкурса «Птица-Счастье», организованного МСП «Новый Современник» и Московским Салоном Литераторов в 2015 г.

Счастье с другой стороны

Пахло яблоками. Тонкий, едва осязаемый аромат лёгкой волной накатил на окопы, вызывая к жизни воспоминания о домашнем уюте: кресло, камин, книга. Казалось бы, должно пахнуть гарью и землёй, в крайнем случае страданием, ибо ничем иным окопы пахнуть не могут. Но... пахло яблоками. Вербными. Кисло-сладкими.

Благодать. Яблочный аромат в такое время виделся отдохновением от усталости, от душевных тревог, неким оконцем в череде затянутых дымом и тоской дней, если хотите – радостью. Андреев закрыл глаза, попытался представить сад: яблоневый цвет, жёлтую дорожку и Катерину – белое платье, шляпка, плавный поворот головы. Ярко-алые губы...

— Вон туды глядь, вашбродь.

Андреев вздрогнул и открыл глаза. Фельдфебель Тугарев, приподнявшись над бруствером, указывал вперёд и вправо. Тощий кривой палец тыкался в сизый от влаги воздух как щенок в молоко – бестолково, но настойчиво.

— Вишь, вашбродь? Не иначе проволоку тянут. Ночи им не хватило.

Там, куда указывал фельдфебель, копошилось несколько размытых туманом фигур. Создавалось впечатление, что это призраки, которым действительно не хватило ночного времени, дабы покончить со своими призрачными делами. Что именно они делали, Андреев разобрать не мог, но в словах фельдфебеля сомневаться не приходилось. Тугарев опытный солдат, второй год на войне, и если говорит, что австрийцы тянут проволоку, значит, тянут, и ни о каком наступлении с той стороны думать не приходится.

Андреев покивал головой, соглашаясь, и вдруг спросил:

— Чувствуете запах?

Тугарев потянул носом; на лице отразилось недоумение, которое тут же сменилось пониманием.

— Так тут опосля тогдашней атаки покойнички остались, вашбродь. Сейчас ещё по-божески, а когда ветер в нашу сторону дует, такой смрад стоит, что хоть сам в могилу закапывайся. Гниют человечки-то.

От последних слов Андреева передёрнуло. Он поспешно вынул платок из кармана шинели, поднёс к лицу. Нет, разлагающейся плотью не пахло, всего лишь воображение. Но и запах яблок исчез – растаял, будто и не бывал никогда.

Увидев платок, Тугарев сочувственно причмокнул:

— Эк тя скрючило, вашбродь. Ну да ладно, после первого бою привыкнешь. Ты иди покудова в блиндаж, а я, коли чего замечу, сразу тебе донесу.

Андреев вздохнул: пожалуй, пожалуй, так. В общем-то, не было никакой необходимости в его присутствии здесь, и весь сегодняшний променад не более чем фарс, попытка в очередной раз доказать сослуживцам свою значимость, или нет – полезность; полезность на этой войне, в этом окопе, на этом отдельно взятом участке любви к Отечеству.

Не отнимая платка от лица, Андреев повернулся к боковому ходу и поспешил назад к блиндажу. Пусть австрийцы тянут проволоку, пусть Тугарев тычет пальцем в воздух – ничто из этого не имеет значения. Всего лишь будни, пустые армейские будни. К его личной полезности они никак не относятся, ибо никакой роли в судьбе государства и всей войны не играют. Так-то. А вот когда эта необходимость действительно возникнет, тогда он непременно окажется на своём месте. И не дрогнет, как думают некоторые.

Дверь в блиндаж была приоткрыта, из щели над притолокой слабой струёй вытекал табачный дым – Валишевский опять курил папиросы. Андреев открыл дверь шире и вошёл внутрь. В небольшом помещении табачный запах чувствовался особенно сильно; он, ка-

залось, пропитал не только воздух, но и стены, и потолок, и земляной пол. Тем не менее платок от лица Андреев убрал, не хватало ещё, чтобы поручик Клёнов опять принялся шутить над его обонянием. Поручик, кстати, лежал на своём топчане и перебирал пальцами струны гитары, наигрывая мелодию романса «Не брани меня, родная». Получалось хорошо, Андрееву нравилось, и это было единственное, что ему нравилось у Клёнова.

Валишевский сидел за столом, раскладывал пасьянс. За его спиной гудела печка, присевший перед ней на корточки денщик шевелил кочергой угли.

Андреев снял шинель, повесил на вбитый в стену гвоздь.

— Чем порадуете, прапорщик? — спросил Валишевский, не отрывая глаз от карт.

В его голосе угадывался сарказм, поэтому отвечать не хотелось, но ответить пришлось:

— Австрийцы тянут проволоку.

Обыденность фразы показалась Андрееву несуразной. То же самое или нечто похожее говорил вчера Клёнов, а ещё раньше подпоручик Окунев, а до него ещё кто-то. Одно и то же каждый день, ничего не меняется, и Андреев добавил:

— Знаете, господа, мне сегодня показалось, что в окопе пахнет яблоками. Представляете? Грязь, туман, а в окопе пахнет яблоками.

— Вам, господин прапорщик, чего только не кажется. Креститесь, — тут же отозвался Валишевский, а Клёнов будто не услышал, впрочем, за перебором струн он и в самом деле мог не услышать.

— Зря вы так, господин штабс-капитан, — проговорил Андреев. — Дело вовсе не в наваждении, и крещение тут не поможет.

Он подошёл к столу, сел и кивнул благодарно денщику, поставившему перед ним кружку с чаем – серая жестяная кружка, помятая, горячая, — Андреев взялся за неё, но тут же одёрнул руку – слишком горячая.

— Зря вы так, — повторил он. — Этот запах, он... Понимаете, он как память о прошлой жизни. Всё так... неправильно, неверно. Смотрите, мы даже чай пьём не из чашек, а из обычных солдатских кружек.

Валишевский отмахнулся.

— Бросьте, прапорщик. Чай мы пьём из кружек, потому что так практичнее. Чашки при обстрелах падают и бьются. Поймите, наконец, что дань войне начинается с мелочей.

— Просто прапорщик Андреев скучает по домашнему саду, — обрывая романс на полуноте, с усмешкой объявил Клёнов. — Подумать только, какая потеря – яблоневый сад. Или вишнёвый? А, господин прапорщик?

Андреев пожал плечами.

— Может, и вишнёвый. Дело не в названии.

Он склонился над кружкой, подул. В том саду, который упомянул Клёнов, они пили чай из блюдец. Горничная накрывала столик в беседке, ставила самовар, чайный прибор и домашнее варенье в глубоких вазочках. Он подносил блюдце к губам, делал глоток и, наслаждаясь вкусом чая, смотрел в смеющиеся глаза Катерины. И тоже наслаждался.

Андреев глотнул из кружки – не тот вкус, совсем не тот.

— Ненастоящее, — вздохнул он и подумал: ненастоящее. Слово-то какое. Если вслушаться в него, то можно услышать звуки надвигающейся беды: ненастоящее... ненастье... несчастье... Почти как артиллерийская канонада.

Андреев положил руки на стол, уткнулся подбородком в кулак. Дома он никогда бы не позволил себе такой позы, но на войне позы могут быть любые. Разные. Даже такие, которые в иной ситуации можно назвать нелепыми, как позы тех мёртвых солдат, увиденных им однажды возле лазарета: искривлённые и застывшие. Если считать жизнь несчастьем, как сказала Катерина, провожая его на фронт, то смерть, вполне возможно, одна из форм полного счастья. А смерть на войне...

— О чём задумались, прапорщик? — тасуя карты, поинтересовался Валишевский.

— О счастье.

— О чём?

— О счастье.

— Интересно. И что вы об этом думаете?

Делиться с Валишевским своими мыслями не хотелось, для него всё, что отмечено ореолом романтизма или философии, является чушью. Но сидеть и разглядывать собственные ладони скучно – ужасно скучно.

— Извольте: я думаю, что счастье и жизнь несовместимы. Я думаю, что счастье в смерти.

— Глупость какая. С такими мыслями, господин прапорщик, на войну идти нельзя – это прямая дорога на кладбище. Обратитесь к батальонному священнику, он вас полечит.

— Вы боитесь смерти, господин штабс-капитан?

— Я боюсь, что один из офицеров моей роты ради своих умозаключений погубит целый взвод.

— Но я не стремлюсь к смерти. Это не так. Я хотел сказать, что умереть можно лишь ради чего-то – в этом счастье. А само состояние смерти есть отдых, покой, который вполне сравним...

— Мне кажется, — заговорил Клёнов, — прапорщик Андреев наслушался досужих купчих на базаре. Браво, господин прапорщик, вы опустились до уровня базарной торговки. И чем торгуете? Только не говорите, что счастьем. Счастье из ваших уст смердит могилой.

— Только без хамства, господа, — поморщился Валишевский. — И вообще, хватит об этом, иначе договоримся до дуэли. Забудьте. Неужели нет других тем для разговоров?

— Темы, может, и есть, — Клёнов вздохнул и снова взял в руки гитару, — да только всё давно переговорено. А дуэль... Что ж, дуэль могла бы стать прекрасной темой для обсуждения.

— Такие темы плохо кончаются.

— Зато как хорошо начинаются: сад, запах яблок.

Клёнов вновь погрузился в своё музицирование.

Андреев выпрямился, откинулся на спинку стула. Несмотря на исходивший от печки жар, его знобило, тряслись руки и плечи. Неплохо бы выпить настой мяты, успокоиться и перестать, наконец, ввязываться в бессмысленные разговоры с Валишевским. Как ни поворачивай, но штабс-капитан Валишевский, да и Клёнов тоже, законченные прагматики. Увы!

В блиндаж, затирая плечами косяки, вошёл капитан Песков. Тучный, с длинными закрученными на казацкий манер усами, он всегда казался Андрееву этаким столпом военного дела в их маленьком фронтовом мирке. До звания капитана Песков дослужился лишь к сорока с лишним годам, что никак не могло сочетаться с успешной карьерой, тем не менее Песков вызывал у Андреева полное доверие и, если так можно выразиться, удовлетворение.

— Господа, прошу встать. Командир батальона! — скомандовал Валишевский и тут же спросил участливо: — Чаю, Александр Васильевич?

— Не откажусь, — согласился Песков и кивнул денщику. — Ну-ка, Сергуня, завари покрепче.

Пока денщик наливал чай, Песков снял фуражку, стряхнул с неё капли воды, положил на стол.

— Дождь пошёл, — проговорил он как бы между прочим. — Опять солдатики по колено в воде сидеть будут.

Воду из окопов откачивали каждый день, но её от того не становилось меньше, так что дождь – шёл он или нет – особого значения не имел, однако Песков на каждом совещании в полку указывал на то, что солдатики болеют, а обещанные интендантом настилы до сих пор не доставили. Начальству подобная настойчивость не нравилась, но Пескова настроения начальства интересовали мало.

Денщик подал капитану кружку с чаем. Песков поблагодарил, обхватил кружку ладонями и сказал, будто оправдываясь:

— Холодновато, руки мёрзнуть, — помолчал немного, выдерживая паузу, потом подмигнул лукаво: — Всё, господа, готовьтесь, генерал Брусилов готовит наступление.

— Слава богу! — выдохнул Валишевский.

— Нынче в штабе, как в курятнике – шумят, суетятся, — Песков сел на место штабс-капитана, сдвинул в сторону карты. — Нам поручено провести разведку боем. На рассвете силами батальона поднимаемся в атаку. Задача: обозначить огневые точки противника и глубину его обороны. Ваша рота и рота штабс-капитана Мискевича пойдут первым эшелоном, рота капитана Иванова в резерве. Цепи ставьте пореже и скажите солдатикам, чтоб пулям кланяться не стеснялись. Уж лучше в грязи испачкаться, чем в крови. Грязь отстирать легче.

Слушая Пескова, Андреев думал: вот и кончилось это бесплодное однообразное сидение в окопах, и теперь он докажет наконец-то всем свою полезность, и Валишевскому в том числе. Прекратятся придирки, издевательский тон, постоянные намёки на инфантильность. А если случится погибнуть или быть раненым – значит, такова судьба. Не страшно.

Остаток дня Андреев провёл в непривычном для себя возбуждении. Это не было тем ознобом, который он испытывал после словесных перепалок с сослуживцами. Отнюдь. Он чувствовал подъём, воодушевление, незнакомую ранее лёгкость, которая подталкивала его к действию. Андреев заглянул во взвод, предупредил Тугарева о предстоящей атаке и попросил фельдфебеля проверить людей перед боем. Потом вернулся в блиндаж, к сожалению, пустой, и пил чай – горячий, невкусный и ненастоящий. Пробовал написать письмо Катерине, но слова ложились на бумагу неровно, да и не те, и он комкал один лист за другим и бросал их в печку. Денщик Сергуня, глядя на столь бессмысленный перевод бумаги, хмурился и матерился негромко.

Ближе к ночи в блиндаж стали возвращаться офицеры роты. Андреев пробовал завязать разговор, но его

не слышали или не слушали, и в ответ на раздражённое восклицание Валишевского: «Ложитесь спать, прапорщик!» он вышел на улицу, присел на ящик из-под снарядов и долго смотрел в темноту, припорошенную чувственной сыростью. Как это красиво: чувственная сырость темноты. Почти как у Лермонтова. «Ночь тиха. Пустыня внемлет...» Нет, не то... Впрочем, не важно. Есть ли вообще смысл думать сейчас о стихах? Уж лучше о жизни, о том, что было и что будет. О том, как всё произойдёт, – а спать в такое время просто невозможно. Невозможно...

Его окликнул Валишевский:

— Вы так и просидели здесь всю ночь?

Андреев посмотрел на командира роты, не до конца понимая, чего тот хочет, потом кивнул. Да, так и есть, всю ночь. Хотя нет, ночь ещё не закончилась. Небо по-прежнему черно, воздух по-прежнему тёмен, и не видно тонкой светлой полосы на востоке – нет ничего, что предвещало бы скорый рассвет, только шаги и звон металла. К чему бы это?

— Поднимайтесь, прапорщик. Пора.

Ах да... Андреев встал, расправил шинель под ремнём. Война, он на войне, и скоро надо идти в бой – в его первый в жизни бой.

Окопы были полны солдат. Андреев с трудом добрался до своего взвода, поискал глазами Тугарева. Фельдфебель появился откуда-то снизу, как чёртик из табакерки, только лицо его не было исполнено бессмысленного эгоизма, наоборот, сосредоточенность сквозила во взгляде, в мимике, в словах.

— Вашбродь, люди собраны, оружье в порядке.

Андреев не ответил, лишь кивнул слабо. Вспомнился последний разговор с Валишевским: что он там говорил про кладбище? И, кстати, где отец Алексий? Уж ему-то надлежит быть здесь точно. Наверное, ещё не дошёл. Или прошёл. Жаль. А Катерине так и не написал.

— С богом, господа, — услышал он голос Валишевского.

Штабс-капитан первым поднялся на бруствер, за ним стали подниматься солдаты. Андреев замешкался; впился пальцами в край окопа, попробовал подтянуться, но пальцы скользнули вниз, и он неловко ткнулся лицом в землю. Вспыхнуло возмущение: надо было ступеньки вырубить... Кто-то подставил ему плечо, сверху протянулась рука.

— Держись, вашбродь.

Андреев ухватился за руку, неуклюже вскарабкался наверх, огляделся. Только сейчас ночь начала отступать. Воздух посветлел, потяжелел, присел в низинках вязким туманом. Фигуры солдат на фоне уходящей темноты проступали всё отчётливей, и всё отчётливей проступали очертания бесконечно длинных рядов колючей проволоки, той, что вчера днём тянули австрийцы. И ни одного кустика, ни одного клочка травы, пусть пожухшей и помятой после зимы.

Андреев расстегнул кобуру, вынул револьвер. Сердце откликнулось на это действие резким ударом; вот и стал он частью того целого, которое зовётся войной. Прапорщик... Надо же, прапорщик. Думал ли он год назад, что наденет военный мундир, прицепит саблю и скажет знакомому миру «прощай». Странно. Что ж, посмотрим, что из этого получится.

Зареготал пулемёт, грянуло запоздалое «ура». Солдатские цепи рванулись вперёд. Не желая отставать, Андреев ускорил шаг. Пулемёту ответили винтовки, и Андреев тоже выстрелил – раз, два, три... Несильный удар в грудь остановил его. Он опустил глаза – в шинели чуть правее пуговицы появилась дырка. Вечером её не было, он бы заметил, да и не позволил... Ноги подкосились, и он осел в грязь. Голова налилась тяжестью, начала запрокидываться, удержать её сил не было. Андреев вздохнул разочарованно и лёг на спину. Как быстро, как... и почти не больно.

— Вашбродь! — над ним склонился Тугарев. — Ты чего? Живой, что ли?

Андреев нащупал руку фельдфебеля, сжал.

— Тугарев... Тугарев...

— Здесь я, вашбродь.

— Это счастье, Тугарев, это... счастье для солдата умереть за Отечество!

— Какое ж тут счастье, вашбродь. Тоже мне... Это обязанность, — Тугарев склонился ниже. — Щас мы тебя до лазарету отнесём. Рана так, пустяковая, не бойся. Дохтор у нас добрый... А счастье, вашбродь, оно по ту сторону войны, — и вздохнул: — Прячется.

Крепкие руки подхватили Андреева под плечи, приподняли. Дышать стало легче. Андреев хотел сказать, чтоб оставили его здесь, на земле, что теперь он справится сам, но вместо слов наружу вырвался кашель.

— Ты уж помолчи, вашбродь, — снова заговорил Тугарев, — ты уж помолчи. А мы тебя донесём. Мы тебя донесём.

Андреев улыбнулся – снова запахло яблоками. Казалось бы, должно пахнуть гарью и землёй, в крайнем случае страданием, ибо ничем иным война пахнуть не может. Но пахло яблоками. Вербными. Кисло-сладкими.

Литературно-художественное издание
МОСКОВСКИЙ ДОМ

Выпуск № 6

НЕСКОЛЬКО СТРОК НА ПЕСЧАНОМ ПЛЯЖЕ

Руководитель проекта «Московский Дом»
Ольга Грушевская

Подготовка оригинал-макета и дизайн
Группа «Московский Дом»

Редакторы
Ирина Чижова
Всеволод Круж

Обложка
На первой странице
Евгения Кокорева «Бесконечность», 2009, деталь
На четвёртой странице
Евгения Кокорева,
картина из цикла «Преодоление», 2010

Компьютерный дизайн обложки
Алексей Старобурасовский

Подписано в печать 03.03.2015 г. Формат 60x90 1/16
Усл. печ. л. 20,6. Тираж экз.
Заказ № M01.0810.002

Московский Салон Литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru
Отпечатано в «онтоПринт»
www.ontoprint.ru

Серия книг «МД»
Современная поэзия и проза
МОСКОВСКИЙ ДОМ

Серия книг «МД» представляет собой литературно-художественное издание и включает как поэтические, так и прозаические произведения различных жанров: реализм, детектив, фантастика и фэнтези, мистика и приключения, мистический реализм, пьесы.

И хотя преимущество имеют московские авторы, члены МОССАЛИТа и Московское региональное отделение МСП «Новый Современник», составители сборника также будут рады гостям из других регионов и даже стран. В сборнике «МД» всегда найдется место талантливым и разносторонним авторам.

Заявки на участие в проекте, приобретение книг:

stephania_05@mail.ru

Концепция:

http://www.mossalit.ru/moskovskii-dom/kontseptsiya.html